

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ფილია, ისტორიისა და მაცოდ. კულტურის ინსტიტუტი ავად. 6, შატის სახ.
Ин-т языка, истории и матер. культуры им. акад. Н. Я. Марра

მ ა ს ა ლ ე ზ ი

საქართველოსა და კავკასიის ისტორიისათვის

М А Т Е Р И А Л Ы

ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ И КАВКАЗА

1 9 4 2

ნაკვეთი III В Ы П У С К

თბილისი

1 9 4 2

2-362

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ინსტ. ისტორიისა და მაცოდრ. კულტურის ინსტიტუტი აკად. ნ. მარის სახ.
Ин-т языка, истории и матер. культуры им. акад. Н. Я. Марра

მასალები

საქართველოსა და კავკასიის ისტორიისათვის

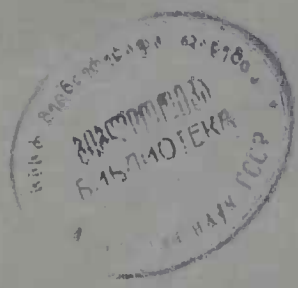
МАТЕРИАЛЫ

ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ И КAVKAZA

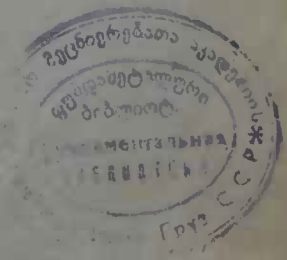
P868

1942

საბჭოთა III ВЫПУСК

თბილისი
1942

დაიბეჭდა საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის
პრეზიდიუმის განკარგულებით

რედაქტორი პრ. ფ. ნ. ბერძენიშვილი

СОДЕРЖАНИЕ

Восстание в Имеретии 1819—1820 гг.

I. Имеретинское восстание в исторической литературе . . .	12
II. Имеретия перед восстанием	22
III. Церковная реформа	54
IV. Подготовка и начало восстания	69
V. Отголоски Имеретинского восстания в Гурии и Мингрелии	93
VI. Новый подъем восстания и поражение	106
VII. Причины поражения и результаты восстания	120
Приложения	129
Литература об Имеретинском восстании 1819—1820 гг.	184
Исправление ошибок	184

ხელმოწ. დასაბეჭდ. უკ. ფ. 1.X.42
ბეჭდურ ფორმათა რაოდენობა 11,5
ანაწყ. ზომა 6×10,5; ქალ. ზ. 62×94
შეკვეთის № 331; ტირაჟი 1000 ც.
უე 10093

საქართვე. სსრ მეცნ. აკადემიის გამომც.
სტამბა, თბილისი, ა. წერეთლის ქ. № 7.

Н. Б. МАХАРАДЗЕ

ВОССТАНИЕ В ИМЕРЕТИИ 1819—20 ГГ.

Кризис государственного строя Грузии, особенно обострившийся в конце XVIII столетия, в начале нового века закончился утратой самостоятельности страны и присоединением ее к России.

С этого момента Грузия вступила в новую полосу своей истории. Включенная в состав Российской империи, она прочно связалась с жизнью России и на протяжении ряда десятилетий испытала на себе и тяжелый гнет царского колониального режима и могучее влияние прогрессивных социально-политических факторов, действовавших в России.

Грузия в момент присоединения ее к России не представляла единого централизованного государства. Она еще с конца XV столетия была разделена на три царства и несколько феодальных княжеств. Ее хозяйственное и политическое развитие шло чрезвычайно медленно, господство натурального хозяйства тормозило укрепление экономических взаимоотношений и культурно-политических связей между ее разными частями. Страна, раздираемая феодальными распрями, подверженная постоянным нападениям со стороны внешних врагов, большей частью находилась в вассальной зависимости от Ирана и Турции. Только в наиболее благоприятные периоды Грузии удавалось более или менее в полной мере выходить из этой зависимости и объединиться в сравнительно крупное самостоятельное государство. По меткой характеристике товарища Сталина, Грузия того периода представляла собой ряд оторванных друг от друга княжеств, которые «веками вели между собою войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушие крестьян» (Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 5—6).

Политическая раздробленность Грузии, часто игравшая в истории страны роковую роль, обусловила ее слабость и падение под власть России. Но эта же раздробленность, наличие в Грузии нескольких самостоятельных или полусамостоятельных государственных образований, затягивала процесс присоединения ее к России. Поэтому установление русского правления произошло не по всей Грузии сразу.

Этот процесс, начавшийся в 1801 году с восточной Грузии, длился несколько десятилетий и был завершен только в 70-ых годах XIX столетия. К этому времени под власть России подпала кроме восточной Грузии и западная Грузия, а именно царство Имеретии и княжества Гурия, Мингрелия и Абхазия.

Этим актом закончилась длительная борьба, которая шла за обладание Грузией со стороны Ирана, Турции и России.

Иран и Турция на протяжении многих веков были ближайшими соседями и самыми опасными врагами Грузии. Они вели многочисленные войны за обладание Грузией с грузинским народом и между собой.

Россия в борьбу вступает позднее этих государств, наносит им ряд крупных поражений и, добившись высвобождения Грузии из под их влияния, присоединяет ее к себе.

Турция и Иран к концу XVIII столетия приходят в упадок. Турция, формально единое государство, далеко не была действительно единым централизованным государством.

Разноплеменный состав населения Турции еще больше увеличивал центробежные силы. В этой разноплеменности Маркс видел одну из основных причин начавшегося упадка Турецкой империи. Указав, что от турецкого ига страдают культурные передовые народы—греки, армяне и славяне, Маркс писал, что турки держатся исключительно благодаря монополии на гражданские и военные должности: «Если бы они не имели монополии на гражданские и военные должности, они скоро совершенно исчезли бы. Но эта монополия стала невозможной в будущем, и сила турок превратится в бессилие, исключая тех случаев, когда они явятся препятствием к прогрессу» (Маркс и Энгельс. Сочинения, т. IX, стр. 392).

Поэтому Маркс мечтал о создании в европейской Турции «независимого славянского государства на место одряхлевшей, насквозь прогнившей Высокой Порты» (там же, стр. 397).

Турция застряла на этапе феодального развития, вызревание нового общественного строя было сковано, ее постигла участь тех стран, которые оказались не в силах перейти на рельсы капиталистического развития и на ее базе создать новый политический строй. Феодальная разобщенность, постоянные междоусобицы, веронетерпимость, кровавые гонения, организуемые против христиан, составлявших значительную часть населения тогда еще обширной турецкой империи и, наконец, ряд крупных поражений, нанесенных ей со стороны европейских государств, особенно России, ослабляют это некогда сильное государство.

В таком же состоянии находился и Иран, лишенный экономического единства и политической цельности, раздираемый борьбой претендентов на шахский престол, в которую нередко вовлекалась в качестве вассала и Грузия. Кратковременные завоевания Ираном отдельных частей Грузии всегда сопровождались неограниченным грабежом населения и физическим уничтожением огромных масс народа. Иран, как и Турция, в общественно-экономическом и культурном отношении представляли государства отсталые.

Поэтому не удивительно, что ни Турции, ни Ирану не удалось прочно захватить Грузию. Грузинский народ никогда не мирился с завоевателями и мужественно вел с ними длительную борьбу. Даже в тех районах Грузии, где господство турок оказалось сравнительно длительным, они держались террором и исключительными репрессиями. Подпадение под власть Турции или Ирана грозило Грузии огромными бедствиями.

Значительно иную картину по сравнению с Ираном и Турцией представляла Россия, которая, отстав в своем общественно-экономическом развитии от западно-европейских государств, значительно опередила восточные страны. В России многочисленный и воинственный народ «великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию» (Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 10), выдержав натиск многочисленных иноземных нашествий, подчинил себе десятки малых и неразвитых народов и создал обширное многонациональное государство — Российскую империю.

Образование многонациональных государств в эпоху перехода от феодализма к капитализму было типичным явлением для

восточной Европы. Если на западе процесс формирования нации и образования национальных государств, происходивший на фоне разложения феодализма и развития капитализма, совпал, то на востоке Европы образование государств новой формации происходило быстрее разложения феодализма и формирования нации. Поэтому тут типичными были многонациональные государства с более развитой национальностью во главе.

Этот интересный и своеобразный процесс гениально вскрыл товарищ Сталин в своем докладе на X-м съезде РКП(б): «На Востоке Европы, наоборот, процесс образования национальностей и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на Востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народностей, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство», и дальше: «...на Востоке зарождаются многонациональные государства с одной, более развитой, нацией во главе с остальными, менее развитыми, нациями, находящимися в политическом, а потом и в экономическом подчинении нации господствующей» (Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 73—74).

Таким образом государства, сложившиеся на востоке Европы при зарождении капитализма, с самого начала были государствами с национальным гнетом, где было господство более развитой нации над другими неразвитыми и слабыми народами. Одним из самых крупных многонациональных государств была царская Россия, державшая в закабалении десятки народов.

Этот процесс «объединения» малых и неразвитых народов вокруг более развитой нации, которая организовывала централизованное государство, коснулся и народов Закавказья, из которых грузины были первыми, оказавшимися в орбите Российской империи.

Феодальные распри разьедал и государственнй организм Грузии. В силу этого она все больше была подвержена нападениям окружающих ее враждебных государств. Господствующий класс оказался неспособным объединить государство и без внешней помощи сохранить самостоятельное государственное существование Грузии. Это обстоятельство, приводившее Грузию к поискам государств-покровителей, облегчило проникновение царской России в Грузию. Уже с 1586 года русские цари, играя роль покровителей Грузии, присвоили титул «государей Иверской земли и Грузинских царей». Однако, это название носило чисто номинальный характер и было лишено реального содержания. Русское царство, в тот период еще слабое, лишенное возможности регулярного сообщения с Грузией, отрезанное от последней обширными южными степями и трудно проходимыми Кавказскими горами, не располагало доступом к берегам Черного моря и не могло прочно связаться с такой отдаленной страной, как Грузия и противостоять государствам — соперникам.

Положение меняется во II-й половине XVIII столетия, когда Россия, интенсивно продвигаясь на юг, прочно заняла северное подножие Кавказских гор, разгромила кочевников Крыма и получила доступ к северным берегам Черного моря. В это время интерес к Грузии со стороны правящих кругов России усилился.

Было естественно, что, стремясь проникнуть в Закавказье, русское правительство обратило свое внимание в первую очередь на Грузию, так как из всех народов Закавказья в этот период только грузины имели независимое государство. Их воинственность и вековая вражда с окружающим мусульманским миром были широко известны, а религиозное родство, «единоверие» русских и грузин могло быть широко использовано русским правительством и облегчало идеологическую подготовку не только «покровительства» и «подданства», но и присоединения Грузии к России.

При этих условиях Грузия могла оказаться важной базой для осуществления военно-политической экспансии русского царизма на Восток¹.

¹ Какое значение придавало русское правительство выступлению Грузии на стороне России в ее борьбе с Турцией, видно, между прочим, из письма Екатерины II Вольтеру от (8) — 19 января 1770 года. В этом письме Екатерина, рассматривая выступление грузин против турок, как одно из существенных преимуществ России в войне с Турцией и, видимо, отве-

Кроме того Грузия привлекала слухами о сказочных естественных богатствах края, она представляла также наиболее удобный транзитный путь для торговли со странами Востока.

Однако технически отсталое, экономически маломощное хозяйство царской России в первое время не располагало нужными средствами для экономического освоения Грузии. Слабо развитое товарное производство России, отсутствие удобных путей сообщения и отдаленность промышленных центров России от Закавказских владений не создавали благоприятных условий для торговли с Грузией и для вывоза русских товаров на рынки Турции и Ирана.

Поэтому долгое время Грузия имела главным образом военно-стратегическое значение для России, являясь важным плацдармом в борьбе с Турцией и Ираном, а также для проникновения к горским народам. Грузинские цари с своей стороны стремились использовать русские войска для обуздания феодалов и, главное, для защиты страны от нападения внешних врагов, в первую очередь Турции и Ирана.

Появление русских войск в Грузии с конца XVIII столетия делало все более непрочным положение Ирана и Турции в Закавказьи. Грузия ускользала из рук, но чем более шаткой становилась позиция этих государств в Грузии, тем настойчивее требовали они от Грузии подчинения и отказа от сотрудничества с Россией. Надо было выбирать между Турцией и Ираном с одной стороны и Россией с другой. Царская Россия была союзником далеким и, как казалось, ненадежным. Ее войска нередко оставляли Грузию в момент смертельной опасности. А под боком были соседи, которые веками были связаны с Грузией. Они требовали прекращения связи с Россией, не скупилась на щедрые обещания в этом случае, грозили тяжкими карами в случае отказа. Огнем и мечем уничтожали они грузинские села и города, мстя за союз с Россией.

Не без борьбы решался вопрос о том, с кем идти. В руководящих кругах господствующего класса группа феодалов

чая на вопрос, который интересовал Вольтера, писала ему: „Грузины действительно подняли оружие против турок... Ираклий, могущественнейший из их князей—человек с головой и храбрый. Прежде он содействовал при знаменитом Шах-Надире завоеванию Индии. Мои войска перешли Кавказ прошлой осенью. Там-сям было несколько стычек с турками. Весна покажет остальное“. (Сборник Русск. истор. общества 1872 г. т. X, стр. 402).

ориентировалась на Турцию и Персию с их косными формами хозяйственной и политической жизни. Но победа осталась за теми, которые не поддались увещаниям Турции и Ирана и решительно шли на сближение с Россией.

Важнейшим моментом в этом направлении было заключение известного георгиевского трактата 1783 года. Заключение трактата явилось этапом к полному присоединению, в противовес желанию ее грузинских сторонников, которые стремились сохранить автономию в рамках Российской империи. Ираклий II, заключая договор с Россией, рассчитывал сохранить грузинское правление и царскую корону за своим потомством. Из такого же предположения исходил имеретинский царь Соломон II, вынужденный в 1804 г. перейти в подданство царской России.

Однако сохранение грузинского правительства с царем во главе совсем не входило в расчеты русского царизма. Оно противоречило существовавшей в России политической системе централизованного крепостнического государства.

Как только представился удобный случай, грузинское царство было упразднено; односторонним актом русского царского правительства Грузия была присоединена к России.

Указами 18 января и 12 сентября 1801 года восточная Грузия была включена в состав Российской империи, а 6 марта того же года преобразована в губернию России. Несколько позднее к России были присоединены Имеретия—в 1810 г., Гурия—в 1826—30 гг. Таким образом, уже к концу 30-х годов XIX столетия большая часть Грузии оказалась в составе крупного государства—России, вступившего на путь капиталистического развития.

Когда Россия укрепилась в Закавказье, Грузия была ограждена от постоянных нападений со стороны своих беспокойных соседей, особенно Ирана и Турции. Она медленно, но неуклонно включалась в Российский и мировой рынок. Росла торговля, появились первые фабрики и заводы.

Капитализм проникает и в сельское хозяйство, вызывая разложение натурального хозяйства. Как писал Ленин, «Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности—остаток старинной патриархальной замкнутости,—создавал себе рынок для своих фабрик» (Ленин. Сочинения, т. III, стр. 487).

Обострение противоречий крепостного строя вслед за Россией вызывает отмену крепостного права и в Грузии, что в свою очередь ведет к ускорению экономического развития Грузии. «...Падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое» (Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 6).

Зарождение торгово-промышленных предприятий, развитие путей сообщения, все более быстрое деление деревни на противоположные полюсы — влекут за собой возникновение и развитие рабочего класса, развертывание классовой борьбы.

Представляя собой крепостническую монархию, русский царизм всемерно оберегал господство помещиков-князей и дворян Грузии, тормозил развитие хозяйственной и политической жизни, стремился консервировать феодальные порядки. «Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве» (Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 61).

Эта политика всемерной поддержки господства дворянства и усиления крепостнического гнета обостряла противоречия между крестьянством и помещиками, усиливала борьбу, переходившую нередко в форму вооруженных восстаний.

«История этой эпохи, — писала знаменитая Сталинская газета «Брძола» в статье, посвященной 100-летию установления русского правления в Грузии, — знает не мало потрясающих картин, когда, отчаявшись, народ грозил господскому дому разгромом и сотнями и тысячами делался жертвой насилия, штыков и беспощадного деспотизма власти. Правительство покровительствовало дворянству, а народ стонал под этим двойным игом» (Сборник «Ладо Кецховели» под редакцией Л. П. Берия, стр. 49).

Проводя в Грузии политику национального угнетения, царское правительство преследует грузинскую культуру и грузинский язык. Тяжелый крепостнический гнет усиливается колониальным гнетом.

Широкие массы грузинского народа не раз подымались на борьбу против русского царизма. Борьба эта проходит через всю историю Грузии после ее присоединения к России. Она неред-

ко принимает общенародный характер, где временами выступают совместно различные классы и социальные группы, ведущие острую борьбу также между собой.

Показать истинную картину движения, вскрыть борьбу между классами даже в том случае, если она недостаточно выпукло обозначена на поверхности движения, является первейшей задачей исторического исследования. Ленин предупреждал, говоря об общенациональном движении, никогда не замазывать классовую борьбу, строго различать различные социальные силы, участвующие в движении. Ленин писал: «Понятие «общенациональная революция» должно указывать марксисту на необходимость точного анализа тех различных интересов различных классов, которые сходятся на известных определенных, ограниченных общих задачах. Ни в коем случае не может служить это понятие для того, чтобы затушить, заслонять изучение классовой борьбы в ходе той или иной революции» (Ленин, Сочинения, т. XI, стр. 204).

С соблюдением этого руководящего методологического указания должны быть изучены и массовые народные движения XIX столетия в Грузии, где классовый состав движения неоднороден. Но всюду, где борьба принимает широкий характер, основную массу борцов и решающую силу восстания составляют крестьянство и плебейский элемент городов.

Восстание в Имеретии и Гурии 1819—20 гг. было одним из крупнейших восстаний XIX века в Грузии. Оно продолжалось свыше одного года, захватило всю Имеретию, почти всю Гурию и перекинулось в Мингрелию.

ИМЕРЕТИНСКОЕ ВОССТАНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Восстание в Имеретии и Гурии в 1819—20 гг. занимает значительное место в истории Грузии XIX столетия. Однако, оно все еще не получило должного освещения в нашей исторической литературе. Из современных советских историков изучением и разработкой этого вопроса никто не занимался.

Большая часть материалов, относящихся к Имеретинскому восстанию, не собрана и не опубликована. Значительную трудность для исследования представляет и то обстоятельство, что ряд важнейших вопросов истории Имеретии этого периода, в частности вопрос о структуре и особенностях крепостничества, не разработаны¹.

До сих пор не имеется ни одного специального исследования, посвященного истории этого крупного народного движения. Только в некоторых общих работах по Истории Грузии и Кавказа XIX столетия делались попытки освещения Имеретинского восстания и отводилось этому вопросу определенное место. Большинство этих работ совершенно устарело, принадлежат они перу официальных царских дореволюционных историков, ставивших своей целью не исторически правдивое и науч-

¹ Большинство историков позднего феодализма в Грузии сосредотачивают свое внимание на историю феодализма в восточной Грузии. Литература по истории феодализма в западной Грузии особенно бедна, причем имеющиеся работы большей частью относятся не к Имеретии, а другим ее районам (А. Ламберти, Бороздин, Р. Эристави). Только в последнее время история крепостничества в Имеретии привлекает внимание исследователей. Из работ, посвященных разработке этого вопроса, надо отметить статью С. Какабадзе „Материалы по социально-политической истории Западной Грузии“. (Сборник „Саисторио Кребули“, 1928 г., кн. 1) и статью Л. Мухелишвили „Социально-экономические категории западно-грузинского крестьянства XVI—XVII вв.“. (Известия ИЯИМК V—VI, 1940). К сожалению, эта статья истории XIX столетия не касается.

ное освещение событий, а оправдание колониальной политики русского царизма.

Освещению вопросов Имеретинского восстания уделяется внимание также в работах современных советских историков: И. А. Джавахишвили в работе «Политическое и социальное движение в Грузии в XIX веке», Спб, 1906 г., стр. 20—23, и Г. В. Хачапуридзе—«Крестьянское движение в Грузии», 1933 г., стр. 46—48.

В старой дореволюционной литературе Имеретинское восстание было известно под названием «церковного бунта», чем ошибочно подчеркивалась религиозная основа восстания. Следы такого объяснения причин восстания сохранились и в позднейшей литературе.

В большинстве случаев Имеретинское восстание рассматривается как движение исключительно дворянства и духовенства против русского правления. В нем крестьянству не отводится должное место. Даже те авторы, которые пишут об участии крестьянства в восстании, обычно утверждают, что оно шло на поводу у духовенства. При таком рассуждении упускается из виду, что крестьянство, сильно задетое церковной реформой, выступает самостоятельной струей в движении, придает ему массовый характер, а борьбе—острые формы. Оно не ограничивается требованием отмены церковной реформы, активно борется за смягчение, а нередко и за отмену крепостнических повинностей.

И таким образом крестьянство является не только соучастником борьбы против колониального гнета, но и борцом против крепостничества.

Из дореволюционных историков восстание в Имеретии освещено у Н. О. Дубровина в работе «История войн и владычества русских на Кавказе». (Этому вопросу посвящены главы 16 и 17 VI тома названной работы, стр. 390—437), в работе В. Потто «Кавказская война», изд. 1885 г., т. II, вып. 1-й, гл. XII, стр. 737—764 и в большом многотомном труде под редакцией В. Потто «Утверждение русского владычества на Кавказе», т. III, ч. II, гл. 20 и 21, стр. 497—539 и т. XII, стр. 65—75, 92—97, 126—128. Указанный XII том составлен Иваненко. Эта работа Иваненко издана также отдельной книгой под названием «Гражданское управление на Кавказе», 1901 г.

Работа Н. Дубровина вышла в 1888 году, работа же В. Пот-

то «Утверждение русского владычества на Кавказе»¹ позднее — в 1904 году. Выход этой работы был приурочен к столетию присоединения Грузии к России. Содержание ее в части, освещающей Имеретинское восстание, в значительной мере совпадает с вышеуказанными главами ранней работы того же автора — «Кавказская война».

Оба автора являются официальными царскими историками. И хотя их работы выделяются из всей литературы по Имеретинскому восстанию своим объемом, однако они не вскрывают ни подлинных мотивов, ни классовой природы восстания. Они затушевывают остроту социальных противоречий и колониального гнета, объясняют восстание слабостью подготовительной работы к проведению церковной реформы, описанием, кроме церковных имений, также имений помещиков и слабостью правителя Имеретии ген. Курнатовского. С другой стороны причиной восстания эти авторы считают «действие нескольких неблагонамеренных людей» и «невежество имеретинского народа», якобы испуганного одним только приведением в известность церковного имущества.

Восстание в Имеретии совпало с наиболее бурной эпохой Кавказской войны. Реализация ермоловского плана покорения Кавказа обострила борьбу между горскими народами и царским правительством. В различных районах обширного театра военных действий с большой силой вспыхивали народные восстания. Их приходилось усмирять силой оружия. Много племен, однажды уже покоренных, приходилось снова покорять. Однако, борьба шла не только между русским правительством и кавказскими народами, она была гораздо сложнее и многообразнее. Среди самих кавказских народов нередко возникали острые социальные конфликты, оказавшие значительное влияние на исход их борьбы с русским царизмом. Дореволюционные историки Кавказской войны не уделяют этой стороне вопроса должного внимания. Они игнорируют освещение внутреннего содержания движения и сосредоточивают внимание на внешней стороне явления, ограничиваются в основном более или менее подробным описанием военных действий.

Дубровин и Потто являются наиболее крупными представителями этой группы историков. Они в своих работах рассмат-

¹ „Утверждение русского владычества на Кавказе“ — обширная многотомная работа под редакцией ген. Беляевского и В. Потто.

ривают имеретинские события как одно из обычных восстаний, которыми так богата история Кавказа этого периода. Для них Имеретинское восстание—просто эпизод Кавказской войны. Основное содержание их работ в части, относящейся к Имеретинскому восстанию, составляет описание мероприятий правительства и действия царских войск против повстанцев. Оба автора освещают события в общем одинаково. Однако, работа Дубровина проникнута более реакционным духом. Он не скупится на оскорбительные эпитеты по отношению к имеретинам и гурийцам, стремясь доказать, что они якобы в силу своей дикости и некультурности не сумели оценить заботу царского правительства о них, поддались увещеванию неблагонадежных лиц и т. п.

Работа Потто полнее работ других авторов. В частности, она дает некоторые сведения о последующей судьбе главнейших действующих лиц восстания, причем он берет только тех, которые остались верными царскому правительству (М. Гуриели), или были впоследствии реабилитированы (Кайхосро Гуриели, Георгий Дадияни).

Оба автора в ряде случаев допускают погрешности при применении географических и других собственных имен. Например, Дубровин речку Бжуджа называет р. Шемокмеди (Дубровин. История войн, стр. 425) по аналогии с названием крепости и селения. Фамилия Болквадзе приводится у Дубровина как «Бусквадзе» (там же, стр. 423).

Эти работы, вышедшие из под пера царских генералов¹, являются до сих пор единственными работами, освещающими

¹ Н. Дубровин—генерал царской армии, историк, академик, родился в 1837 г., умер в 1904 г. С 1900 г. непреременный секретарь академии наук, с 1893 г. редактор исторического журнала „Русская старина“. Занимался главным образом историей войн, издал также 3 тома материалов „Пугачев и его сообщники“, собирал материалы по истории декабристов. Много работал по истории Польши и Кавказа. Работы Н. Дубровина по истории Грузии и Закавказья посвящены, главным образом, обоснованию и ходу утверждения русского правления в Закавказье. Главные работы Н. Дубровина по этому вопросу следующие: „Закавказье от 1803 г. по 1806 г.“ изд. 1866 г.; „Георгий XII, последний царь Грузии и присоединение ее к России“; „1802 г. в Грузии—“ впервые напечатано в „Вестнике Европы“ в 1868 г. Самой обширной работой его по истории Кавказа является труд „История войн и владычества русских на Кавказе“. Изложение доведено до 1827 г. и заканчивается управлением Ермолова, вышло всего 6 томов. Первый том вышел в 1871 г., последующие 5 то-

имеретинское и гурийское восстания. Основное значение их заключается в том, что они содержат значительный конкретно-исторический материал, а главное — большое количество выдержек из архивных материалов, часть которых не сохранилась.

Как на одну из самых ранних работ, отводящих несколько страниц Имеретинскому восстанию, нужно указать на книгу Пл. Зубова «Подвиги русских воинов в странах Кавказских» (часть III, стр. 64—69). Книга содержит очень краткое и поверхностное изложение событий. Последнее начинается с момента смерти полков. Пузыревского в Гурии. Крепость Шемокмеди, бывшая центром восстания в Гурии, вокруг которой разворачивались крупные военные столкновения, у Зубова названа ошибочно «Шамат-Мата»¹ (Пл. Зубов. Указ. работа, стр. 69).

Краткое изложение Имеретинского восстания имеется также в работе Николая Дадиани «История Грузии»². Эта рукопись относится к первой четверти XIX столетия. Автор — сам современник восстания и участник событий. Работа содержит интересные сведения об участниках восстания и в части, изла-

мов вышли с 1886 по 1888 гг. Для написания этой работы использованы материалы как центральных архивов России, так и материалы, собранные в Закавказье. Вопрос о Закавказьи и Грузии затрагивается и в других работах Дубровина: „Братья Потемкины на Кавказе“, журн. „Русский вестник“, 1878 г. „Кавказские войны в царствование Николая I и Александра II“ (1825—64 гг.) в „Обзоре войны России от Петра Великого до наших дней“ и в работе „Восточная война 1853—1856 гг.“.

В. Потто родился в 1836 г., умер в 1911 г., генерал царской армии, долго служил на Кавказе. С 1899 года до смерти был начальником военно-исторического отдела штаба кавказской армии. Много писал по истории кавказской войны.

¹ На эту ошибку мы обращаем внимание потому, что она встречается и в позднейшей литературе. Так, например, в Военной энциклопедии при описании Гурийского восстания кр. Шемокмеди, видимо, под влиянием ошибки Зубова, названа „Шамат-Мата“ (Военная энциклопедия, т. V, стр. 291).

² „История Грузии“ Н. Дадиани впервые была напечатана в газ. „Иверия“ с перерывами в номерах с 5 по 18 за 1877 год под названием „Материалы нашей истории“. События 1819/20 гг. в Имеретии и Гурии изложены в 14 номере газеты. Позднее эта работа Н. Дадиани была напечатана Е. Такайшвили в сборнике „Описание рукописей общества распространения грамотности среди грузинского населения“, т. 1, вып. 1—4, стр. 9—104, изд. 1902—1904 гг. В сборнике помещены грузинский текст и русский перевод рукописи.

гающей борьбу в Имеретии и Мингрелии, носит характер мемуаров:

Мемуарная литература об Имеретинском восстании особенно бедна. Из нее надо отметить книгу генерала А. П. Ермолова «Записки во время управления Грузиею», где несколько страниц посвящено Имеретинскому восстанию. Эти записки интересны для выяснения взаимоотношений Ермолова с экзархом Грузии Феофилактом Русановым. На страницах этой книги, посвященных имеретинским и гурийским событиям, Ермолов сводит счеты с Феофилактом, который, добываясь бесконтрольного распоряжения церковным имуществом, мало считался с гражданской властью и с мнением властолюбивого и более опытного Ермолова. Пренебрежение к его советам, честолюбие Феофилакта, его нераспорядительность и упрямство считает Ермолов одной из основных причин восстания. Записки отмечают некоторые черты в характере Русанова, «горделивого, честолюбивого монаха», как его называет Ермолов.

Записки рисуют ужасающую картину кровавой расправы царских войск с повстанцами Имеретии и Гурии. Они ценны как обличительный документ против русского царизма и его колониального режима, написанный одним из самых крупных его представителей на Кавказе.

К мемуарной литературе принадлежат также воспоминания царского офицера Дубецкого¹ (жур. «Русская Старина» за апрель 1895 г., имеется грузинский перевод в жур. «Моамбе», № IX 1896 г.).

Дубецкий описывает действие царских войск в Раче, предательство Ломкаца Лежава—командира отряда повстанцев, выдавшего руководителей восстания, и расправу с повстанцами. Это—единственные дошедшие до нас воспоминания, написанные рукой очевидца Имеретинского восстания. В этом и заключается их основное значение.

Материалы, относящиеся к Имеретинскому восстанию, помещены в Актах кавказской археографической комиссии, т. VI, часть I, стр. 377, 390—395, 397, 418—441, 532—643, 668—676. Эти материалы представляют переписку Ермолова и Вельяминова с царем и его министрами, с владетельными князьями Гурий

¹ Дубецкий был адъютантом полковника Горчакова—правителя Имеретии. Он участвовал в военной экспедиции в Рачинском округе.

2. მასალები საქ. და კავკ. ისტორიისათვის, 1942 წ., ნაკვ. III.

Мингрелии, а также с правителями Имеретии, Курнатовским и Горчаковым, с Горийским окружным начальником Титовым и другими чиновниками царского правительства. В актах помещены воззвания к населению Имеретии ген. Вельяминова, ген. Сысоева и Ермолова.

Большой интерес представляют помещенные в актах документы повстанцев, в частности письмо жителей Шорапанского, Вакинского и Кутаисского округов на имя правителя Имеретии, а также письмо жителей Рачинского округа к окружному начальнику Цацке. Несмотря на то, что в Акты включены далеко не все архивные документы, относящиеся к Имеретинскому восстанию, и подбор печатаемых документов произведен тенденциозно, они все-таки дают многое для понимания колониальной политики русского царизма и уяснения подлинных мотивов восстания. Материалы Актов являются основным печатным источником для изучения Имеретинского восстания.

Значительная часть этих материалов сохранилась в Архивном Отд. НКВД Гр. (быв. Центральный архив Грузии). Из них большую ценность представляют дела № 4 и № 5 из фонда особо важных дел¹. Большинство документов, напечатанных в Актах кавказской археограф. комиссии, взято из этих дел. Однако, как указано выше, материалы Имеретинского восстания были опубликованы в Актах далеко не полностью. В частности, туда не вошли описи церковных имений и крестьян, сохранившиеся в деле № 5.

Эти описи содержат чрезвычайно ценные данные для характеристики крепостнических повинностей в Имеретии и содействуют выяснению подлинных причин восстания. До настоящего времени материалы описей никем из авторов, освещающих Имеретинское восстание, не были использованы².

¹ Археографическое описание этих дел см. в работе М. Полневкова „Архивное дело о восстании в Имеретии, в Гурии и Мингрелии в 1819—1820 гг.“. Сборник „Саисторио Моамбе“, 1924 г., кн. II. Копии большинства этих материалов находятся в ИЯИМК АНГ ССР. На них нам указал проф. Н. Бердзенишвили.

² Сохранившиеся в АОНКВДГ материалы описей церковных имений использованы и частично опубликованы С. Какабадзе в статье „Материалы по социально-экономической истории Западной Грузии“. Сборник „Саисторио Кребули“, 1928 г., кн. 1, стр. 28—32, 56—94, книга III, стр. 39, 64—75.

Большой интерес представляют также сохранившиеся в том же фонде архива, д. № 14, описи княжеских имений, конфискованных после восстания.

Хотя большая часть описей и датирована временем, значительно отдаленным от момента восстания, но, как видно, они составлены на основании описей, проведенных непосредственно после восстания в 1822—24 гг.¹ Описи эти дают много сведений о крестьянских повинностях и имущественном положении ряда крупнейших помещиков Имеретии, а именно князей Абашидзе, Цулукидзе и Яшвили. Материалы эти весьма ценны для воссоздания картины крепостнических отношений в Имеретии в первой четверти XIX столетия.

На грузинском языке кроме вышеуказанной литературы, посвященной Имеретинскому восстанию, надо отметить статью П. Цхвилоели «Церковное восстание в Имеретии и Гурии», помещенную в газ. «Иверия» (1893 г., №№ 118, 119, 120, 121). Статья эта по содержанию, а также по форме изложения почти целиком совпадает с соответствующей главой работы В. Потто «Кавказская война». Очевидно, она является сокращенным переводом главы из работы Потто, хотя автор статьи нигде этого не оговаривает. Единственным моментом, несколько отличающим статью Цхвилоели от работы В. Потто, является то, что в статье приводятся несколько фактов из биографии митрополитов Кутатели и Генатели, которых у Потто нет.

Кроме вышеуказанных печатных материалов в дореволюционной литературе ничего нет, если не считать отдельных случайных замечаний, которые ничего существенного по этому вопросу не дают.

Любопытным образцом того, как иногда писалась история невежественными царскими чиновниками, является статья Цило-

¹ История появления этих описей рисуется в следующем виде. После окончания русско-иранской (1826—1828 г.) и русско-турецкой войны (1828—1829 г.) Николай I, желая отметить верную службу грузинского дворянства, особенно проявленную им во время этих войн, в 1830 г. издал указ вернуть из ссылки дворян и князей, сосланных во время Имеретинского восстания, и возвратить им отобранные имения. Опись имений, подлежащих возвращению, была поручена имеретинскому правительству, которое, как видно, составило эти описи на основании старых описей, сделанных в 1821—24 гг., непосредственно после восстания. Часть этих старых описей хотя и сохранилась в деле, но они попорчены и их использование в настоящее время не представляется возможным.

ва «Из боевой жизни Ермолова на Кавказе». Статья помещена в «Кавказском сборнике» № XIX. Автор статьи, касаясь Гурийского восстания, пишет, что Ермолов после возвращения в Тифлис узнал, что «командир 44 егерского полка, расположенного в Гурии, полковник Пузыревский изменническим образом убит в горах неким горцем Койхаре-Гуриалом. Убийство это было сигналом к возмущению Имеретинской, Мингрельской и Гурийской провинции». Далее автор сообщает о военной экспедиции Вельяминова, который, по словам автора, «был послан в аул, где жил убийца. Мщение совершено: пойманный Койхаре-Гуриал и его сообщники истреблены, а аул за непокорность жителей сожжен до тла» (стр. 12—13 указ. Сборника).

Автор гурийские события перенес в Кавказские горы, гурийские селения превратил в аулы, а Кайхосро Гуриели в горца Койхаре-Гуриал. Неправильно утверждение автора, что К. Гуриели был пойман. Известно, что К. Гуриели сразу же после смерти Пузыревского скрылся в Турцию, а впоследствии даже был оправдан.

Неправильно и другое утверждение автора, что убийство Пузыревского послужило сигналом к восстанию в Имеретии. Пузыревский был убит в середине апреля 1820 года и это оказало значительное влияние на гурийские и имеретинские события, но восстание в Имеретии началось задолго до этого, еще летом 1819 года.

Таким образом, дореволюционные историки не дают сколько-нибудь удовлетворительного освещения Имеретинского восстания 1819—20 гг. Они касаются, главным образом, военно-стратегической стороны событий, без основания выпячивают религиозные мотивы, тем самым стремясь доказать, что восстание было основано на недоразумении. Затуманивая социальный характер восстания, большинство авторов пытаются преуменьшить значение восстания, скрыть его размах и остроту борьбы. Ад. Берже, не безызвестный реакционный историк и публицист, посвятивший не мало работ обоснованию утверждения русского царизма на Кавказе, касаясь Имеретинского восстания, писал: «Для усмирения волнения едва не пришлось прибегнуть к силе оружия» (Акты¹, т. VI ч. I, стр. III).

Так выглядит у царского историка Берже длительная, двухлетняя вооруженная борьба, в результате которой были сотни

¹ Акты кавказской археографической комиссии.

убитых и раненых, десятки расстрелянных, повешенных и сосланных на каторжные работы.

Не менее характерна в этом отношении работа В. Потто «Утверждение русского владычества на Кавказе».

Как указано выше, эта работа была написана в связи с столетней годовщиной присоединения Грузии к России. Это обстоятельство накладывает определенный отпечаток на все произведение автора. Потто пользуется некоторыми новыми материалами и по возможности смягчает остроту борьбы, стремится реабилитировать некоторых участников восстания (Кайхосро Гურიели) и представить эту крупную неудачу царского правительства как недоразумение и незначительный эпизод. Потто рассматривает имеретинские события, как движение дворянства и духовенства, которые с тех пор полностью доказали свою верность русскому царизму. В виду этого, он неохотно вспоминает старое грехопадение дворянства, его колебания и антиправительственные действия.

Подводя итоги восстанию, В. Потто лицемерно заключает: «Так окончилось недоразумение между двумя единоверными народами, сошли со сцены деятели его, а затем исторические волны смыли и все следы людского недоразумения» (В. Потто. Утверждение русского влад. на Кавказе, т. III, ч. II, стр. 536).

Так пытались царские историки исказить подлинный характер крупного массового движения в Имеретии, выдавая холопскую преданность грузинского дворянства царизму за настроение народных масс. На пороге 1905 года, когда была написана эта работа Потто, он выражал взгляды дворянско-монархической историографии, старательно подчеркивал прочность союза грузинского дворянства с царизмом. Это была своеобразная идеологическая подготовка, объединение сил реакции против сил народа перед лицом грядущей революции, предвестники которой все выпуклее вырисовывались.

ИМЕРЕТИЯ ПЕРЕД ВОССТАНИЕМ

В начале XIX столетия Имеретия занимала территорию в 7,8 тысяч кв. верст. Она граничила с востока с Карталинией, от последней отделена Лихскими горами, на севере с Кавказским хребтом, с запада с Мингрелией, от которой отделена р. Цхенис-Цкали; с юго-запада Имеретия примыкала к Гурии, а с юга к Ахалциху.

О количестве населения в Имеретии в период восстания у нас вполне достоверных сведений нет. По неточным данным 1817 года население ее достигало 12,975 дымов или до 70 т. душ обоего пола. По камеральной описи в 1821 году в Имеретии было 100.000 душ обоего пола. Центром Имеретии являлся гор. Кутаиси с населением в 195 дымов. Население его состояло из мелких торговцев и небольшого количества ремесленников. По официальным сведениям, в Кутаисе в 1821 году было 150 торговых лавок. Основная масса торговцев состояла из ахалцыхских католиков и местных евреев. Остальную часть торговцев составляли армяне и имеретины.

К России Имеретия была присоединена в 1810 году. Этому акту царское правительство придавало большое значение и долго его подготовляло. После установления русского правления в восточной Грузии, кавказское начальство сразу же поставило своей задачей выполнение указания императора—овладение Имеретией.

В начале 1803 года ген. Цицианов сообщал русскому послу в Константинополе Италинскому, что он получил повеление «О приобретении Имеретии с княжествами Мингрелией и Гуриеловским, когда к тому удобный случай представится» (Акты, т. II, стр. 141). Цицианов просил Италинского оказать влияние на турецкое правительство, не без основания предполагая, что оно будет оказывать сопротивление занятию Имеретии русскими войсками.

Царское правительство торопилось с занятием Имеретии. Оно даже не хотело ждать «удобного случая». В том же 1803 г.

Цицианов получает новое распоряжение «Определить достаточный отряд для занятия Кутаиса и крепких мест в Имеретии. Исполните то безотлагательно», писал вице-канцлер Воронцов (Акты, т. II, стр. 358).

При таких обстоятельствах Соломон II вынужден был представить русскому правительству «просительные пункты», в которых излагались условия, на которых он соглашался перейти в подданство России.

После принятия «просительных пунктов» в Имеретию были двинуты русские войска. Они заняли Кутаиси, столицу Имеретии, и ряд крепостей. Чтобы принудить Соломона к полной капитуляции, русское правительство подняло против него владетелей Гурии и Мингрелии. Между Мингрелией и Имеретией разгорелась война из-за Лечхума. Русское правительство добилось освобождения царевича Константина, претендента на имеретинский престол, который был соперником Соломона, и будучи арестован последним, в продолжение нескольких лет содержался в крепости Мухури. Русское правительство, настаивая на освобождение Константина, имело в виду не выпускать его из рук, если он после устранения Соломона сам захочет быть царем Имеретии и использовать его против Соломона, если последний окажется недостаточно послушным¹. Кроме того, русское правительство широко практиковало подкуп имеретинского дворянства. Кавказское начальство раздавало крупные денежные суммы, ордена и ценные подарки, подкупая ближайших царедворцев Соломона. В числе подкупленных русским правительством были сахлтухуцес (министр двора) Зураб Церетели, сердарь (командующий войсками) Кайхосро Церетели, многие из

¹ Константин—сын царя Давида Георгиевича, свергнутого с престола Соломоном II, родился в 1792 г., являлся главным соперником Соломона на имеретинский престол. Как указано выше, Константин был заключен в крепость, освобожден по настоянию русского правительства и привезен в Тбилиси. Кавказское начальство решило отправить его в Россию, но Константин бежал и вернулся в Имеретию. Соломон тепло принял его и назначил своим наследником. После устранения Соломона от имеретинского престола в 1810 году Константин присягнул Александру I. Скоро он, по примеру других членов грузинского царского дома, был отправлен в Россию, там получил военное образование, впоследствии был генералом русской армии.

князей Цулукидзе, князей Абашидзе и др. Все это делало положение Соломона непрочным. Начавшаяся в 1806 году русско-турецкая война ускорила падение Имеретинского царства и присоединение его к России.

Имеретия имела для русского царизма большое военно-стратегическое значение. На это обстоятельство неоднократно обращало внимание кавказское начальство. «Во время войны с турками можно употребить в пользу соседства, в котором находиться будем, но прежде должны увериться в расположении царя» (Акты, т. II, стр. 410), писал Литвинов, один из наиболее наблюдательных чиновников русского царизма в 1804 г., обосновывая пользу захвата Имеретии. Имеретинский царь, все более теряя надежду сохранить корону под властью русского царя, мечется в поисках новых покровителей и союзников, усиливает переписку с Иранским шахом, рассчитывает на помощь Турции. Так тянулась борьба несколько лет до 1810 года. Решив упразднить Имеретинское царство и установить там русское правление, император Александр I писал главнокомандующему на Кавказе графу Гудовичу: «Бывшего царя Имеретинского Соломона со всем семейством и с наследником его царевичем Александром препроводить в Россию», а в Имеретии «учредить временное правление Имеретинской области» (Акты, т. III, стр. 154).

Присоединение Имеретии произошло в условиях, значительно отличных от условий присоединения восточной Грузии. Если последнее произошло сравнительно безболезненно, то в Имеретии дело не обошлось без военных столкновений. Причину этого обстоятельства нужно искать в том, что хозяйственные и политические связи ее с Россией были слабее, чем у восточной Грузии. Спор из-за Имеретии между Турцией и Россией, как казалось, далеко еще не был закончен, исход войны между Россией и Турцией не ясен. Часть имеретинских феодалов, которые России предпочитали Турцию, надеялись, что последняя одержит победу и ей удастся сохранить Имеретию за собой. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что присоединение восточной Грузии было проведено после смерти царя Георгия XII. Противники присоединения не имели общепризнанного вождя, междоусобицы ослабляли их позицию, а присоединение Имеретии было проведено при жизни Соломона II, окруженного феодалами, располагавшего значительным войском.

Имеретинское население имело перед собой картину действий русских властей в ранее присоединенных областях. Угнетательский характер этой власти для широких масс вполне выявился. Имеретинское высшее дворянство тоже убедилось, что после присоединения к России сохранить феодальный порядок управления в Имеретии не удастся. Все это дало возможность Соломону II организовать сопротивление войскам русского правительства. Однако, малочисленное феодальное войско Соломона не могло долго противостоять русским войскам. Весной 1810 года Соломон был разбит, сдался и был отправлен в Тифлис. Однако, ему скоро удалось бежать, он прибыл в Имеретию и поднял там восстание, но неравная борьба его с русскими войсками успеха не имела. Повстанцы были разбиты. Сам Соломон скрылся в Турцию и умер там в начале 1815 года. Осенью 1810 года Имеретия окончательно была присоединена к России.

Сразу же после удаления в Тифлис Соломона II и присоединения Имеретии к России началась работа по организации управления вновь приобретенной области, но эта задача оказалась для царского правительства сложной и трудно разрешимой. До конца сороковых годов XIX столетия управление страной было настолько запутано, что даже само кавказское начальство плохо представляло себе, что же такое происходит в Имеретии. «Но интересно знать, как же управлялась Имеретия все это время?»—спрашивает один из исследователей системы управления на Кавказе Иваненко—и отвечает: «На этот вопрос ответить довольно трудно» (Иваненко. Граждан. управ. на Кавказе, стр. 93).

Барон Розен, главноуправляющий на Кавказе, в 1832 году, через 20 с лишним лет после введения русского управления в Имеретии, обозрев страну, сообщал в Петербург графу Блудову: «Я нашел, что в Имеретинской области не существует ни земских, ни уездных судов, ни палат, ни губернского правления, а на место всех вообще присутственных мест существует одно только временное правление» (Акты, т. VIII, стр. 430).

Как же управлялась Имеретия с 1810 года и что представляло из себя это всезаменяющее «Временное правление», утвержденное там в качестве высшего органа области?

Первое положение об управлении Имеретией составил правитель Имеретии Симонович еще в мае 1810 года. Главноуправляющий на Кавказе ген. Тормасов в основном одобрил положе-

ние, выработанное Симоновичем, и своим отношением от 10 июня находил нужным по возможности сохранить в стране старый порядок управления. Тормасов предлагал: «Не только оставить те должности, которые существовали при царском правлении, но и не переменять названий чинов, к которым народ уже привык» (Акты, т. IV, стр. 286). Такое внимание Тормасова к старым порядкам Имеретии и боязнь их немедленной ломки, видимо, объясняется неудачей реформ гражданского управления в восточной Грузии и боязнь обидеть имеретинское дворянство, которое могло примкнуть к быв. царю Соломону, к этому времени бежавшему из Тифлиса. Что защита имеретинского дворянства серьезно беспокоила Тормасова, это видно из того, что он предлагал Симоновичу не трогать привилегий дворянства. «Относительно ограничения власти князей и дворян над подданными, то сие совсем не нужно», — поучал он правителя Имеретии в своем отношении (Акты, т. IV, стр. 287).

По положению, принятому Тормасовым, во главе области стояло «временное правление» или «диван». Управляющим Имеретией назначался русский чиновник из военных. Кроме управляющего в правление области входили имеретинские князья и дворяне. Первым после управляющего в правлении был сахтухуцес З. Церетели. Были сохранены старые должности и за другими князьями.

Для управления округов был введен институт окружных начальников. На эту должность тоже назначались лица из штаб-офицеров царской армии.

Судебные дела за оскорбление величества, за убийство, пленопродавство, разбой и насилие решались военным судом. Остальные дела, как-то: о воровстве, за неправильное присвоение земли и леса, за клевету решались по законам царя Вахтанга, дела за преступления против церкви — церковным судом.

Маловажные дела в казенных имениях решали моуравы, а в помещичьих имениях — сами помещики.

Эта система управления оказалась недолговечной. Она не выдержала испытания в бурном 1810 году, просуществовала всего несколько недель и была спешно отменена царским правительством.

Для русского правительства указанный порядок управления страной оказался неприемлемым, так как назначенные в имеретинское правление именитые князья, привыкшие к царской

власти и игравшие при имеретинских царях руководящую роль, неохотно слушались русских чиновников, которые часто уступали им знатностью и чином. Они нередко саботировали выполнение распоряжений правительства, не давали правильных сведений о крестьянских повинностях, о количестве и доходах населения и т. д. А когда летом 1810 года в Имеретии вспыхнуло восстание, большинство из этих князей и дворян оказались его активными участниками.

Не отвечала такая система управления и потребностям населения. Она значительно ухудшала и без того далеко не совершенный порядок государственного устройства, существовавший при царях.

Так как во главе Имеретии был поставлен русский военный чиновник, не знавший ни грузинского языка, ни грузинских обычаев и законов, то при таком положении правитель области даже при желании не мог осуществлять какого бы то ни было контроля над деятельностью князей и дворян, за которыми сохранены были не только помещичьи привилегии, но и старые должности. Такое соединение старого отживающего порядка управления с чем-то новым, но еще более чуждым, создавало полный простор произволу и самоуправству помещиков и русских чиновников и чрезвычайно тяготило население. Взятки и вымогательство усилились, судебные дела сплошь и рядом решались неправильно. Раньше недовольные судебным решением обращались к царю, теперь эта возможность исчезла. Добраться до областного начальника было трудно и это не приносило результатов. По признанию правителя Имеретии Симоновича, к нему толпами собирались с жалобой «как привыкли они при царях, так что я никак не мог удовлетворить и малой их части» (Акты, т. IV, стр. 324).

Кавказское начальство, убедившись, что принятый порядок управления не оправдывает тех надежд, которые на него возлагались, решает его отменить и выработать новый порядок управления страной.

Вопрос о новых формах управления не вызывал долгого раздумья у царских чиновников. Было решено организовать управление областью так же, как это было в восточной Грузии, по образцу, существовавшему в губерниях России, с вытеснением из учреждений должностных лиц из местного населения и назначением на их место русских чиновников.

Такая форма управления сосредоточила бы все управление страной в руках более надежных с точки зрения русского царизма лиц и больше отвечала бы потребностям колониальной политики.

«Я счел за полезно-необходимое ввести в Имеретии образ управления, более приноровленный к порядку Российскому по примеру Грузии»,—писал Торماسов графу Румянцеву (Акты, т. IV, стр. 347).

По новому положению, выработанному в начале 1811 года и утвержденному императором, управление Имеретией было изменено, власть была сосредоточена в руках русских чиновников, которые были назначены почти на все ответственные должности. «Областное управление» теперь состояло из правителя—русского военного и трех советников—русских чиновников. Каждый из этих чиновников был управляющим экспедицией. Всего при имеретинском правлении было создано 3 экспедиции: исполнительная экспедиция, казенная экспедиция и экспедиция суда и расправы. Последняя делилась на две части—уголовную и гражданскую. Дела уголовной экспедиции решались по русским законам, а гражданской—по грузинским законам царя Вахтанга.

При правителе был создан совещательный орган под названием «общее собрание», куда кроме советников могли приглашаться ассесоры, а также и другие князья и дворяне по назначению правителя.

Для руководства дворянством и охраны его сословных прав положение предусматривало избрание областного маршала дворянства и 6 депутатов.

Кроме того было предположено иметь областного землемера и прокурора, а также врачебную управу, почтовую контору, таможенную и пограничную контору и приказ общественного призрения.

Имеретия была разделена на 6 округов. Во главе округа должен был стоять окружной начальник из русских штаб-офицеров и при нем два заседателя из имеретинских князей и дворян (Акты, т. IV, стр. 347).

Однако, это новое положение оказалось еще более неудачным и безжизненным, чем предыдущее. Его проведение откла-

дывалось из года в год на протяжении почти тридцати лет, пока от него не пришлось совершенно отказаться¹.

«Открытие предположенного областного имеретинского правительства по постигшему Имеретию от голода и заразной болезни бедствию, также и в рассуждении беспокойства от стороны беглого царя Соломона, находящегося под покровительством турок, отложено до другого удобнейшего времени» — писал ген. Симонович Ртищеву (Акты, т. V, стр. 469).

«Удобнейшие времена» не наступали, скольконибудь устойчивой системы управления выработано не было, произволу царских чиновников был открыт широкий простор.

Но оставлять Имеретию без всяких правил управления было немислимо и поэтому после провала положения 1811 года было выработано новое положение «О временном управлении Имеретией». Это «временное» положение, утвержденное 25 февраля 1814 года, просуществовало с некоторыми изменениями довольно долго — вплоть до 1841 года.

До выработки этого положения Имеретия делилась на 6 округов: Кутаисский, Вакинский, Багдадский, Чхарский, Сачхерский и Рачинский. По новому положению количество округов было сокращено. Имеретия была разделена на 4 округа: 1. Шорапанский или Земоури с центром в Шорапани; 2. Вакинский, центр — Марани; 3. Кутаисский, центр — Кутаиси и 4. Рачинский, центр — Схави (Акты, т. V, стр. 476).

Причиной такого сокращения послужило уменьшение населения, сокращение в виду этого доходов казны, а также недостаток чиновников и войск для обслуживания ранее существовавших округов.

¹ Мимоходом должны заметить, что нельзя согласиться с оценкой «Положения об управлении Имеретией», которую дает известный исследователь системы русского управления Закавказьем С. Эздзе. Он в своей большой работе «Историческая записка об управлении Кавказом» приводит письмо кахетинского и карталинского дворянства Александру I, в котором выражено недовольство новыми порядками управления, особенно судопроизводством, и утверждает: «Тормасов вполне сознавал справедливость этих заявлений, а управление, данное им Имеретии, более согласовалось с потребностями населения» (Указанная работа, т. II, стр. 62).

Как видно, автор имеет в виду положение 1811 года. Однако, дав такую оценку мероприятиям Тормасова, он упускает из виду, что это положение никогда не проводилось в жизнь, а главное, что ни это положение, ни положение 1810 года совсем «не согласовалось с потребностями населения».

По положению «О временном управлении Имеретией» во главе округов были поставлены «1 Российский чиновник, под названием окружной начальник из штаб-офицеров, состоящих по армии и по 1 им помощника из имеретинских князей или дворян, кои должны находиться в непосредственном повиновении у окружного начальника» (Акты, т. V, стр. 476).

Окружное начальство ведало земской полицией, сбором налогов по округу и решало судебные дела, не превышающие 50 руб. Окружной начальник фактически все дела решал единолично, роль помощников была более чем скромной, их «первой обязанностью» было объяснять начальнику во время разбора дела «приличные из прежних законов или обычаев» (там же).

Положение хотя и предусматривает при решении гражданских дел «руководствоваться законами и обычаями, при прежнем в Имеретии правлении существующими», но это признано далеко не обязательным, окружному начальнику и в этом случае даются неограниченные права: он может прежние законы и обычаи признать недостаточными и тогда «окружной начальник соображается с смыслом законов Всероссийской империи, на подобные случаи изданных и по оным решит дело» (Акты, т. V, стр. 476). «Несогласие в мнении которого либо из его помощников или вместе обоих никогда не отменяет решение и оно исполняется» (там же).

В каждом округе, как неперемное дополнение к окружному начальнику «для приведения в исполнение распоряжения правительства», была расположена рота солдат и 20 конных казаков. Уголовные дела были изъяты из ведения окружного начальства, такие дела со всей Имеретии разбирались в Кутаисе, куда и должны были быть направлены виновные «для суждения при полку воинским судом» (там же).

Для управления страной было учреждено «областное временное правление» или «Имеретинское правительство». В правительство входили: управляющий—русский чиновник из военных, обычно командующий войсками, расположенными в Имеретии, 4 мдиванбега (советники) из имеретинских князей или дворян и 2 русских чиновника—ассесора по гражданской и по казенной части. При разборе дел им тоже рекомендуется «в случае несообразности или недостатка» местных законов и обычаев заимствовать «из общих узаконений Всероссийского Государства». Наиболее существенной обязанностью мдиванбегов и рус-

ского ассесора было «изыскание принадлежащих казне разных имений и получаемых с них в казну доходов».

Положение предусматривало создание еще одного бесправного, бутафорского учреждения под названием «Общего собрания» в составе членов правительства и приглашенных управляющим «известных ему лиц из имеретинских князей или дворян». Формально «Общее собрание» имело большие права. Оно должно было разбирать дела с иском свыше 1000 рублей. «Решение общего собрания суть окончательные и апелляции на них нет», читаем мы в положении, но там же немного ниже сказано, что «Правительство и общее собрание находятся в полном начальстве управляющего». При таких условиях временное правление и общее собрание были совершенно обезличены, полным хозяином страны был правитель, который управлял единолично и не считал нужным обращаться к общему собранию.

Из ранее существовавших должностей была оставлена должность сельского моурава; другие должности, как-то хевистава, бокаулт-ухуцес, сахлт-ухуцес были упразднены. Была упразднена также должность кутаисского моурава. Управление городом было поручено окружному начальнику. «Для исполнения повелений его и для помощи в надзоре за городом назначается нацвал и хелосани» (Акты, т. V, стр. 477).

Русское правительство, разрушая в Грузии веками сложившиеся порядки управления, создавало новый, чуждый народу бюрократический аппарат колониального угнетения. Но процесс создания новых порядков управления страной шел медленно. За 9 лет, прошедших с момента присоединения до восстания 1819 года, русскому правительству не удалось укрепиться в Имеретии и провести в этом направлении существенные мероприятия. Мало зная страну, не располагая нужным кадром работников, не создав еще достаточного контакта с дворянством, правительство воздерживалось от крупных преобразований. Руководящие правительственные круги Кавказа боялись крутых изменений. Внутренняя обстановка страны и внешнее положение мало способствовали укреплению русского правления. Указ императора Александра I, изданный в 1811 году о преобразовании Имеретии, несмотря на все старания Кавказского начальства, не удавалось провести. Незадолго до восстания главнокомандующий на Кавказе генерал Ртищев писал: «Намерение мое было, воспользовавшись личным обозрением Имеретинской области, приступить

к открытию в оной настоящего Российского правительства на основании положения высочайше утвержденного ВИБ в 1811 году, но заметив, что домогательства Порты Оттоманской о возвращении ей всех побережных на Черном море владений, России принадлежащих, в том числе и самой Имеретии... посеяли в имеретинском народе сомнение и неуверенность в своей участи... равным образом, что в народе легковерном, с одной стороны устрашаемом угрозами внешнего неприятеля, а с другой колеблемом внутренними недоброжелателями России, перемены нынешнего правления, к которому народ приобык уже в течение нескольких лет, могли бы породить разные ложные суждения, а иногда послужить орудием для недоброжелательных партий к производству колеблемости в народе; наконец, вникнув в самое состояние жителей и в тогдашнее положение Имеретии, кой скудные доходы были бы недостаточны даже на удовлетворение жалованием чиновников по штату нового правительства положенных—я почел полезным для службы ВИБ уважить сии обстоятельства и еще на некоторое время оставить в Имеретии правление в нынешнем его существовании» (Акты, т. V, стр. 494).

Султанская Турция все еще не хотела примириться с мыслью об окончательной утрате Имеретии. Турецкое правительство прибегало ко всяким интригам, даже к открытой угрозе, требуя вывода русских войск из Имеретии, рассчитывая занять страну своими войсками. Между Турцией и русским правительством возник горячий спор вокруг ряда пунктов Бухарестского мирного договора. Спор этот не был закончен и к моменту восстания. «В продолжении пяти или шести месяцев занимался я,—писал Ермолову русский полномочный министр в Турции бар. Строганов,—с турецкими уполномоченными постепенным исследованием разных статей Бухарестского мира, составляющих предмет переговоров. Готовность Порты к искреннему и успешному окончанию оной приметным образом уменьшается по мере политических замешательств, обнаружившихся в разных странах Европы. Сия причина подкрепляет обыкновенные правила системы оттоманской искать мнимых выгод и основывать расчеты на проволочке времени. Со всем тем переговоры хотя медленно, но продвигаются к труднейшей части оных к VI ст. Бухарестского трактата» (ЦАГ, фонд особо важных дел, д. № 5, л. 628).

Бухарестский мир был заключен в 1812 году после шестилетней войны. Россия, отвлеченная нашествием Наполеона, спе-

шила окончить войну с Турцией и несмотря на ряд побед, одержанных над турецкими войсками, она сделала некоторые территориальные уступки Турции. Указанная ст. VI трактата гласит: «Россия возвращает блистательной Порте владение и крепости в Азии, покоренные русским оружием». По этому договору к Турции отошла крепость Поти, взятая в 1809 году русскими войсками¹. Имеретию Россия сохранила за собой, мотивируя тем, что она не была покорена оружием, а сама добровольно подчинилась России. Однако, Турция искала всякого повода для того, чтобы снова овладеть Имеретией. Турецкое правительство стремилось склонить на свою сторону владетельных князей Гурии и Мингрелии. Сразу же после подписания Бухарестского мира Трапезундский паша Сулейман послал формальное требование гурийцам и мингрельцам подчиниться Турции. Уверяя население, что Гурия, Мингрелия и Имеретия издавна принадлежат «Высокой Порте» отныне по трактату эти народы «должны считать себя освобожденными от русских и склониться в подданство оттоманской державы, а потому вам предстоит недопускать к себе и ваше соседство ни одного русского». В этом случае паша не скупится на всякие обещания, «не говоря о тех высочайших милостях, которые будут изливаемы на вас со стороны Высокой Порты, я не премину удостоить каждого из вас по приличию заслуженной благосклонности и уважения. Все места, жилища и владения, которыми вы доселе располагали, будут предоставлены попрежнему вам. Сами же вы будете благоденствовать под тенью всемилостивейшего нашего падишаха» (Акты, т. V, стр. 496).

Аналогичные требования Турецкое правительство предъявляло неоднократно и впоследствии. «Турецкий главнокомандующий всем восточным краем Сераскир Пехлеван паша предложил мне в прошлом году письменные требования о немедленной сдаче Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии под власть Порты оттоманской, подкреплял оное личным приближением своим к границам здешнего края с двумя турецкими армиями»,—писал Ртищев 30-го апреля 1816 г. (ЦАГ, ф. о. в. д.², № 4, л. 417). Турецкие чиновники вели переписку со многими князьями Имеретии и Гурии, убеждая их отказаться от подданства России и перейти на сторону Турции.

¹ Город Поти вновь был взят русскими войсками в 1828 г.

² Фонд особо важных дел.

Значительная часть имеретинских феодалов прислушивалась к уверениям турецких пашей. По традиции эта группа дворянства ориентировалась на Турцию, надеясь в случае успеха турок сохранить старый грузинский порядок управления страной и связанные с этим порядком свои политические права и привилегии.

Сама Имеретия далеко не была умиротворена. Воспоминания о восстании 1810 года были еще живы. Следы восстания, подготовленного сторонниками Соломона II, далеко еще не исчезли. После подавления восстания Соломон бежал в Турцию. Много населения, спасаясь от преследования правительства, укрылось в лесах, бежало в горы, села опустели, поля остались необработанными. На этой почве по всей Имеретии разразился голод. Вдобавок к этому по стране страшным бичом пронеслась чума. Народ одичал, население сократилось вдвое: с 200 т. душ в 1810 г. до 100 т. душ в 1821 году.

За Соломоном в Турцию последовала многочисленная группа феодалов, которые имели в Имеретии большие связи и значительное количество сторонников. Они вели со своими сторонниками переписку, посылали эмиссаров и вообще стремились будоражить страну. Все это делало мероприятия русского правительства еще больше нерешительными при перестройке правительственного аппарата в Имеретии. Косность и бюрократизм в методах управления, свойственные царизму, выступали тут особенно рельефно.

«Временное управление», существовавшее в Имеретии на протяжении 30 лет, являлось по существу системой военно-оккупационного режима. Вся власть сосредоточивалась в руках военного начальника края, который был в то же время и гражданским правителем Имеретии. Один из них, полк. Мерлини, в своем отношении на имя главнокомандующего, выражал удивление, что переписка ведется с «имеретинским правлением», которого, по его словам, совсем и не существовало. Он писал: «В Имеретии ни на каких правилах правление не открыто и я доселе не знаю, по какому поводу покойный правитель Имеретии в предписаниях ко мне посылаемых стал здесьнее военное начальство и 4-х мдиван-беков, назначаемых для решения единственно тяжёбных дел по своим правам и обычаям называть иногда временным имеретинским правительством, иногда правлением» (Акты, т. V, стр. 487).

Многочисленные проекты, которые составлялись для изменения существовавшего порядка и попытки в этом направлении никаких результатов не давали, все оставалось по старому. «Но перемены сии,—писал Розен в 1832 году,—были не что другое, как опыты, указывавшие наконец, что кроме существующего ныне порядка к другому приступать было бесполезно» (Акты, т. V, стр. 430).

Крепостнический гнет в Имеретии носил исключительно тяжелый характер. Крестьянство изнывало от многочисленных повинностей. Малоземелье, являвшееся характерным для всей Имеретии, еще более ухудшало положение основных масс населения¹. Большинство историков, которые в какой-нибудь мере занимались историей крепостнических отношений этого периода в Имеретии, справедливо указывают на наличие огромного количества дворян и попов и сравнительную малочисленность крестьян. «Сравнительно с общим числом жителей количество дворян и попов, всего 1950 семейств, было невероятно велико: каждые 6 крестьянских семейств должны были содержать одну семью попа или дворянина»² (Иваненко, Гражданское управле-

¹ Крестьянство Имеретии сильно страдало от малоземелья. В этом отношении положение в Имеретии было значительно хуже, чем в восточной Грузии. Вдобавок царское правительство, в ущерб местному населению, раздавало земли русским колонистам и иностранцам. Особенно широкие планы в этом направлении правительство строило после голода и моровой язвы, в годы наибольшего сокращения населения в Имеретии, предполагая, что теперь в Имеретии найдется много свободной земли. Именно в это время иностранец Гамба получил огромный участок земли в 16.000 десятин по 1 рублю за десятину с рассрочкой платежа на 5 лет. Если эти мероприятия не оказались еще более губительными для населения, то это было в большой мере результатом того, что организация крупного хозяйства не увенчалась успехом и раздача земель тем самым была умерена.

² В существующей литературе указывают на следующие заслуживающие внимание основные причины сравнительной многочисленности дворянства:

1. в связи с захватом Турцией некоторых районов Грузии дворянство, располагавшее раньше более обширной территорией, оказалось впоследствии в более тесных территориальных рамках (конечно, это относится к той части дворянства, которая не захотела остаться в районах, занятых Турцией);

2. последние грузинские цари, часто лишённые возможности награждать за услуги землями и должностью (основные государственные долж-

ние на Кавказе, стр. 128). Эти данные, позаимствованные Иваненко из Актов кавказской археографической комиссии, приводятся историками до настоящего времени и указывают только на одну сторону крепостнических отношений в Имеретии.

Приводимые ниже данные по описи имений ряда крупнейших феодалов характерны во многих отношениях и дают богатый материал для раскрытия подлинной картины крепостничества в Имеретии.

Как видно из описи имений, поступивших в казну во время восстания, князь Иван Абашидзе имел в Шорапанском округе в 9 селениях собственно княжеских крестьян 947 душ муж. пола, 761 д. жен. пола, дворянских крестьян 103 души, а всего 1811 душ (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 14, лл. 179—181). Кроме того, у Абашидзе были имения в Горийском округе, но подробных данных о них у нас нет.

Князь Георгий Цулукидзе в Кутаисском и Рачинском округах имел княжеских крестьян 98 дымов или 439 душ муж. пола, 387 душ жен. пола и, кроме того, дворянских крестьян 89 дымов или 363 душ муж. пола и 313 душ жен. пола, а всего 1502 души крестьян.

Цулукидзе владел также княжескими дворянами в количестве 37 дымов или 174 душ, которые с своей стороны владели вышеуказанными дворянскими крестьянами в количестве 89 дымов.

Николай Пинези-Абашидзе, владевший в Горийском округе большими имениями, имел в Шорапанском округе дворянских крестьян 52 дыма или 246 душ муж. пола и 181 д. жен. пола, княжеских крестьян 35 дымов,—161 д. муж. пола и 114 душ жен. пола, а всего 702 души. У него же было княжеских дворян 25 дымов, насчитывавших 77 душ муж. пола, и 69 душ женского пола. Этим дворянам принадлежали вышеуказанные

ности были наследственными), награждали дворянством. Число дворян поэтому возрастало;

3. количество крестьян сокращалось ввиду продажи их за границу;

4. большие размеры повинности, которая бралась с крестьян, вступавших в брак, мешали совершению браков и задерживали рост населения. Кроме того, крестьянство больше чем дворянство страдало от постоянных набегов на Грузию со стороны ее беспокойных соседей, так как значительная часть его не могла укрываться в башнях и укрепленных местах, поэтому крестьяне не только гибли во время военных стычек, но большими массами уводились в плен и продавались.

52 дыма крестьян. Братья Яшвили владели 221 дымами крестьян с общим количеством 1071 душ (ЦАГ, ф. о. в д., д. № 14, лл. 211—214).

О больших размерах помещичьих владений говорят также доходы крупнейших помещиков Имеретии. По официальным, бесспорно преуменьшенным, данным, годовые доходы в переводе на деньги у князей Цулукидзе, Абашидзе и других достигали 8—10 тысяч рублей. Значительность этой суммы будет ясна, если принять во внимание, что весь доход казны со всей Имеретии в этот период не превышал 18—20 тысяч рублей в год.

Как указано выше, крепостной строй и натуральное хозяйство держались прочно, но деньги уже прокладывают себе путь, внося элементы разложения в замкнутое натурально-потребительское хозяйство. Уже в этот период имеются помещичьи хозяйства, обремененные значительными долгами. Как видим из ведомости о долговых претензиях, которые были представлены на князей, участвовавших в восстании, после конфискации их имений в казну, за кн. полковником Георгием Цулукидзе числилось долгу разным лицам: бесспорных 2922 р. $6\frac{1}{2}$ коп. и спорных, на которых тоже были предъявлены документы, 276 р. 89 к., а всего 3198 р. $95\frac{1}{2}$ коп. Всего было предъявлено 15 долговых обязательств. Из них:

От архиепископа Софрония	на 408 р. 75 к.
От двор. Фомы Баяндурова	на 526 р. 30 к.
От кн. Вахтанга Сехниева Цулукидзе	на 267 р. 50 к.
От дв. Мераба Бердзенова	на 376 р. $40\frac{1}{2}$ к.
От дв. Николая Қоркашвили	на 636 р. 95 к.
От дв. Иосифа Чичинадзе	на 248 р. 59 к.
За кн. Николаем Пинези-Абашидзе числилось бесспорных	198 р. $55\frac{3}{4}$ к.
и спорных	552 р. 95 к.
За кн. Хосия Цулукидзе бесспорных	195 р.
и спорных	42 р. 75 к.
За князем Георгием Пхеидзе	135 р.
За Бежаном Пхеидзе бесспорных	281 р. 99 к.
и спорных	7 р. 75 к.

Хотя возможно, что эти долговые обязательства появились не только в результате денежных ссуд, но и другими путями, они все-таки свидетельствуют о значительных денежных оборотах. Долговые обязательства часто достигают нескольких сот

рублей, а в отдельных случаях даже несколько тысяч рублей. Кн. Георгий Цулукидзе только на покрытие процентов с долга ежегодно должен был уплачивать 330 руб. 47¹/₂ коп.

Обращает внимание и то обстоятельство, что долги образовались за очень короткий срок в 2—3 года, большинство долговых обязательств датированы 1818 и 1819 годом (ЦАГ, ф. о. в. д., № 8, д. № 916, лл. 48—55).

По описям имений, поступивших в казну после восстания, устанавливается следующая картина о размерах землепользования крестьян и повинностей в пользу помещиков: крестьянин Гогия Джалагания, житель Хонского участка сел. Сацулукидзево, имевший в семье 9 душ, имел земли 16 кцев¹, виноградников 2 кцева, размер личной повинности² в переводе на деньги 15 рублей, деньгами 1 рубль. Кроме того, вином, гоми и др. продуктами платил: 1 барана, 3 свиней, 8 куриц, 16 батмани³ гоми, вином 24 чап. В переводе на деньги баран оценивался в 1 рубль, свинья—2 р. 80 к., гоми—2 р. 40 к., вино—3 р. 60 к., а всего все виды повинностей составляют 26 руб. 60 коп.

Марков Углава, житель того же села, имеет семью из 7 душ, земли у него 10 кцев, виноградник 1 кцева, платит в переводе на деньги 25 руб. 40 коп.

Всего в этом селе 12 дымов, земли имеют 165 кцев, виноградников 19 кцев, платят в переводе на деньги 291 рубль 65 к. (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 14, лл. 7—8).

Значительно иную картину землепользования и размеров повинностей имеем в Рачинском округе. Крестьянин сел. Бостано Давид Джохадзе имел семью из 7 душ, земли и леса у него 5 кцев, виноградник ¹/₂ кцева, личная повинность в переводе на деньги 35 рублей, подать натурой—2 свиньи в 1 р. 50 к., 2 курицы—30 коп., пшеницы 6 код⁴—3 руб., вино 20 чап—6 р. 25 коп., а всего подати 48 р. 05 к.

Крестьянин Иван Джохадзе имеет земли 5 кцев, виноградник 3 кцева, обязан личной повинности 35 руб., а всего подати 48 р. 55 коп.

¹ Кцева—900 кв. саженей.

² Личной повинностью в данном случае называются услуги и работы, которыми крестьянин обязан помещику.

³ Батман—18 фунтов.

⁴ Коди—9 фунтов.

Яков Джохадзе имеет земли 3 кцеви, сад 1 кцева. Личная повинность 35 руб., деньгами 2 р. (берется со всех крестьян) и натурой 2 свиньи—1 р. 50 к., 2 курицы—30 к., пшеницы 5 код—2 р. 50 коп., вино 20 чап—6 р. 25 коп.

Всего в этом селении 23 дыма крестьян, имеют земли 91 кцеву, виноградных садов 47 кцев, подати платят всего в переводе на деньги 1005 р. 90 коп.

В сел. Гвиара 26 крестьянских хозяйств. Имеют земли 70 кцев, виноградников 54 кцеви. Обязаны личной повинности в переводе на деньги 910 руб., деньгами с дыма по 2 рубля, а всего подати 1220 руб. 56 коп. (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 14, лл. 43—45).

Значительные повинности князьям платили и дворянские крестьяне. В имениях вышеперечисленных князей крестьяне обязаны были работать в пользу помещика от 5 до 8 дней в году и давать прислугу из членов семьи. Если учесть, что кроме того дворянские крестьяне платили большие повинности и в пользу своих непосредственных владельцев—дворян, то станет ясным, что их положение было еще более тяжелым, чем положение княжеских крестьян.

Эти данные показывают:

1. Что крупнейшие имеретинские князья—Абашидзе, Цудукидзе, Яшвили—владели огромными крепостническими латифундиями и имели по 1500—1800 душ крепостных крестьян. Несомненно, от них не отставали князья Эристави и особенно Зур. Церетели. Последний, как видно из письма к нему Сол. Леонидзе, имел в 1806 г. не менее 1000 дымов крестьян, т. е. до 5 тыс. крепостных¹.

2. Княжеские дворяне являются мелкопоместными дворянами однодворцами или имеющими по 2—3 дыма крепостных.

3. Размеры повинностей в пределах округа у большинства крестьян были одинаковыми. Это говорит о том, что имущественное неравенство среди крестьян высокого уровня не достигло, иначе оно нашло-бы отражение в размерах повинности.

4. Размеры крестьянских повинностей в различных округах были неодинаковыми. Особенно тяжелы они были в Рачинском округе, где размеры крестьянских земель были незначительны, на много меньше, чем в Шорапанском и Кутаисском округах. Повинности, наоборот, в Раче были значительно выше, чем в

¹ Жур. „Моамбе“, 1896 г., № IV, стр. 85.

остальных округах. В этих округах повинности в переводе на деньги достигали 25—30 руб., а в Раче 45—50 рублей с дыма.

Это обстоятельство дает объяснение, почему в Раче восстание приняло широкие размеры, а формы борьбы были особенно остры.

5. Основной частью повинностей во всей Имеретии являлась барщина, названная в описи личной повинностью, составляющая три четверти всей повинности. Следующая по размерам повинность—рента продуктами (натуральный оброк). Сравнительно небольшую часть повинностей составлял денежный оброк в Раче 2 рубля с дыма, в других округах 1 рубль, что составляло приблизительно $\frac{1}{25}$ часть всей повинности.

К числу многочисленных повинностей крестьян, которые были оставлены в Имеретии русским царским правительством, относились подати, платимые крестьянами царю. Основными из этих повинностей были сауры¹, саудиеро², сацixe³, бегара⁴. Первое и третье обычно взимались деньгами, остальные натурой—хлебом, вином, скотом и другими продуктами.

Кроме того, одним из основных видов подати была подать с посевов—гала.

По данным 1814 года, к моменту присоединения Имеретии к России бралось сауры по 2 марчила⁵ с каждого дыма. Саудиеро бралось продуктами по 15 батманов гоми, по 40 кок вина и с 20—25 дворов по 1 голове крупного рогатого скота. Сацixe бралось по 2 марчила с дыма. Кроме того, в качестве гала, взималась $\frac{1}{10}$ часть урожая, иногда бралась 1 коди с однодневного пахания земли (Акты, т. V, стр. 475).

Помимо этого существовали еще постоянные и единовременные повинности в пользу помещика.

¹ Сауры—денежная подать по 2 марчила с дыма, взыскивалась не со всех крестьян.

² Саудиеро—подать натурой (гоми, пшеница, вино, скот, рыба и в некоторых селениях горох).

³ Сацixe—подать на военные нужды.

⁴ Бегара—барщина, заключала в себе обязанности крестьян: пахать, поливать и засеивать поле помещика, убирать хлеб, обрабатывать и огораживать сад, косить траву, поставлять лес и дрова, строить, перевозить тяжести (крепостные все должны были делать собственными средствами).

⁵ Марчид—26 коп. сер.

Последними были; саагдгомо—на пасху, сашобао—на рождество, саахалцло—на новый год, саквриво—при выходе вдовы замуж, сачекме—при выдаче крестьянином замуж дочери, самаспиндзло—во время прихода гостей к помещику, гасамкрело—при разделе семьи (эта подать достигала $\frac{1}{10}$ всего движимого имущества), шесацевари—при уплате помещиком долга или приобретении имения, сакорцило—свадебное, салашкро—при выступлении помещика в поход и т. д.

Для более полной характеристики крепостнических повинностей приводим данные, которые хотя и были собраны позднее интересующего нас периода, но, бесспорно, отражают крепостнические отношения, существовавшие в Имеретии в 20-ых годах XIX столетия. В материалах грузино-имеретинского губернского правления, собранных в 1841 году и содержащих «Сведения об отношении между помещиками и крестьянами в Грузии, Имеретии и Гурии», в части, касающейся Имеретии и Гурии, читаем: «В иных местах крестьяне обязаны были давать помещику с каждого дыма ежегодно: 40 кок вина, 20 батманов гоми, 2 свиней, 10 кур, 1 козла или барана и за мясо 2 руб. серебром, во время нового урожая 1 батман пшеницы, к масленице яйца и сверх того в пост лобио, а также и работать несколько дней в неделю для помещика. В других крестьяне дают помещикам до 10 код хлеба, столько же кок вина и деньгами по 4 марчила (1 руб. серебром), сверх того работать в разное время года 1 месяц, наконец, в иных деньгами от 2 до 4 марчил, хлебом от 6 до 15 код, вином от 10 до 30 кок, работой с быками и без оных от 2 до 3 дней в неделю, съестными припасами, как то домашним скотом и птицей разнообразно, потому что каждый владелец сообразовался с своей потребностью и с состоянием своего крестьянина. Крестьяне, принадлежавшие помещичьим азнаурам, отбивая этим азнаурам почти то же самое, что сказано выше, обязаны также платить и тавадам, т. е. помещикам их владельцев, некоторую часть податей хлебом, вином и деньгами и работать несколько дней» (Сборник материалов для описания Тиф. губ., под ред. К. Зиссермана, изд. 1870 г., стр. 301.—302).

Несмотря на большое значение приведенных материалов для выяснения крепостнических отношений в Имеретии, эти данные страдают тем большим недостатком, что не дифференцируют крестьян по различным сословным группам, не показывают струк-

туру крепостнических отношений. Крестьянство представлено чем-то однородным, не показано, какие группы крестьян какие повинности несут и чем отличается экономическое и правовое положение крестьян одной сословной группы от положения других групп.

Попытаемся осветить эту сторону вопроса.

Как указывалось выше, вопрос о структуре крепостничества в Имеретии и в других частях западной Грузии не разработан. Опубликованный материал по этому вопросу мал и для воссоздания полной картины крепостнических отношений недостаточен. Исследование затрудняется не только относительной скудностью материалов, но и большой сложностью сословной иерархии и разнообразием крепостнических отношений в различных частях страны. По тем данным, которые нам были доступны, отчетливо выявляется значительное различие в размерах крестьянских повинностей в отдельных частях Имеретии и большое разнообразие в правовом и экономическом положении отдельных групп крепостного крестьянства. Как видно из этих материалов и из существующей литературы, владельцами крестьян в Имеретии, как и в восточной Грузии, выступают и царская казна, и церковь, и помещики. В соответствии с этим крепостное крестьянство подразделялось на следующие группы: крестьяне казенные, состоящие из бывших царских крестьян и крестьян, перешедших от помещиков к казне, крестьяне церковные и крестьяне дворянские и княжеские. Размеры повинностей у этих групп крестьянства неодинаковы, но особенно значительно было различие в положении крестьян в зависимости от принадлежности их к различным сословным категориям.

В Имеретии особенно рельефно выступает многообразие сословных категорий крестьян и связанное с этим многообразием различие в их правовом и имущественном положении.

Основными категориями крепостных крестьян в Имеретии были азаты, мсахуры, глехи и моджалабе.

По свидетельству официальных данных начала 60 годов, каждый из этих разрядов крестьян в отношении отбывания повинностей помещику имел следующие обязательства: «Азаты—обязаны отдавать постоянную прислугу (шинакма) при доме помещика. Мсахуры (есть и такие мсахуры, которые обязаны только одной домашней прислужгой подобно азатам) сверх постоянной прислужгой отбывают повинность земны-

ми произведениями (вином, хлебом, кукурузой или гоми), а также скотом или живностью; деньгами в размере установившемся обычаем.

Глехи—сверх постоянной прислуги отбывают полевые работы и, кроме того, повинность земными произведениями, скотом или живностью, деньгами.

Моджалабе—находятся целыми семействами в полном распоряжении помещика.

Сверх исчисленных постоянных повинностей крестьяне несут случайные и весьма разнообразные повинности деньгами или продуктами и скотом» (Записка комитета, учрежденного в Кутаисе для улучшения быта помещ. крестьян. Цитировано по сборн. «Саисторико кребули», 1928 г., № 1, стр. 5).

Таким образом, как видим, крепостное крестьянство в Имеретии делилось на четыре категории. Из них в самом тяжелом положении находились моджалабе, стоявшие на самой высшей ступени сословной иерархии. Они обычно своего хозяйства не имели, жили при господском дворе, выполняя самую тяжелую и черную работу.

Каковы были повинности у различных групп крепостных крестьян, мы можем установить по другим материалам, при этом надо иметь в виду, что сведения о крестьянских повинностях часто противоречивы. Материалы, собранные царским правительством, обычно опирались на показания помещиков и крестьян и не всегда являются вполне достоверными. Крестьяне часто в своих показаниях размеры повинностей указывали не точно, также не точно указывают помещики свои доходы.

Как свидетельствует опись повинностей помещичьих крестьян в Шорапанском уезде, крестьяне делились на 4 категории и каждая из них имела следующую повинность:

Первая группа «наибольших плательщиков платила 30 кок вина, 1 кока содержит 8 кувшинов (доки), 1 кувшин содержит $2\frac{1}{2}$ манека¹, 10 код пшеницы, 1 кода содержит 4 батмана, за мясо платят 2 руб. на рождество и 2 руб. на пасху, в год 8 куриц, на свадьбу 1 корову, кроме того некоторые хозяйства платят на рождество 9 хлебов и 1 курицу. Когда придет господин (помещик, Н. М.), или дворянин господина, или служащий (შახეღე), крестьянин обязан накормить его и дать ночлег. Ра-

¹ Манека—искаж. манерка—содержит $2\frac{1}{2}$ бутылки.

ботать обязан 3 дня в неделю с быками, а во время молотьбы дать для работы 1 быка и 1 работника до окончания молотьбы и в это время другую работу не выполняет. Живущие в гористых местах вина не дают. Хлеба дают 15 код, в каждой коде 4 батмана, за мясо платят, как описано выше, быками не пашут и не молотят. Работают на помещика три дня в неделю, остальное платят, как указано выше.

Следующая или вторая группа крестьян платит вина 20 кок указанного размера, 6 код хлеба, 1 рубль на рождество, 80 коп. на пасху, 5 куриц в год. Во время свадьбы стоимость $\frac{1}{3}$ коровы, еженедельно работают с быками (три дня), во время молотьбы работают, как указано выше, в гористых местах обязаны давать 8 код пшеницы, 1 рубль на рождество, 1 рубль на пасху. Работать обязан, как указано выше, если не одинок.

Следующая третья группа крестьян платят 10 кок вина, 4 коды пшеницы, 60 коп. на рождество и 60 коп. на пасху. Во время свадьбы стоимость $\frac{1}{6}$ части коровы, работать обязан с быками и без быков, как указано выше, если не одинок. В гористых местах хлеба дают по 5 код и три батмана, по 40 коп. на рождество и на пасху. Работать обязаны, как указано выше.

Четвертая группа крестьян—азаты—ничего не платят, работать не обязаны, когда придет господин или его человек в гости, крестьянин обязан про довольствовать его и дать ночлег. На свадьбу дают состоятельные 1 корову, среднего состояния $\frac{1}{2}$ и менее состоятельные $\frac{1}{3}$ коровы. То же платят азаты, живущие в гористых местах. Каждый двор обязан дать в услужение помещику мсахури (слугу, Н. М.). Все вышеуказанные крестьяне обязаны помогать помещику деньгами для уплаты долгов и во время покупки им крестьян и земли. Кроме того, крестьянин обязан, если имеет лошадь, одолжить ее помещику при походе и другой большой нужды.

На этом документе имеются подписи крупнейших помещиков—князей Шорапанского уезда: полков. кн. Григория Церетели, кн. Церетели Бери, капитана кн. Нестора Церетели, кн. Николая Церетели, полковницы княгини Кетеваны Церетели, генеральши кн. Саломе Абхазы, кн. Елисабед Церетели, кн. Квели Церетели (газ. «Квали», 1896 г., № 34, стр. 611)¹.

¹ Приводим грузинский текст этого интересного документа.

„აღწერა საწერეთლოს მხნელ-მოცხველთ გლეხვადთ ვადსახადის წლებულთ, მაგალითებრ, შორაპნის მაზრაში.

Большинство указанных здесь лиц жили в первой половине XIX столетия, некоторые из них (напр., Григорий Церетели) нам известны по Имеретинскому восстанию 1819—20 гг. Поэтому можно считать установленным, что опись относится ко вре-

უდიდესი ანუ პირველი გადამხდელი და მუშა გლეხნი.

ოცდა ათი კოკა ღვინო, კოკა ესე შეადგენს რვას დოქს, რომელიც თითო დოქში გამოვა ორ მანეკა ნახევარი ღვინო; ათი კოდი პური, რომელ თითო კოდი არის ოთხ-ოთხი ბათმანი; ხორცის ფასათ ორს მანეთს საშობაოთ, ორს მანეთს სააღდგომოთ, მთელს წელიწადში რვას ქათამს, ქორწილის დროს ერთ ძროხას, და რომელიმე, გარნა არა ყოველნი, შობას დღეს ცხრას პურს და ერთ ქათამს. ბატონი მოვა თუ ბატონის აზნაურშვილი, ან მოხელე ღამის გათევა და კმევა; სამ დღეში უღლის ხარით ყოველკვირაში მუშაობა. გარნა ლეწვის დროს ცალი ხარი და ერთი კაცი ლეწვის გათავებამდე იქნება, მაშინ სხვას აღარას მუშაობს. მთის ადგილებში მოსაზღვნი არ აძლევენ ღვინოს, პურს მისცემს თხუთმეტს კოდს, რომელ კოდში გამოვა ოთხი ბათმანი, ხორცის ფასს როგორც ხემოთ აღწერილი არს. ხარით არ ხვწენ არც ლეწავენ. სხვებრ კვირაში სამ დღეს იმუშავენ და სხვა ყოველივე ხემორებრ.

შემდგომი ანუ მეორე გარდამხთელი გლეხი კაცი.

ოც კოკა ღვინოს იმავე კოკით, ექვს კოდს პურს იმავე კოდით. მანეთს საშობაოთ, ოთხ აბაზს სააღდგომოთ, ხუთს ქათამს წელიწადში, ქორწილის დროს მესამედის ძროხის ფასს, — კვირაში ხარით და კაცით მუშაობს და ლეწვის დროს ისე როგორც ხევით აღწერილი არს. მთის ადგილებში რვას კოდს პურს, მანეთს საშობაოთ, მანეთს სააღდგომოთ. მუშაობა როგორც ხემოაღწერილი არს თუ მარტოხელა კაცი არ არის.

კიდე შემდეგი ანუ მესამე გადამხდელი გლეხი კაცი.

ათს კოკა ღვინოს იმავე კოკით, ოთხ კოდს პურს იმავე კოდით, სამს აბაზს საშობაოთ, სამს აბაზს სააღდგომოთ, ქორწილის დროს მეექვსე ნაწილს ძროხის ფასს. მუშაობს ხარით თუ კაცით ხემო აღნიშნულისამებრ, თუ მარტოხელა არ არის, მთის ადგილებში: პურს ხუთს კოდს სამ-სამ ბათმანს, ორ-ორ აბაზს საშობაოთ და სააღდგომოთ, მუშაობს როგორც სხვათა აღწერილი არის ხემოთ.

მეოთხე აზატად წოდებულნი.

გადასახადს არას აძლევენ, ბატონი ანუ ბატონის კაცი თუ ეწვევა აკმევს, არ მუშაობს; ქორწილის დროს ძროხას გარდინის შეძლებული მთელს, შუა ნახევარს, მესამე მესამედს; ასევე მთის აზატი გლეხი კაცი და მსახურს აძლევენ მოუცილებლათ. ყოველივე ხემოაღწერილი გლეხნი მოვალე არიან ყმისა და მამულის ყიდვის დროს, მემამულეთა თეთრით შეწვევის, ასევე ვალში შთავარდნის დროსა, და ასევე თუ ჰყავს ცხენის თხოვებისა ლაშკრობის დროს ანუ სხვა დიდ საქმეობების დროსაც.

პოლკოვნიკი კნიაზ გრიგოლ წერეთელი;

კნიაზ წერეთელი ბერი.

კაპიტანი თავ. ნესტორ წერეთელი.

კნიაზი ნიკოლოზ წერეთელი.

პოლკოვნიკი კნენინა ქეთევან წერეთელი.

ლენერალშა კნენინა სალომე აბაზისა.

კნენინა ელისაბედ წერეთლისა.

კნიაზი ქველი წერეთელი.

мени, не очень отдаленном от периода восстания и составлена она приблизительно в 30—40 годах прошлого столетия.

Два последних приведенных документа указывают на наличие в Имеретии 4 групп крепостных крестьян. Однако, это отнюдь не значит, что указанные группы в обоих случаях тождественны. Дело в том, что в описи шорапанских помещиков указаны крестьяне плательщики, т. е. крестьяне, имеющие свое хозяйство и обязанные помещику денежной или натуральной повинностью. Как видно, в эту опись не вошли крепостные «моджалабе», так как они находились в полном распоряжении помещика и не имели своего хозяйства.

С приходом в Имеретию царских войск налоговое бремя еще больше усилилось. Содержание и обслуживание войска в значительной мере ложится на население, вызывая введение новых повинностей. Страна малонаселенная, находившаяся в полосе экономического упадка, особенно сильно ощущала тяжесть содержания регулярных царских войск. Сама Имеретия до присоединения к России своих регулярных войск не имела. Во время войны и военной опасности войска наспех набирались из населения и продовольствовались за свой счет.

Еще при грузинских царях вопрос о продовольствии русских войск, когда количество их не превышало 3—5 тысяч, был предметом острых конфликтов между командованием русских войск и грузинским правительством. Еще тяжелее было их содержание в описываемый нами период, когда количество войск на Кавказской линии и в Грузии значительно возросло, достигнув огромной цифры 56164 человек¹. Солдатские постой стали обычным явлением для грузинской деревни. Доставка сена и провианта стала новой, чрезвычайно тяжелой обязанностью крестьян. Их неделями отрывали от хозяйства для всевозможных перевозок. Даже такой преданный слуга русского царизма, как Зураб Церетели, в декабре 1809 года в письме Тормасову вынужден был признать: «От перевозчиков провианта весьма стеснены и разорены придорожные жители, вследствие чего чувствуют отвращение от одного вида войск, а потому прикажи не обижать их, ибо новоприбывшим следует обращаться с незна-

¹ Записки Ермолова, ч. II, стр. 25. Такую же цифру—56.164 чел. указывает и известный царский историк Богданович для 1816 года в составе грузинского корпуса (Богданович, История царствования Александра I, т. VI, стр. 40, прилож. к гл. XXVI, § 6).

жомым народом дружелюбно, а не разорять» (Акты, т. IV, стр. 214). «Не получая ни от кого ни одной денежки и полушки, представил я все, лес, бревна, рабочих людей, множество пар быков и сена... Жители Сачилаосские и окрестности, онаго дворяне и мужики столько стеснены, что они проклинают день рождения своего и преступают против своего создателя» — писал Л. Дадияни Вельяминову (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 295). Раньше при грузинских царях «ни нанимать лошадей, ни давать сена не обязаны были мы» — жаловались рачинцы в своем письме окружному начальнику Цацке (там же, л. 541).

Россия для сообщения с Грузией в то время еще не имела ни удобных сухопутных дорог, ни развитого мореходства и удобных гаваней на грузинском побережье Черного моря. Подвоз продовольствия для войск был чрезвычайно затруднен и продукты забирались у населения за бесценок, значительно ниже рыночной стоимости. Это обстоятельство послужило одним из поводов к знаменитому кахетинскому восстанию.

Такое же положение было и в Имеретии. Господство натурального хозяйства, отсутствие продовольственных излишков для поставки на рынок не давали возможности удовлетворять потребности царских войск. Хлеба и других продуктов сельского хозяйства не хватало. Население насильно заставляли увеличивать запашки. Весьма характерен в этом отношении приказ Гурийского владетеля Мамия князьям Накашидзе. В этом приказе читаем: «Так как долг службы государю императору России обязывает меня и моих подданных заботиться о выполнении высочайших приказов... прошу и приказываю решительно объявить вверенным вам подчиненным и крепостным обработать хлеб сколько сил хватит для продажи русским войскам, находящимся в Грузии. После уборки урожая хлеб собрать и сдать мне и от меня получите должную (ზადობა) плату» (10 ноября 1817 г., груз. текст приказа см. журн. «Моамбе», 1899 г., № XI).

Вряд ли обычные распоряжения владетеля подвластным отдавались в письменной форме. В данном случае к ней прибегают, видимо, с той целью, чтобы придать приказу большую убедительность, заставить население его выполнить. Кроме того, в случае невыполнения распоряжения письменный приказ мог служить Гуриели оправданием перед русским начальством, доказывающим, что он необходимые меры принял.

Продажные цены на хлеб, назначенные Гуриели, были настолько низки, что разоряли население. «Мамия Гуриели, — читаем мы в донесении правителя Имеретии Симоновича, — видя трудность в доставке провианта, назначил в продажу за четверть указанного веса — 7 п. 15 ф. — 3 р. 70 коп., а гоми 5 р. 10 коп. Хотя продажа между жителями втрое более существует» (Акты, т. V, стр. 509).

Таким образом, даже по признанию чиновников царского правительства, цены, назначенные М. Гуриели, были втрое ниже рыночных. Пшеница, привозившаяся из России, обходилась в 18 руб. за четверть, цена той же меры пшеницы достигала в восточной Грузии 12—15 руб. (Акты, т. VI, ч. I, стр. 257), а в Имеретии была значительно дороже.

Царские войска были основными потребителями товарного хлеба в Грузии. Стремясь дешевле заготовить хлеб, правительство искусственно удерживало на него низкие цены. От этого мероприятия больше всего страдало крестьянство, как непосредственный производитель. Расширение торговли хлебом усиливало крепостнический гнет. Помещики заинтересованы были увеличить производство хлеба, алчность их возрастает, замечается стремление увеличить натуральный оброк и расширить свои запашки, шире применять барщинный труд. Помещик выступает не только продавцом хлеба, но нередко и в качестве контрагента правительства — посредника в хлеботорговле между крестьянами и правительственными органами, закупающими хлеб, изрядно на этом наживаясь. Поскольку на хлеб назначались чрезмерно низкие цены, труд крестьянина не окупался и это вело к обнищанию деревни. Низкие цены на хлеб и другие сел.-хоз. продукты задевали в известной мере и интересы помещиков и купцов. На это обстоятельство обратил внимание барон Дибич, начальник главного штаба, приезжавший в Тифлис для расследования деятельности Ермолова. В своем письме Николаю I Дибич, между прочим, писал: «Удержание низких цен на продукты для пользы казны равномерно восстановило против него (Ермолова, Н. М.) голос помещиков и купцов и иногда кажется были приняты меры слишком своевольные, но всегда в пользу казны» (Дибич — Николаю о Ермолове 23 февраля 1827 г., жур. «Русская старина», 1872 г., т. VI, стр. 50).

Крестьянство в расчет не принималось. Любое угнетение и кабала крестьянства считались вполне естественными, поэтому

Дибич выделяет помещиков и купцов, проявляя к их неудовольствию особенную чувствительность.

Не мало озлобления вызывало у населения и то, что управление проводилось русскими чиновниками на непонятном населению языке. «В национальных областях все или почти все должности занимали русские чиновники. Все дела в учреждениях, в судах велись на русском языке», — сказано в кратком курсе Истории ВКП(б). (История ВКП(б), Краткий курс, стр. 6).

«Мы на вашем языке отвечать не умели, пришли просить, без исследования вы нас арестовали... определенных вами к нам чиновников... иметь нам уже не угодно, что выше сего письма написано, если на то не согласитесь, то нам невозможно», — писали рачинцы, излагая причины восстания (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 541).

Судопроизводство после установления русского правления значительно усложнилось: появились многочисленные инстанции, к которым население не привыкло, разбор дел тянулся годами. «Воинственный дух грузинских князей, дворян и народов, здесь обитающих: привычка, сделанная при царях, получать скорые и решительные ответы по всем их делам со введением Российского судопроизводства дел поставили их с одной стороны в недоумение, а с другой определение чиновников Российских без всякого разбора и нравственности причинило сначала им оскорбление, а потом обратилось в недоверчивость к Российскому правительству», — вынужден был признать генерал Ртищев в своем докладе императору в 1812 году (Акты, т. V, стр. 212).

Царские чиновники злоупотребляли властью. Взятки стали распространенным явлением. На этих злоупотреблениях обогащались. Нелестную характеристику этих чиновников давал даже ген. Ртищев: «В грузинском народе, сколько я мог заметить, — писал он, — есть склонность владеть имением другого, но не доставало только способов, каким образом провести сие в действие; наконец способы сии указали им российские чиновники, прибывшие сюда из России почти в ничтожестве и по средствам сим поправившие свое состояние» (Акты, т. V, стр. 212).

Эти чиновники не брезгают открытым грабежом, отбирают у населения последний хлеб, даже запасы для посева. Большая часть налогов присваивалась чиновниками, крестьян заставляли перевозить продовольствие и военное снаряжение на сотни километров, во время чего скот погибал. Денежные подати с насе-

ления в казну не вносились и население заставляли эти подати уплачивать вторично. Казнокрады, покровители воров, царским правительством не только не преследовались, но даже пользовались его покровительством. Чрезвычайно интересным документом для характеристики колониального режима в Грузии и в первую очередь правов кавказской администрации и царских чиновников является доклад сенатора Мечникова. «У многих жителей был отбираем хлеб последний, оставшийся на собственное их пропитание и на засев полей; казенные крестьяне принуждены были к поставке хлеба в тройном против прочих крестьян количестве. Перевозка сего хлеба иногда на 300 верст была для жителей еще тягостнее. Потеряв скот в дальних воинских транспортировках и от падежа, они должны были нанимать для сего других и платить 5 раз более той суммы, которая назначалась им от казны. Деньги весьма часто до их рук не доходили и были удерживаемы местными начальниками в собственную свою пользу...

Далее со стороны местного начальства жители Закавказского края угнетались следующим образом: податной хлеб был собираем местными начальниками в излишестве, и сей излишек сборщики оставляли для себя... Денежные подати с них собираемые теми же начальниками в казну вносимы не были и казна, считая их в недоимке, взыскивала в другой раз. Следующие жителям за подводы, за транспортировки, за провпрант, за материалы для войск и проч. деньги местными начальниками им выдаваемы не были, ... местные начальники собственно для себя производили разные сборы. Требовали количество подвод вдвое и втрое более потребности и потом взяв с них деньги распускали. Все сии злоупотребления существовали в продолжение 30 лет...

Таковы угнетения часто превосходили меру и следствием сего было то, что многие из них (жителей.—Н. М.) разбежались... Местные начальники в Закавказском крае были более образцом нарушения законов, нежели блюстителями их. При поимке воров они отбирали у них покраденные вещи и деньги и употребляли в свою пользу, а самих похитителей укрывали от преследования законов и наказания на тот конец, чтобы опять иметь от них выгоды. Пользуясь неверностью народоисчисления и тем, что правительство не имеет в виду некоторых жителей, они в продолжение 15 лет собирали с сих жителей подати и удерживали

онные у себя» (Цит. по книге П. Гугушвили «Сельское хозяйство и аграрные отношения в Грузии», т. I, стр. 273—274).

Такова далеко не полная картина произвола царских чиновников, безнаказанно обиравших народ. Эту картину не смог скрыть даже Мечников, преданный слуга царизма. Правда, его заставляют говорить не интересы народа, а интересы царской казны, поскольку от действия этих чиновников немало убытков терпела казна. Мечников всемерно выгораживает царизм, доказывая, что все эти безобразия есть результат злоупотребления местных начальников, замазывая то обстоятельство, что действия чиновников были порождены русским царизмом. Грабеж населения, казнокрадство со стороны чиновников было обычным явлением для царской России. На окраинах, в колониях, в том числе и в Закавказье это принимало особенно уродливые формы и ложилось тяжелым бременем на население¹.

В первые годы после установления русского правления в Имеретии налоги официально взимались по нормам, существовавшим при имеретинских царях, но так как налоговой аппарат не был налажен, сколько-нибудь удовлетворительного учета населения и доходов хозяйства не существовало. Это создавало благоприятные условия для хищения и всяких злоупотреблений, поэтому повинности, взыскиваемые с населения, были значительно выше тех размеров, что бралось с них раньше при царях. Большая часть налогов, взимаемых с крестьян, попадала в карманы царских чиновников и хотя с населения буквально драли три шкуры, доходы казны возрастали медленно, нередко обнаруживая колебания в сторону упадка. По росписи 1814 года доходы казны в денежном исчислении достигали 20896 р. 79 к. (Акты, т. V, стр. 475).

Царское правительство надеялось быстро увеличить налоги, рассчитывая, что доходы казны с Имеретии в ближайшие годы

¹ Вот что писал, например, небезызвестный А. Берже, не решаясь скрыть усиление недовольства народных масс после утверждения русского царизма в Грузии: «...из России присланы были сюда такие исполнители высочайшей воли как Коваленский и К^о, которые не устроили, а усилили злоупотребления, от которых так тяжело страдал народ грузинский. Стало быть, улучшения в его быте не произошло и обманутое ожидание лучшего превратилось в недоброжелательство, в негодование, в сильную злобу и т. п. побуждения, из которых слагаются бунты и возмущения против верховной власти» (Жур. «Русская старина», 1880 г., кн. VII, стр. 381).

достигнут 100 тысяч рублей. Но эти предположения не оправдались. Страна, перенесшая огромные бедствия, лишившись больше половины своего населения во время моровой язвы и голода 1811—1812 гг., находясь в тисках крепостнического и колониального гнета, управлялась чрезвычайно медленно. Платежеспособность населения была низкой. Доходы казны не только не росли, но даже обнаруживали тенденцию к сокращению. Об этом говорит роспись доходов 1817 и 1818 годов. В эти годы было по официальным данным окладного дохода, за исключением 10%, отдаваемых моуравам, 2796 руб. 85½ коп., а вместе с долей моурави 3076 руб. 63 коп.

Неокладной налог давал 338 р. ½ коп., податной хлеб—938 р. 21 коп. Сданные на откуп таможня и красильни давали 1.020 р., водочная продажа в Редут-кале и в крепости св. Николая (Шекветили)—2700 руб., а всего 17022 руб. 63 коп. (Акты, т. VI, ч. I, стр. 532).

Недостаток людей, способных толково проводить политику царизма, доставлял не мало затруднений кавказскому начальству. Грузия была отдаленной провинцией России. Кавказ и Грузия привлекали красотой природы, легендарными похождениями многих военных деятелей. Поэтому было немало людей, которые стремились посетить Кавказ в качестве путешественников. Но ехать в Грузию на постоянную работу мало кто стремился. Туда шли люди совершенно невежественные, по преимуществу потерявшие надежду создать себе карьеру в самой России.

По целестной характеристике генерала Потто на Кавказ охотно шли «люди сомнительной нравственности, испорченной репутации, алчные, корыстолюбивые» (Потто, Утверждение русского владычества на Кавказе, т. II, стр. 341).

Кавказское начальство нередко прибегало к особым мерам поощрения тех, кто соглашался выехать для работы на Кавказ. Генерал Ртищев в своем донесении сенату просил: «Для пополнения всех присутственных мест канцелярскими чиновниками и служителями выписать до 25 человек, имеющих хотя бы некоторые познания по гражданской службе». Для поощрения, кроме повышения жалованья, было решено награждать посылаемых чиновников «следующими чинами, без чего не можно надеяться, чтобы согласились ехать в Грузию исправные и хорошего поведения чиновники» (Акты, т. V, стр. 229—230).

Правительство часто не имело элементарно грамотных чиновников, что затрудняло сношения с населением. Насколько невежественны были нередко эти чиновники, можно судить из письма правителя Имеретии Пузыревского к Вельяминову, который просил его прислать в Имеретию «надежного чиновника, а также знающего грамоте переводчика», сообщая, что находящийся при нем переводчик «худо знает писать, дурно говорит по грузински и мало по русски» (Акты, т. VI, стр. 584).

Эти чиновники, несмотря на всю свою неграмотность, в совершенстве знали искусство казнокрадства и без стеснения грабили население.

В притеснении широких масс народа не отставало от гражданской власти и духовное начальство.

Такова была обстановка в стране, когда началась церковная реформа, послужившая непосредственным поводом и одной из основных причин восстания.

ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА

В 1811—15 годах грузинское духовенство было подчинено синоду. Указом 30-го июня 1811 года была упразднена автокефалия грузинской церкви. В 1815 году в Грузии была учреждена грузино-имеретинская синодальная контора. Во главе духовенства был поставлен экзарх. Первым экзархом Грузии, занявшим место последнего грузинского католикоса, был митрополит Варлаам из грузинских князей Эристави.

Синодальной конторе и экзарху были подчинены имеретинские епархии, а также епархии Мингрелии и Гурии. Но проведение соответствующих мероприятий по подчинению духовенства натолкнулось на серьезные затруднения. Высшее духовенство указанных областей Грузии, пользуясь поддержкой имеретинских феодалов, а также владельцев Гурии и Мингрелии, мало слушалось распоряжений экзарха.

Когда митрополит Варлаам, стремясь прибрать к рукам церковное имущество в Имеретии, Мингрелии и Гурии, потребовал сведения о размерах церковных доходов, количестве крестьян и др., то духовенство и князья, которые сами пользовались значительной частью церковных доходов, нужных сведений не послали. Встревоженные этим требованием мингрельские митрополиты в письме на имя владетельного князя Даддани сообщают, что так как по требованию Грузино-Имеретинской синодальной конторы «все доходы и произведения крестьян нашей церкви должны поступить в ведение той конторы», они решили «сложить с себя вверенные нам саны и поступить в какую-нибудь обитель».

Письмо подписано: «дяди ваши Чкондидский митрополит Виссарион, сын Даддани, Цагерельский митрополит Иоанн, сын Даддани, Цайшский митрополит Григорий» (Акты, т. V, стр. 503).

Такое же сопротивление встретило это мероприятие в Имеретии и Гурии. Кавказское начальство, избегавшее обострения отношений с владельцами Мингрелии и Гурии, настаивать не

решалось. Ввиду этого церковная реформа, предполагавшая создание в Имеретии дикастерии, урезывавшая права высшего духовенства и ставившая его в зависимое положение от центрального церковного начальства, временно была отложена.

Однако, синод совершенно не думал отказаться от проведения намеченных мероприятий. Действия Варлаама, не сумевшего осуществить решение царского правительства, вызвали неудовольствие синода. Император приказал отозвать Варлаама из Грузии для присутствия в синоде, а в Грузию послать экзархом русского архиерея. Выбор пал на Феофилакта Русанова¹, который и был назначен экзархом Грузии в мае 1817 года. Он был первым русским экзархом в Грузии.

С назначением Феофилакта на должность главы грузинского духовенства, которую в продолжении многих веков постоянно занимали представители крупнейшей грузинской дворянской знати, впервые появилось лицо, не имевшее никакой связи с аристократией страны, чуждое грузинской культуре, не знавшее ни грузинского языка, ни обычаев страны. Все эти обстоятельства сыграли не малую роль в неудаче церковной реформы.

Вскоре после приезда в Тифлис Феофилакт принялся за переустройство церковного правления, проводя грубо русификаторскую политику. Одним из первых мер оприятий Феофилакта, чрезвычайно характерным для всей его политики, было введение церковного служения на русском языке в Сионском соборе: «В Сионском соборе отныне иметь быть совершаемо богослужение на российском языке три раза в неделю приехавшими со мною из России священно-церковно-служителями, а именно во вторник, пятницу и субботу, а остальные три дня на грузинском языке грузинскими священно-церковно-служителями» (цит. по книге Кириона «История грузинской церкви в XIX столетии», стр. 20).

Феофилакт представил Александру I проект церковной реформы. Как видно из отношения Голицына, министра духовных дел и народного просвещения, к Ермолову, реформа предполагала: 1. принятие церковных дворян в казенное ведомство и переселение их с церковных земель на пустопорожные казенные земли, 2. освобождение

¹ Ф. Русанов родился в Архангельске. До назначения в Грузию Русанов был епископом сначала в Калуге, а потом в Рязани, умер в Грузии около Сигнаха в монастыре св. Нины в 1821 году.

духовенства от крепостной зависимости с семействами на основании указа от 7 июля 1808 г., 3. возвращение церкви имений и крестьян, которые «по какому-нибудь злоупотреблению духовных властей отошли в частное владение» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 617).

Реформа предусматривала также сокращение количества епархий: вместо 8 епархий предполагалось оставить три—по одной епархии в Имеретии, Мингрелии и Гурии. Намечалось сокращение количества церквей и приведение в «известность церковного имущества». «Описывая крестьян, имущества и доходы церковные, предлагал об обращении продуктов в денежный сбор и прибавке повинности в таких только местах, где усмотрено будет в церковных крестьянах непринужденное на то согласие»,—писал Феофилакт 3-го июля 1819 г. (Акты, т. VI, ч. I, стр. 577). Насколько «непринужденно» проводилось повышение налогов, показали последующие события. Часть денег в размере 5000 рублей, собранных в результате повышения церковного налога, должна была быть передана на содержание «Осетинской комиссии по восстановлению христианства».

Центральной задачей этой «реформы» было повышение церковного налога, увеличение доходов духовенства и перевод церковно-служащих на жалование. Последнее мероприятие усиливало зависимость духовенства от правительства, способствуя превращению их в полицейских в рясах. Помещики в результате проведения таких мероприятий лишались возможности назначать священников по своему усмотрению. Правительство учитывало, что священники, являясь большей частью крепостными помещиков, целиком зависимые от них, в массе своей малограмотные, не могли быть достаточно надежными проводниками политики правительства.

По данным описи духовенства Вакинского округа Имеретии видно, что большинство священников было малограмотно, умело только читать «на природном диалекте», а «писать и другим наукам нигде не обучались». Из 171 священников указанного округа писать совершенно не умели 94 человека (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, лл. 126—190).

Это духовенство, хотя и с трудом, могло выполнять несложные религиозные обряды и было в этом отношении достаточно авторитетным для задавленного крепостническим гнетом, почти сплошь неграмотного населения, но оно совершенно

не могло удовлетворительно справиться с теми задачами, которые возлагал на него русский царизм и духовное начальство.

Царское правительство учитывало, что одного только военного подчинения страны недостаточно. Вопрос об экономическом завоевании Имеретии еще не мог быть поставлен как ввиду отсталости хозяйства страны, так и ввиду слабой экономической связи ее с Россией и постоянных войн, которые вело царское правительство на Кавказе. Школа и другие культурно-политические рычаги для проведения руссификаторской политики и духовного завоевания страны тоже не были развиты. Поэтому эта задача целиком ложилась на церковь. Примири́ть народ с новым режимом должна была церковь и духовенство. Неудивительно, что нередко дорогу военным завоевателям на Кавказе прокладывали проповедники-миссионеры. «Все и всякие угнетающие классы,—говорит Ленин,—нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа» (Ленин. Сочинения, т. XVIII, стр. 259).

Поэтому одной из существенных задач церковной реформы было сделать духовенство целиком зависимым от царского правительства в материальном отношении, а также передать назначение церковно-служащих из ведения помещиков духовному начальству.

Подготовка штата церковнослужителей тоже привлекла внимание духовного начальства и для этого был выдвинут проект создания духовного училища в Кутаиси. Однако, это дело подвигалось туго. Учеников приходилось вербовать почти насильно, отбирая у родителей особые расписки. Кутаисское духовное училище, вербовка в которое началась в 1819 году, открылось только в 1821 году¹.

Проект Феофилакта, поддержанный синодом, был утвержден царем 28 декабря 1818 года.

Сразу после утверждения проекта реформы ретивый монах принялся спешно его осуществлять, не приняв во внимание советы более опытного Ермолова, который, боясь возмущения народа, рекомендовал не торопиться. «Митрополит Феофилакт, которого не раз предупреждал я, что нельзя приступить к

¹ Кутаисское духовное училище, открывшееся в 1821 году, было первым учебным заведением в Имеретии. В начале оно имело 2 учителей. На содержание училища казна отпускала в год всего 360 рублей.

разным переменам как по Грузии, так и по Имеретии, ибо в сей последней по недавней ее зависимости власти не в полном действии и им не полно оказываемо повиновение, и что простой народ... легко может быть возбужден к беспокойствам и надо будет прибегать к мерам крайним для укрощения» (Ермолов. Записки, ч. 2, стр. 85).

В мае 1819 года Феофилакт отправляется в Имеретию, чтобы лично руководить описанием церковного имущества и проведением «реформы». С этой же целью в Гурию и Мингрелию направляются церковные чиновники—в Мингрелию Квабтаховский митрополит Афанасий, а в Гурию прокурор синод. конторы Чилиев. Грабительский характер этой реформы сразу выявился. Реформа вызывала неудовольствие высшего имеретинского духовенства, которое лишалось богатых доходов, находившихся до этого в его бесконтрольном распоряжении. Реформа задевала также часть дворянства. Но особенно тяжелой «реформа» оказалась для крестьян. Содержание духовенства, церковный налог и до этого огромной тяжестью ложились на крестьянство.

Духовенство было многочисленно, а количество церквей очень большое. По данным описи 1819 года в хонской епархии в сел. Хони, насчитывавшей крестьян казенных 63 дыма, крестьян и дворян церковных 218 дымов, помещичьих крестьян 843 дыма, а всего 1224 дыма, имелось 43 церкви. Церкви имелись даже в небольших деревушках, насчитывавших по несколько дымов (в Нахахулеви с количеством 10 дымов, в Ахалдаба 8 дымов, Кваштибы 8 дымов, Орагветы 6 дымов, Целаверы 4 дыма и т. д.).

По кутаисской епархии в 52 селах, насчитывавших: крестьян казенных 146 дыма, крестьян и дворян церковных 170 дымов, крестьян помещичьих 1282 дыма, всего 1598 дымов имеют 72 церкви. Многие даже небольшие деревни имели по несколько церквей и многочисленное духовенство.

В сел. Хони на 129 дымов имели 3 церкви, 3 священников, 4 дьяконов, в Чквиши на 90 дымов 4 церкви, 7 священников, 2 дьякона, в Гамочинебули 1 церковь, 5 священников, 4 дьякона. В общем по Хонской епархии, насчитывавшей 30 селений, по бесспорно преуменьшенным данным было 42 церкви, 49 священников и 10 дьяконов. По кутаисской епархии в 52

селениях 72 церкви, 89 священников и 16 дьяконов (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, лл. 226—239).

Всего в Имеретии, насчитывавшей 12908 приходских дымов, по далеко не полным данным, было церквей и монастырей 633. При них священников 693, монахов 79, дьяконов 197, всего 969 человек. Таким образом, на каждые 10—12 дымов населения приходился один поп или дьякон (Акты, т. VI, ч. I, стр. 419¹).

Во время переписи и «реформы» количество церквей было сокращено и не все священники были включены в штат и переведены на жалование и таким образом формально их количество тоже было сокращено. По официальным данным, по кутаисской епархии вместо 72 церквей и 105 церковнослужителей было оставлено 37 церквей и 39 церковнослужителей. По Хонской епархии вместо 42 церквей и 59 церковнослужителей было оставлено 25 церквей и 23 церковнослужителя (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, лл. 231—233).

Можно было ожидать, что сокращение церквей и армии церковнослужителей повлечет за собой уменьшение церковных налогов, облегчение налогового бремени населения. Но произошло обратное: размеры налогов были резко повышены, церковная «реформа» превратилась в способ необузданного грабежа крестьянских масс. Красноречивое доказательство указанного обстоятельства находим в описях, которые были проведены в это время.

В поименной описи крестьян с Хони хонской епархии читаем: «§ 1. Описанные здесь крестьяне платили прежде сего подать разными продуктами, как-то: хлебом, вином, бобами, гомяю.

¹ Имущественное положение сельского духовенства определялось в основном его социальной принадлежностью, священники-дворяне имели обычно довольно крупное хозяйство с количеством земли 40—100 десятин. Некоторые из них имели и своих крестьян 1—2 дыма. Большая часть крепостных священников собственной земли не имели, они пользовались помещичьей или церковной землей. В редких случаях они имели небольшой участок купленной земли, а также крестьян. В хонской и кутаисской епархии сословный состав сельского духовенства (священников и дьяконов) рисуется в следующем виде: всего церковнослужителей было 162 человека, в том числе из дворян 24 чел., из крепостных, главным образом помещичьих, крестьян 129 чел., из духовных, тоже в основном состоявших из крестьян, 9 человек. Таким образом, основная масса сельского духовенства состояла из крепостных крестьян (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, лл. 126—190).

живностью и другими тому подобными мелочами, что все прива в соображение и обратя в деньги примерно составляло до 180 рублей серебром. 2-ое. При нынешнем списке, взамен всего вышеописанного, обложили с их согласия ежегодно и положительно в пользу церкви по триста пятьдесят рублей серебром, обязуя сверх того обрабатывать церковные земли и делать другие пособия церкви». Таким же образом были обложены крестьяне всех других селений. «Крестьяне сих трех селений (Иван-диди, Кунтуети, Нахахулеви),—читаем мы в той же описи,—платили прежде всего подать церкви вином, хлебом, живностью, воском и прочими мелочами, что все обратя на деньги простиралось не более как 40 рублей серебром в год.

2. При нынешнем описании все три селения Иван-диди, Кунтуети, Нахахулеви, составляющие 18 дымов, обложены совокупно взамен прежде бывшей на них повинности в пользу церкви по 85-ти рублей серебром ежегодно и положительно» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, лл. 100—115).

Крестьяне сел. Кухи 16 дымов платили до реформы продуктами на сумму до 40 руб., обложены налогом по 70 рублей ежегодно. Крестьяне сел. Чквиши 15 дымов—платили натурой до 30 рублей, обложены на 75 руб. Крестьяне сел. Матходжи платили продуктами до 94 руб., обложены на 168 рублей. Крестьяне сел. Самтредия—14 дымов платили осетрами всего 48 осетров в год, что составляло в переводе на деньги 37 р. 40 к. (по 78 коп. штука). Обложены по 60 руб. в год. Крестьяне сел. Баше 30 дворов платили 90 рублей, обложены на 150 рублей. Крестьяне сел. Париха-Наканеви 8 дымов платили натурой 8 рублей, обложены на 24 рубля. Крестьяне сел. Маглаки 26 дымов платили 70 рублей, обложены на 114 рублей. Там же 10 дворов дворян никакой подати не платят. Крестьяне сел. Удзлури платили до 19 рублей, обложены на 27 руб. 50 коп. Крестьяне сел. Кумистави 6 дымов платили около 9 руб. Обложены на 15 рублей. Крестьяне сел. Баноджа 11 дымов платили до 7 руб., обложены на 11 рублей (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, лл. 191—222).

В сел. Шумта жило 3 крестьянских двора. «Первые два дыма платили подать церкви по 4 фунта воску, а один дым, не упражняющийся в земледелии, 3 кока вина, 2 батмана гоми, свинью, курицу, 1 батман пшеницы и деньгами 80 копеек; вся же подать с 3-х дымов простиралась до 6 руб. серебром. При нынешнем описании обложены каждый дым по 3 рубля ежегод-

но и положительно, начиная с 1819-го года (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 118).

Эти данные описей, из которых мы привели только незначительную часть, говорят о том, что при описании церковных имений налоги крестьянства были во всех случаях повышены нередко в два—три раза. Если общая сумма натуральной повинности крестьян вышеуказанных селений до описания равнялась в переводе на деньги 621 руб. 40 коп., то после описи она достигла 1143 р. 50 коп. В тот период в Имеретии господствовало натуральное хозяйство, денежные доходы крестьянства были совершенно незначительны. Одна замена натуральной повинности денежной уже означала ее значительное усиление, к тому же продукты при переводе на деньги были оценены значительно выше их рыночной стоимости, что еще больше увеличивало расхождение между той повинностью, которую крестьяне платили раньше, и той, что была наложена при проведении описания церковных доходов. При проведении описания подверглись обложению и те деревни, которые ввиду полного обнищания до этого фактически подати не платили. «Описанные здесь крестьяне сел. Мухапруа, принадлежащих Гелатскому монастырю,—читаем мы в описи крестьян,—хотя и обязаны были платить церкви подать вином от 5 до 7 кок, гомью от 4 до 6 батманов, воском от 2 до 4 фунтов, а некоторые по 1 рублю с дыма за баранов, что все обратя в деньги составляло ежегодно дохбду до 38 рублей серебром. По чрезмерной их бедности духовное начальство не брало с них никакой подати. При нынешнем описании обложены они в числе 17 дымов (кроме крестьянина Ивана Лосаберидзе и детей здешнего священника Андрея Кутанейшвили, из которых первый за неимением никакой собственности, а последний по силе царских грамот избавлены от общей повинности) по пятьдесят одному рублю серебром» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, лл. 191—222).

Судя по этим данным, высокому обложению подверглись даже те крестьяне, с которых не решалось брать налоги даже чрезвычайно алчное имеретинское духовенство. «Крестьяне сел. Хони и Кухи,—читаем мы в другом документе,—по грамотам у них имеющимся значатся принадлежащими Илорской св. Георгия церкви (что в Абхазии), а по спискам г. окружного начальника записаны за казной с 1814 года, по воле имеретинского временного правления платят подать казне хонские по 2 рога-

тых скотины и 2 барана, а кухские по 2 марчила с дыма и рогатую скотину. Церкви же и те и другие платили по одному только марчилу или же по 26 копеек серебром с дыма, каковую собирал с них Илорской церкви протоерей Михаил Мерчули.

2. Моураву кн. Сехние Цулукидзе платили они в год по 4 курицы, по 2 тунги вина и по 1 батману гоми¹. При нынешнем описании оставлены на прежнем основании» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, лл. 199—222).

Таким образом крестьяне, принадлежащие церкви, произвольно зачисляются за казной, но чтобы не обидеть церковь, старые повинности в пользу церкви сохраняются без изменения. Остается также без изменения подать в пользу моурава. Кабала усиливается, крестьяне подвергаются буквально тройному гнету. Все старания правительства приукрасить «реформу» кончились полным провалом. Чудовищно-грабительский характер ее сразу выявился, усиливая неудовольствие широких масс крестьян.

Не могло быть довольно и высшее духовенство, которое реформой лишалось значительной части доходов и бесконтрольного распоряжения церковным имуществом. Многие церкви и монастыри имели крупные имения и большое количество крепостных. Высшее духовенство Имеретии было из влиятельных княжеских фамилий и имело сильные связи среди дворянства. Митрополит Досифей Кутатели был из крупнейших феодалов Церетели, Генатский митрополит Евтимий из князей Эристави. Размеры хозяйства митрополитов не уступали хозяйствам самых крупных феодалов. Доходы их были весьма значительны. Торгово-денежные обороты этих князей церкви достигали больших размеров.

«Между бумагами Кутатели в большом сундуке,—писал Пузыревский Вельяминову,—по словам его приближенных, находится много векселей на значительные суммы и крепости на землю» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 282).

В описях документов другого митрополита Генатели имеется перечень денежных расписок должников, рисующий картину части денежного хозяйства митрополитов. В описи указаны расписки:

1. Григора и Петра Степановых на 700 куруш;
2. Николая Коркашвили на 500 куруш;

¹ Очевидно, тут указана подать с каждого дыма (Н. М.).

3. Бежана Эристова на 500 марчил;
4. Крестьянина Бахтурадзе на 400 марчил;
5. Акопа Калантарова на 80 полновесных червонцев;
6. Иосифа Заргара на 36 полновесных червонцев;
7. Симона Холжаева на 600 руб. серебром, его же на 400 руб. серебром;
8. Николая Косапова на 120 марчил;
9. Симона Инонаева на 200 марчил (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, лл. 486—487).

Не малый доход высшему духовенству доставляла эксплуатация крепостных крестьян, принадлежавших церквям и монастырям. Многие монастыри владели огромными крепостническими латифундиями с сотнями крепостных. Как видно из краткой ведомости о числе церковных крестьян по Кутаисскому округу, Кутаисскому кафедральному собору принадлежало 187 дымов крепостных, насчитывавших 775 душ только мужского пола.

Одного денежного дохода без натуральной повинности и разных пожертвований собор имел 886 руб. 50 коп.

Никорцминдскому кафедральному собору в Раче принадлежало 53 дыма—234 душ мужского пола, а денежный доход этого собора достигал 218 руб.

Кацхский монастырь имел 96 дымов крепостных крестьян, насчитывавших 341 душ мужского пола, денежного дохода 493 руб. Гелатский монастырь имел в 42 селениях 395 дымов крепостных крестьян, насчитывавших 1483 душ мужского пола, а денежного дохода 2038 руб.

Не перечисляя владений других церквей и монастырей, укажем только, что по Кутаисскому округу церковных крестьян было 866 дымов, насчитывавших 3320 душ мужского пола, и чистый денежный доход без натуральной повинности и пожертвований достигал 4702 руб. (по материалам ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 237, лл. 149—156).

Всего по Имеретии при населении 12908 дымов крестьян церкви принадлежало 2124 дыма, из них церк. крестьян 1808 дымов, церковных дворян 130 дымов и дворянских крестьян 186 дымов, а годовой доход в переводе на деньги достигал огромной по тому времени цифры 11482 руб. сереб¹.

¹ Значительность этой суммы будет ясна, если принять во внимание, что весь доход казны по Имеретии в 1818 году равнялся 16.745 руб. 95½ коп.

Крупными именьями и значительным количеством крепостных владели церкви и монастыри также в Мингрелии и Гурии. Шемокмедский монастырь в Гурии имел 133 дымов крестьян. Еще более значительны были именья Джуматского монастыря, у которого было 235 дымов крепостных крестьян. Кроме того, этот монастырь имел доход с ярмарки, ежегодно устраивавшейся на территории монастыря, и доход с переправы на р. Супса (Акты, т. VIII, стр. 442).

Не удивительно поэтому, что церковная реформа и описание церковного имущества, лишившие высшее духовенство значительной части их доходов, урезывавшие их права бесконтрольного распоряжения большими средствами, вызвали с его стороны недовольство реформой и фронду по отношению к экзарху Грузии и кавказскому гражданскому начальству. Митрополиты и поддерживавшая их часть высшего духовенства предполагали выгадать на народном недовольстве и сохранить свои старые привилегии. «Смятение в народе произведено имеретинскими архиереями, дабы им остаться в прежней независимости от свят. Синода»,—уверял Ф. Русапов в одном из своих писем к Ермолову (цит. по книге Потто «Утвержд. русск. владыч. на Кавказе», т. III, стр. 505).

Не могло быть довольно реформой и сельское духовенство, поскольку, ввиду сокращения количества церквей и церковнослужаших, многие из них лишились приходов.

Не улучшал положения крепостного духовенства и изданный в 1808 году указ императора об освобождении духовенства от крепостной зависимости, так как он касался только его незначительной части, а именно рожденных после этого указа. Вся остальная часть крепостного духовенства была оставлена в крепостной зависимости.

Участником восстания оказалась также значительная часть крупного и мелкого дворянства. Реформа задевала много мелких дворян, особенно тех, которые жили на церковных землях и согласно распоряжения должны были переселиться с насиженных мест на «пустопорожние казенные земли». Таких дворян в Имеретии было свыше 1000 душ и в общей массе имеретинского дворянства они представляли значительную силу.

Та часть высшего дворянства, которая оказалась в какой-нибудь мере соучастником событий, совершенно не думала о народном освободительном движении, а стремилась использовать движение в узко-сословных целях.

Многие дворяне были недовольны тем, что при проведении реформы у них отбирались те имения, которые считались их собственностью и только доходы с них были пожертвованы церкви. Кроме того, некоторая часть дворян пострадала ввиду приверженности имеретинскому царю Соломону II¹.

Другая часть высшего дворянства была обижена тем, что оказалась обойденной русским правительством, когда награждались лица, оказавшие русскому царизму разные услуги. Группой феодалов, во главе которых стояли князья Абашидзе, в том числе Иван, сын царевны Дареджан, дочери Соломона I, восстание рассматривалось как обычная феодальная война. Идеология этой части дворянства, которая не мирилась с ограничениями их феодальных прав, вытекавших из факта присоединения Грузии к крупному централизованному государству, ярко выражена в обращении кахетинского дворянства к ген. Гулякову в 1802 г.: «Мы, грузины,—писали они,—составляем одну маленькую землю, с нами воевал султан, который есть великий государь, с нами воевал шах и были его подвластными... когда они нас покоряли, ни тогда, ни после не отменяли архиерейства, не отменяли княжества, не отменяли крестьянства, что видят ваши собственные глаза» (Акты, т. I, стр. 388).

Авторы обращения сожалеют, что русские власти в Грузии урезают некоторые политические права феодалов, которые сохранялись в Грузии и при господстве иранских шахов.

Стремление дворянства сохранить своего царя, а вместе с ним и существовавшие при нем порядки, еще более выпукло проявляется в адресе на имя Александра I. Как известно, после воцарения Александра I вопрос о присоединении Грузии вновь подвергся обсуждению и вызвал оживленные споры в Государственном со-

¹ После смерти Соломона II, в начале 1815 года, большинство князей, сопровождавших его в Турцию, вернулись в Имеретию. Некоторые из них, как, напр., сердарь Кайхосро Церетели, заслужили доверие царского правительства, большинство же оказалось лишенным прежней власти и доходов. Имения их были конфискованы, должности розданы преданным царизму князьям. Эта группа хотя впоследствии и получила компенсацию, но долго не могла примириться с утратой своих привилегий.

вете. Группа противников присоединения Грузии—Чарторижский и другие—одним из основных доводов выставляли то, что грузинские цари являются законными царями и лишить их престола будет несправедливо. В первые годы после французской революции и провозглашения императором Наполеона I идея защиты «законных» царей пользовалась большими симпатиями в руководящих кругах царского правительства. Они преступление Наполеона видели не в упразднении республики, а в том, что он занял престол Бурбонов.

Именно на этих антиреспубликанских, реакционных чувствах Александра стремится играть кахетинское дворянство, когда оно протестует против утверждения манифеста о желании грузин вступить в подданство России без царя. «Сие было бы с нашей стороны республиканством на французский лад, наши цари пред нами никакой вины не совершили и нам от них не для чего отрекаться», пугают они тенью республики русского царя (Акты, т. I, стр. 387).

Поэтому вполне понятно, что значительная часть имеретинского высшего дворянства примкнула к восстанию, особенно в его начальный период, тем более, что церковная реформа задела и их.

Если в восточной Грузии к этому времени значительная часть дворянства уже окончательно перешла на сторону русского царизма, то в отношении имеретинского дворянства этого нельзя было еще сказать. Его настроение было неясно и казалось даже враждебным к русскому царизму. «Возмущение всеобщее и на нашей стороне значительно никого нет»,—в панике писал Курнатовский в первые дни восстания (Акты, т. VI, ч. I, стр. 548).

Таким убеждением была навеяна следующая нелестная характеристика, данная Ермоловым в этот период имеретинскому дворянству: «Исключая собственно Грузию, т. е. Карталинию и Кахетию, где молодые люди княжеского и дворянского происхождения приметно ищут пользоваться способами просвещения, можно сказать, что в Имеретии, Гурии и Мингрелии... класс дворянства похож более на шайку разбойников, нежели на отличное сие сословие» (Ермолов, Записки, ч. II, стр. 119).

Всю тяжесть реформы для широких масс населения не могли скрыть сами агенты царского правительства. «Чиновники при самом начале описания первого селения, обложив крестьян

податями, вместо платимых ими таковых натурой... с изрядным в пользу церкви возвышением, не извлекая из того числа и имевших свободу от того по грамотам царей и увольнительным актам самих управителей церковным имуществом»,—сообщало имеретинское правление в своем донесении Вельяминову 18 июля 1819 года (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 589).

Многие из подлинных причин восстания излагают жители Кутаисского, Шорапанского и других округов в письме на имя правителя Имеретии Курнатовского. Из этого письма ясно видно, что население выступает совсем не против «приведения в известность церковных доходов», как об этом кричало царское правительство, а против того ярма, которое еще больше усиливалось проведением церковной реформы. Жители в этом письме убеждают правителя «кроме исчисления общества и приведения в известность епархиальных доходов не прибавлять подати»... и дальше излагают, как проводилось описание, выявляя его подлинную сущность: «Кто имел от царей бумагу, оные сделали бесполезными, написав их плательщиками, некоторых благородных письмоводители написали мужиками... кто из нас 4 или 5 турецких пар¹ должны были церкви принадлежащих по бедности нашей или чего либо другого, то вдесятеро написали на нас, как сие малое количество, так и все обязанности наши умножили и много разных невозможных дел сами объясняя умножали еще более». Жители жалуются, что Парсаданов и другие чиновники, назначенные правительством, издеваются над населением, грозят и ругают: «Такого мерзкого ругательства никто еще не произносил имеретинцам и донесено вам быть не может, как они нас ругали и гневным голосом угрожали истреблением семилетних (?) подданных» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, стр. 163).

Даже генерал Сисоев, посланный в Имеретию для подавления восстания, излагая причины восстания, должен был признать, что реформой «налагалась денежная ответственность, превышающая меру возможности платить жителем, а именно от пяти до двадцати пяти рублей серебром, по не одна сия причина была причиной возмущения, а имеретинам хотелось воспользоваться сим случаем и из среды оного избрать из себя царя, как видно из происходившего между ними выбора, павшего на кня-

¹ Пар— пара— „ფაზა“ мелкая монета приб. 0,65 коп. Русский рубль—150—170 пара.

зе Абашидзе, сына царевны Дареджан, дочери царя Соломона I, вытеснить из пределов Имеретии войска наши и остаться независимым к Российскому государю Императору. Сие зло однакоже не последнее, ибо некоторые желали случаем бунта освободиться от повинностей своих помещиков, а сии последние искали, чтобы отобрать у тех имение и так каждое сословие имело у них свои виды... большая трудность разделить из Имеретии приверженных к нам и действующих против нас, ибо редко кто бы не был причастен к мятежу, потому что ежели какойнибудь князь или дворянин сам не участвовал, так его люди находились в бунтовщиках...» (там же, д. № 4, л. 231).

Таким образом, если еще до церковной реформы причина для восстания было больше чем достаточно, то церковная реформа, являвшаяся по существу первым широко задуманным мероприятием царского правительства для усиления экономического порабощения широких масс народа в Имеретии, явилась еще одной причиной и непосредственным поводом к восстанию.

ПОДГОТОВКА И НАЧАЛО ВОССТАНИЯ

Описание церковных имений и проведение других мероприятий, известных под названием «церковной реформы», было начато в июне 1819 года. Население не сразу разобралось в характере проводимой реформы, и проявление массового недовольства в начале не имело места. В Кутаисском округе описание церковного имущества было проведено без сопротивления населения. Чиновники духовного ведомства, проводившие описание при содействии гражданских властей, ожидали такого же легкого успеха и в других округах Имеретии. Но тут их постигла полная неудача. Как только было приступлено к описанию церковных имений в Вакинском округе, эта затея сразу встретила сопротивление значительной части населения, требовавшего прекращения описания имений. Группа дворянства, собравшись на квартире окружного начальника майора Остроухова, пыталась разрешить вопрос мирно. Так как реформа затрагивала интересы дворянства, представители дворянства, среди которых мы видим князей Левана Цулукидзе, Давида Лордкипанидзе, Джабула и Кайхосро Микеладзе, дворянина Кохита Иоселиани и др., добиваются путем переговоров прекращения проведения церковной реформы. Движение еще не носило широкий характер. Народные массы в него не были вовлечены. Но эта слабая попытка группы дворянства Вакинского округа — добиться приостановки реформы — успеха не имела.

Так же безрезультатно кончилась попытка дворян Кутаисского округа повести переговоры с приехавшим в Кутаис экзархом Русановым и не допустить описания церковного имущества в помещичьих имениях. Некоторых уступок добились только имеретинские митрополиты, им было обещано сохранить за ними занимаемые должности пожизненно и не сокращать количество епархий за это время (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, дл. 589—591).

Описание церковных имений было продолжено. Недовольство населения возрастало. Особенно сильно оно разрослось после того, как было начато проведение реформы в Шорапанском округе. Население этого округа на примере ранее описанных районов увидело грабительский характер «реформы» и подняло знамя восстания, требуя отмены кабальной реформы.

К населению Шорапанского округа присоединились другие районы, и народное движение охватило всю Имеретию. Наиболее упорным характером борьбы отличался Рачинский округ. Основным и, пожалуй, единственным требованием повстанцев в начале восстания была отмена церковной реформы. На этом требовании объединились различные слои и классы населения.

В конце июня во многих местах Имеретии собираются многолюдные собрания народа. Жители Шорапанского и Кутаисского округов горячо протестуют против церковной реформы, они вырабатывают письменные требования для предъявления имеретинскому правительству. Эти требования 29 июня были переданы правителю Имеретии генер. Курнатовскому. В них намеренно выдвигаются на первый план религиозные мотивы. Реформа рассматривается как мероприятие, направленное против церкви и христианства.

В требованиях говорится, что проведение церковной реформы даже в восточной Грузии, жители которой богаче имеретин, вызвало большое недовольство населения: «Мы беднейшие из них, как можем принять бремя на себя через учреждение такое... Учреждение штатов всем известно, что относится до угнетения нас и до лишения средства к содержанию в жизни нашей».

Требования жителей Шорапанского и Кутаисского округов отражают разнородный состав участников движения. В них выражены мотивы недовольства духовенства и дворянства, стремление их, пользуясь народным движением, отстоять свои привилегии, «явно познается», читаем мы там, — «что за сим учреждением (учреждением штата, Н. М.) во многие века кровью приобретенные, от царей в награду заслуг пожалованные, купленные и наследственные крестьяне, имения движимые и недвижимые, по бедному состоянию нашему украшенные образа и кресты от Р. Х. донныне выйдут из нашего ведения: несколько церквей упраздняется и многое число престарелых и юных мужская и

женска пола останутся без прославления всевышнего создателя и молитвы... а затем последует и горше того», — многозначительно намекают авторы письма, стремясь обезопасить себя от подобных реформ царского правительства в будущем. Стремясь играть на «христианских чувствах» царского правительства, повстанцы заявляют, что если просьба их не будет уважена, «то как угодно поступите с нами: или велите бросить в воду или же истребить всех, так как за веру готовы понести всякую скорбь от сего учреждения» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 535).

В тот же день, 29 июня 1819 года, когда были посланы требования Курнатовскому, жители Кутаисского и Шорапанского округов направляют обращение к населению Рачинского округа, призывая рачинцев к совместному выступлению: «С прибытием в Имеретию высокопреосв. Феофилакта мы все от мала до велика... предались страшной скорби... Но душой нельзя пожертвовать по человеческой власти ни государю ни малым, ибо она принадлежит одному богу». Далее повстанцы просят рачинцев не давать желаемого ответа писцам, «которые отправились туда, а отпустить их такими же обманутыми, какими мы их отпустили... Если они успеют соблазнить нескольких, — что они сделали и здесь, то потом счета у них были отняты, также и вы отнимите и не допускайте до них ни священников, ни народа» (там же, стр. 391).

Рачинцы не заставили долго ждать. Они сразу же присоединились к восставшим.

В июле движение еще больше разрастается, в него вовлекаются широкие массы крестьянства, придавая борьбе упорный и массовый характер. В Шорапанском округе поднялось население волостей Лосиатхеви, Чхеры и Саамашукашвило. К ним массами присоединялись «обыватели» Кутаисского округа. В Рачинском округе «скопище всякого звания людей возросло до 2000 человек, кои шатаются с оружием и трубным звуком», — доносил окружной начальник, майор Цанка. Отряд царских войск, расположенный в Рачинском округе, вынужден был спешно оставить сел. Химши и укрылся в крепости Квара, но и здесь не мог долго держаться из-за отсутствия воды и ввиду других неудобств.

Повстанцы заняли сел. Химши, захватили продовольствие и «большую часть ротного экипажа». Весь Рачинский уезд таким образом оказался в руках повстанцев, действия представи-

телей русского царизма были совершенно парализованы. Чиновники, посланные для проведения реформы в Рачу, были выгнаны оттуда.

Такая же участь постигла реформу в Гурии и Мингрелии. «Из округа Рачинского, а равно из Мингрелии и Гурии отправленные туда по делам духовным возвратились также без всякого успеха», — доносил Курнатовский (Акты, т. VI, ч. I, стр. 536).

События принимали все более грозный характер.

Правительство было убеждено, что гурийцы и мингрельцы на стороне повстанцев. «Абхазцев остается им только пригласить». По слухам, имеретинские повстанцы приглашали к участию в восстании и жителей западной Грузии, которые «к тому склонны» (там же).

Правитель Имеретии ген. Курнатовский в донесении кавказскому начальству, сообщая о том, что повстанцы «решились испытать, не удастся ли нас отсюда выжить», писал: «Дух мятежный по всем слухам и соображениям есть всеобщий и прямо на нашей стороне никого нет... жители повидимому того и ждут, чтобы мы приступили управиться с ними силой, первый выстрел будет сигналом, и пламя мятежа обнимет весь здешний край» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 536).

Население добивается отмены «реформы» и отъезда Феофилакта Руссанова из Имеретии. В этом повстанцы проявляют исключительную настойчивость. Правда, они уверяют, что сопротивляться не собираются, а «только просят», но эта «просьба» очень похожа на требование. Но скоро восставшие доходят до открытой угрозы. На увещевания Курнатовского собрание отвечает, что «дотоле не разойдутся, пока не будут им выданы сделанные разосланными чиновниками списки и не выедет из Имеретии митрополит Феофилакт». Один из повстанцев прямо говорил Курнатовскому: «Извините нас. Пока не решится наше дело, ни для почты в Грузию, ни для купцов дороги не будет» (там же, стр. 536).

Вести об имеретинских событиях в Тифлис дошли с значительным запозданием, только к 10 июля, когда восстание было в полном разгаре.

Узнав о событиях в Имеретии, И. А. Вельяминов, заменявший в то время находившегося на Кавказской линии ген. Ермолова, направил в Имеретию ген. Сисоева и спешно начал собирать силы для усиления расположенных в Имеретии русских

войск. К границам Имеретии были подтянуты батальоны Херсонского гренадерского полка с 2 орудиями и 2 казачьих полка. Выделить в тот момент более крупные силы для посылки в Имеретию кавказское начальство не могло, т. к. обстановка в Грузии в это время была чрезвычайно сложной. Турция все еще не примирилась с мыслью об окончательной утрате Имеретии. Она не преминула бы воспользоваться осложнениями в Имеретии для того, чтобы захватить ее в свои руки. То же нужно сказать по отношению к Ирану. Иранский двор оказывал поддержку сыну Ираклия II Александру, который упорно добивался грузинской царской короны. Иранский шах рассчитывал при помощи царевича захватить Грузию. Война с горцами все больше развевалась и требовала от царского правительства больших усилий. Царские войска нередко терпят поражение от горских народов. В самой Грузии ряд крупных народных движений и особенно знаменитое Кахетинское восстание 1812 года было грозным напоминанием царскому правительству и помещикам о силе народных восстаний. Восстание из Имеретии легко могло перекинуться в другие районы, «охватить весь здешний край» и поставить под вопрос само существование царского правительства в Грузии.

Правительство, не располагая достаточным количеством войск, чтобы вооруженной рукой расправиться с движением, вынуждено было маневрировать. Вельяминов пытался уговорить имеретинский народ. В своем обращении к населению от 11-го июля он доказывал, что царское правительство, проводя реформу, «имело одни благодетельные намерения, истинно полезные для самого имеретинского народа». Однако, хорошо понимая, что одно такое объяснение далеко не успокоит народ, Вельяминов вынужден был обещать отмену описания церковного имущества и вызвать Феофилакта. «Я дал повеление правителю Имеретии прекратить описание церковного имущества и оставить управление оным на прежнем основании. Для чего же и преосвященнейший экзарх Грузии, ныне же оставляя Имеретию, возвращается к своей пастве»,—писал он (Акты, т. VI, ч. I, стр. 538).

Разъясняя причину такой уступчивости и советуя Феофилакту поскорее оставить Имеретию, Вельяминов сообщал: «Долгом поставлю сообщить, что при нынешних занятиях войск против Дагестана и других местах по границе нет никакой воз-

возможности прибавить их в Имеретию и посредством открытой силы привести в исполнение высочайший указ о преобразовании в той земле духовной части, а потому прошу вас прекратить всякие ваши по сему предмету действия до благоприятного времени, и наипаче оставив немедленно описание церковных имуществ, поспешите возвращением в Грузию, дабы через то успокоить брожение имеретинских умов» (там же, стр. 539).

Непосредственный виновник этих событий, неудачливый митрополит Феофилакт, испугавшись народного движения, поспешил покинуть Имеретию. 9 июля он выехал в Тбилиси под охраной 300 рядовых с «приличным числом» офицеров и двух пушек, как сообщал ген. Курнатовский. Описи церковных имений были возвращены народу. Последнее обстоятельство очень огорчило Ермолова, который считал, что эта уступка может ободрить повстанцев и толкнуть их на выставление новых требований. «Жалею,—писал Ермолов по этому поводу,—что высокопреосвященный митрополит Феофилакт не прежде вознамерился оставить Имеретию, а теперь, когда похоже на то, что он исполняет дерзкое народа требование, что может дать повод предположить и другие, которые исполнить неприлично будет и легко последовать может, что отказ с нашей стороны истолкуют мятежники необходимостью прибегнуть к оружию» (там же, стр. 542).

После того, как повстанцы добились отъезда из Имеретии Руссанова и отмены описания церковного имущества, волна движения спала, народные собрания стали расходиться. Но затишье оказалось недлительным. Легкая победа, одержанная в таком крупном деле, воодушевляет повстанцев на новую борьбу, на выдвижение новых требований. Ободренные первыми успехами повстанцы вовсе не думают прекратить борьбу. Учитывая, что правительство начнет расправу за проявленную непокорность, они не только принимают меры к самозащите, но готовятся к решительной борьбе. Проявляя значительную организованность, они собираются и принимают присягу оказывать друг другу помощь: «Присяга, как известно, состоит в том, чтобы по первому сигналу собраться для действия против нас и умереть вместе»,—доносил ген. Сисоев (там же, стр. 540).

И действительно, в конце июля ослабевшее движение ожило и развернулось с новой силой.

На этот раз непосредственным поводом к новому подъему восстания послужили действия ген. Сисоева, который приехал в Кутаис в середине июля и, собрав князей и митрополитов, выяснял причины восстания. «Аудиенция открыла, писал он,— что волнение нисколько не относилось к нарушению обязанности имеретинского народа, каковою оной зависит к Г. И. и правительству и вреду войскам: но оное случилось от начатого было экзархом Грузии введения нового для сего края по духовной части правила» (там же, стр. 541).

Так доносил Сисоев кавказскому начальству, но сам, видимо, не был уверен в прочности затишья и для его закрепления решил заставить народ собраться и присягнуть вторично русскому царю. Эта затея Сисоеву не удалась. Текст присяги, составленный Сисоевым, был унизителен, присяга требовала осуждения действий населения. Требование такой присяги показывало народу, что правительство не забыло своей неудачи с церковной реформой и будет мстить за проявленную непокорность. Народные собрания почти везде отказываются от такой присяги.

Собрания, которые до этого с большим трудом были распущены правительством, снова начали собираться, теперь уже по инициативе правительства и, обнаруживая явное неповиновение, оказывая сопротивление мероприятиям Сисоева, тем самым превращались в орудие борьбы против царского правительства. Многочисленное собрание у Черной речки (очевидно, Квирилы, Н. М.) отказалось от присяги и даже не выслушало чиновников, посланных Сисоевым. То же самое произошло в Раче, в Сацулукидзевской волости и в других волостях. В Кутаисском округе, по донесению майора Андреевского, присягу не приняли в сел. Персати, Багдады, Садимитро, Рокиты, Зегани, Сабумцхеви. От присяги отказались и другие селения, где на собраниях были главным образом «крестьяне, принадлежащие митрополиту Кутатели» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 546).

Количество собравшихся нередко доходило до 2000 человек, так что отряды царских войск находились в постоянной опасности быть отрезанными от Кутаиса. Распоряжения окружающих начальников не выполнялись. По свидетельству Курнатовского, влияние их «едва заметно». «Из некоторых округов начальники должны были выехать и власть правительства прекра-

тилась»,—пишет Ермолов в своих записках (Ермолов, Записки, ч. II, стр. 109).

У повстанцев все более популярным становился лозунг «Освобождение отечества». Движение становилось всенародным. Даже те группы дворянства, которые были на стороне царизма, не решались открыто выступать на стороне царских войск. «На нашей стороне значительного никого нет»,—с тревогой сообщал Курнатовский.

Только Зураб Церетели решился сообщить горийскому окружному начальнику подробно о событиях в Имеретии. Этот двуличный феодал, без участия которого не обходилось ни одно крупное событие в Имеретии, временами заигрывал с повстанцами и в то же время предупреждал царское правительство о нависшей грозе. Опасаясь дальнейшего развития событий, он, как человек, хорошо знавший Имеретию, угадывал новые черты в движении, которых не замечали чиновники и военачальники царского правительства. У него тревогу вызывало поведение крестьянства, его отход от дворянства. Зураб Церетели писал: «Имеретинский же народ весь собрался вместе и от князей, которые находятся при российском войске, крестьяне их все удалились¹ и соединились с ними» (повстанцами, Н. М.): «Говорят,—сообщал Церетели в том же письме,—что у Дадиани и Гურიели тоже отложились народы и имеют намерение готовое соединится со скопищем имеретинских бунтовщиков» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 588).

И действительно, случаи неповиновения крестьян помещикам повторялись все чаще. Крестьяне во многих местах отказывались от несения повинностей не только в пользу казны, но и в пользу помещика.

Большие отряды повстанцев подымались вверх по Риону, привлекая население к восстанию. Повстанцы заняли все дороги, ведущие к Кутаису, и не пропускали туда князей во главе с Григорием Церетели, верных русскому царизму. В затруднительном положении очутился окружной начальник майор Цацка, который хотел спастись от народного возмущения бегством.

Правительство было сильно обеспокоено размахом движения. Оно было уверено, что повстанцы собираются напасть на

¹ В Актах кавк. археогр. комиссии, т. VI, ч. I, на стр. 545 вместо слова „удалились“ написано „убедились“.

Кутаиси и захватить его. В самом Кутаиси тоже население обнаруживало симпатии к народному движению. «Между тем становятся и жители города подозрительными»,—сообщал Курнатовский в своем донесении по начальству. Опасаясь нападения, царские войска готовились к обороне. Они заняли и укрепили подступы к Кутаиси, лес вокруг укреплений был вырублен. У жителей разместили солдат: «В Кутаисе были уже предприняты все меры осторожности: солдаты находились в совершенной готовности и сборе: старые батареи, хотя по положению Кутаиса и не у места, но исправлены, орудия на оных поставлены, лес около батарей со всех сторон начал рубиться и полк казачий поставлен городским жителям на квартиры»,—доносил Курнатовский о проведенных им мероприятиях (Акты, т. VI, ч. I, стр. 557).

Ввиду создавшегося положения кавказское начальство спешно направляет в Имеретию новые войска. В начале августа в Имеретию направляется ген. Дренякин с баталионом Херсон. гренад. полка 2 орудиями и казачьим полком.

Повстанцы принимают свои меры. Они вновь собираются и формируют отряды. Навстречу царским войскам, следовавшим из Тбилиси в Имеретию, направляются вооруженные отряды повстанцев. Они заняли дорогу, ведущую через Сурамский перевал в Имеретию. Значительная часть повстанцев была сосредоточена в ущельи между Молиты и Сакаракеды. Против этих отрядов Курнатовский со своей стороны снарядил сильную экспедицию из Астахова 4-го полка, 3-х рот 15-го егерского полка и 1 роты Белевского полка с двумя орудиями. Но повстанцы, заранее предупрежденные Кутаисскими жителями, среди которых они имели не мало сторонников, неравного боя не приняли и поспешили укрыться.

Однако, отряды повстанцев все время беспокоили царские войска. Во многих местах они совершенно парализовали действия царского правительства. В Рачинском округе повстанцы фактически захватили власть в свои руки. Войска, расположенные в этом округе, были отрезаны от других районов, и окружной начальник майор Цацка, получив распоряжение покинуть Рачу, не мог выполнить этого распоряжения, так как отряды повстанцев, заняв дороги, не пропускали его в Кутаиси. Действия повстанцев были настолько обширны, что серьезно обеспокоили имеретинское начальство. Стали поступать сведения, что повстанцы готовят единовременное выступление для уничтожения

царских войск и захвата власти. Курнатовский в своем донесении Ермолову в начале августа уверял, что повстанцы имели намерение «напасть на все пункты в одно время 2-го сего месяца и всех русских истребить» (там же, стр. 557).

Кавказское начальство, все еще не надеясь подавить народное движение вооруженной рукой, решает еще раз обратиться к населению Имеретии с воззванием: «Еще никогда в жизни не вооружал я руки моей против единоверцев,—лицемерно уверял Ермолов в своем воззвании от 11-го августа,—ни наказывать ни же страшать вас не хочу, исполните желание мое и возвратитесь к спокойствию» (там же, стр. 560).

В то же время правительство всячески избегает обострения отношений с повстанцами. «Дайте по всем войскам предписание, чтобы не было ими подаваемо ни малейших причин к неудовольствию»,—предписал Вельяминов Курнатовскому (Акты, т. VI, ч. I, стр. 553).

Такой же приказ получил ген. Дренякин, отправленный из Тбилиси в Имеретию. «Во время марша подтвердите,—писал ему Вельяминов,—под строгой ответственностью не делать имеретинцам ни малейших обид или насилий, так как и не начинать отнюдь неприязненных действий, а только в случае нападения со стороны их самих ответствовать также оружием» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 112).

Отношение правительства к восставшим казалось настолько лояльным, что вызывало жалобу со стороны князей и дворян, сторонников русского царизма. Известный нам князь Зураб Церетели, один из старых и наиболее надежных агентов русского царизма, писал Вельяминову и Горийскому окружному начальнику Титову, что ранее ему удавалось удерживать своих крестьян от участия в бунте, «но теперь и их дурачат, дабы последовать их мнению, уговаривая, что оно конечно не противно русскому начальству, так как не было взыскано с зачинщиков» (там же, л. 392). В том же письме Церетели просил Вельяминова прислать войска для усмирения крестьян¹.

¹ Э. Церетели не первый раз обращался к русскому правительству с просьбой о помощи. В 1814 году, когда взбунтовались крепостные, живущие в Рачинском округе, Церетели просил правителя Имеретии прислать войска для наказания непокорных. Командующий войсками полк.

Та часть имеретинских князей и дворян, которая с самого начала была на стороне русского царизма, всемерно подзадарила власти принять против восставших крутые меры.

«Князь Церетели и другие князья и дворяне предлагали мне, доносил рачинский окружной начальник Цацка, — открыть огонь и тем удержать их (восставших, Н. М.) стремление» (там же, л. 153).

Однако, «лояльность» к восставшим со стороны царских властей, привыкших топить в крови всякое проявление народного недовольства, объясняется вовсе не миролюбием правительства, а особыми условиями, которые создались в это время в Грузии. Подлинную причину такого действия правительства откровенно выразил Вельяминов в письме к недоумевавшему генералу Сисоеву. «Для единственного сведения в. п-ва и с тем, чтобы содержание сего предписания сохранено (было) в глубочайшей тайне, я вынуждаюсь открыть вам причины, по каким признано было полезным отклонять до благоприятнейшего времени наказания мятежников и отвращать кровопролитие. 1. Что нужно выиграть время, пока пехотные полки, следующие в Грузию, из коих два егерских уже находятся на Кавказской линии, придут в Грузию... сверх того без ослабления самой Грузии будет возможность, каковой теперь вовсе нет, прибавить туда в случае надобности и особый отряд... 2. Что с наступлением глубокой осени имеретинцы лишатся возможности укрывать семейства свои в лесах, а также и дороги, повсюду теперь удобные к побегу в Ахалцих, тогда закроются». Кроме того, учитывая массовое участие населения в восстании, Вельяминов остерегается поголовного истребления народа, этого основного объекта эксплуатации. «Какую же может иметь пользу правительство, владея землей без народа?» — заключает Вельяминов (ЦАГ, ф. о. в. д., л. № 4, л. 456).

Мерлини в письме к З. Церетели по этому вопросу сообщал: „Вследствие повеления правителя Имеретии господина ген. майора и кавалера Симоневича, последовавшего по поводу полученного им от вашего сиятельства просительного письма относительно неповиновения осетинцев крестьян ваших жительствоющих в Рачинском округе предписал я вместе с ним исполняющему должность окружного начальника господину штабс-капитану Линевскому привести в должное вашему сиятельству повиновение. Роту же послать для наказания их силой оружия его превосходительство нужным не находит“ (Музей Грузии, отд. рукописей, ф. Sd № 2353).

Правительство подтягивает войска, накапливает силы для расправы с участниками движения, но и массы не сидят сложа руки. Они деятельно готовятся к борьбе, закупают и чинят оружие, рассылают по деревням письма и людей, чтобы в нужный момент поднять на восстание народ. Во всей работе чувствуется значительная организованность. «После летнего волнения,—доносил Курнатовский Вельяминову в январе 1820 года,—имеретинцы тщательно занимаются исправлением каждый своего оружия и снабжением себя оным... Цены на огнестрельные оружия возвысились вдвое и более противу цен прежних. Все состояние народа в полной готовности к поднятию противу нас оружия по первому сигналу; они даже ждут с нетерпением, чтобы мы начали кого-нибудь из них наказывать за ослушание, дабы восстать в то время единодушно».

Восстание принимает ярко выраженный антикрепостнический характер. Крестьяне отказываются подчиняться помещикам, платить налоги казне. Наряду с убеждением, рассылкой писем, агитаторов, восставшие применяют для вовлечения в движение противников и методы принуждения. «Пред наступлением осени,—читаем мы в вышеприведенном документе,—казенные крестьяне области Саджавахской... оставя свои жилища, ушли в горы и требовали смены своего моурава и хелосанов, не могли представить никаких основательных на них претензий. К ним присоединились было некоторые и из помещичьих крестьян и обязались присягой не слушаться своих господ» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 569).

В Рачинском округе крестьяне отказались поставлять сено на войско. «Составилась толпа до 500 человек вооруженных, шатавшихся с трубным звуком по селениям, приводя друг друга к присяге, чтобы восстать единодушно, если приступлено будет к их наказанию. Причем толпа сия... пришел в дом селения Самико казенного дворянина Бежана Яшвили, отрекающегося по требованию их вместе с ними присягать и из опасения оставившего дом свой, не малую часть строения в оном разрушила, расхитила 40 ведер вина и прочее имущество, какое не успел он забрать с собой, причинив ему убытку на 150 рублей ассигнациями. Усердный сей дворянин просит моей защиты, а если приступить теперь ко взысканию с виновных и доставлению от них следуемого ему удовлетворения, то неминуемо последует всеобщее возмущение» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 568—569).

О таком же событии сообщал начальник Рачинского округа Цацка: «Казенные горские крестьяне, жители селения Глолы, Чиоры и Геби, не приняли предлагаемой мятежниками в соучастии с ними присяги, за что ныне не позволяют им горцам необходимых по домашеству нужных покупок ходить на базар, собирающийся в местечке Они, а тех дворян, кои живут в соседстве с мятежниками и не приняли их участия, не только не пускают на упомянутый базар, но даже не позволяют вместе с ними входить в храм божий для принесения молитвы». Никакие угрозы и уговоры царских чиновников не помогали. «...От всех получены одинаковые отзывы, что жители не слушаются и не хотят слушаться», — доносил Цацка в том же письме (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, лл. 6—7).

Такие факты, когда восставшие применяли меры принуждения против тех, кто выступал штрейкбехером, ломал фронт восстания, были отмечены и в других местах. Генер. Сисоев в одном из своих донесений сообщал, что восставшие пришли к жителям Джоисубани и Севи, принадлежащим майору Георгию и Давиду Эристави, требовали присоединения и присяги и, получив отказ, разграбили дом и церковь Георгия Эристави (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 194).

Особенно непримиримыми в борьбе с противниками восстания были повстанцы-крестьяне. Начальник карательной экспедиции ген. Сисоев сообщал, что в Рачинском округе крестьянин Бучуника Кобахидзе, житель сел. Глухи, монастырские крестьяне: Микела Кутателадзе, Симоника Титберидзе, Давид Николайшвили, крестьянин дворянина Давида Амаглобели Ивана Надирадзе, крестьяне дворянина Кайхосро Церетели Сачино Гоциридзе и Бучука Исакадзе, житель сел. Баджи Вахтангела Сванидзе и сел. Шаври Микела Размадзе «с великим жаром принуждали народ к принятию присяги в их единодушии, кто же противился, подвергали его злой участи, как, напр., поступили с Ростомом Эристави» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, лл. 237—239).

В Кутаисском округе жители сел. Сазано отказались от взноса в казну подати, «оставили свои жилища, удалились в горы и угрожали стрелять по всякому, кто бы вздумал их там беспокоить» (там же, д. № 4, л. 349).

Эти факты говорят о том, что повстанцы далеко не удовлетворяются требованием отмены церковной реформы, но идут

дальше. Они требуют смены неугодных им чиновников, отказываются платить налоги в казну, поставлять сено и другие продукты. Крестьяне отказываются от выполнения повинностей помещикам, разрушают их усадьбы.

Восставшие проявляют значительную организованность. Они устраивают собрания, принимают и письменно излагают решения, приводят друг друга к присяге не изменять общему делу. Повстанцы долго и упорно готовятся к борьбе, чинят и закупают оружие, ведут переписку с районами, которые еще не вовлечены в движение, призывая к совместному выступлению. Они захватывают и охраняют пути сообщения, ставят своих людей в горных проходах, на речных переправах и т. д. К сторонникам русского царизма применяют различные методы принуждения, не пускают их на рынок, даже в церковь.

Но движение, как указывалось и выше, далеко неоднородно. Участвовавшие в нем различные социальные группы ставят свои особые цели, стремятся использовать движение в своих интересах.

Восстание возникло как проявление стихийного протеста против колониального режима русского царизма. В своем развитии оно переросло в борьбу против крепостничества. Дворянство же старалось придать движению иной характер. Под лозунгом «освобождение отечества» дворянство и высшее духовенство стремится сохранить феодальные привилегии, противопоставить централистической системе русского правления систему феодальной разобщенности, давно изжитую Россией.

Были случаи, когда князья и дворяне, пользуясь тем, что действия властей были парализованы, воскрешая практику недавнего прошлого, организовывали разбойничьи набеги, захватывая крестьян и поместья соседей. В Рачинском округе «князья Яшвили пришли и насильно завладели семью дворами крестьян, принадлежащих князю Капо Кипиани. Все убеждения окружного начальника, на предмет возвращения тех крестьян, остались без успеха и они, являсь к нему наконец с 40 человеками вооруженных своих подвластных, объявили, что пока будут они князьями и имеют в руках оружие, на возвращение тех крестьян не согласны», — жаловался Курнатовский Вельяминову в январе 1820 г. (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 347).

Рассчитывая использовать восстание в своих целях и добиться сохранения своих старых привилегий, группа феодалов стремится провозгласить царя.

Крестьянские массы мало думали о создании нового политического порядка. Выступая против помещиков, поскольку восстание носило антикрепостнический характер, крестьянство противопоставляет помещикам «хорошего царя». К ним вполне применимы слова товарища Сталина, характеризующие движение Разина и Пугачева. «...Говоря о Разине и Пугачеве,—говорит товарищ Сталин,—никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя» (Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 527).

Дворянство же преследует цель консервировать феодально-крепостнические порядки, сохранить феодальную раздробленность страны. Оно руководствуется не целями освобождения народа от колониального гнета, а стремлением сохранить «самобытность» в феодальных отношениях. Для осуществления этой задачи и нужен был дворянству свой имеретинский царь. Однако, договоренности между феодалами, кого же выдвинуть царем, не было. Сказывались фамильные распри:

По некоторым сведениям, еще летом 1819 года, князь Зураб Церетели «предлагал в цари сына своего Григория». Выдвигалась также кандидатура князя Ивана Абашидзе. Но большинство стояло за царя из «рода Багратионов» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 569). Таким был царевич Александр, самый настойчивый претендент на Грузинский престол. К нему была послана делегация, но он на поездку в Имеретию не решился, требуя присяги всех князей, видимо, учитывая, что дворянство расколото и значительная часть его все больше смыкается с русским правительством. Поведение Александра, который всегда стремился использовать любое средство для достижения царской короны, было настолько необычайным, что вызвало большое удивление Ермолова. Однако, когда восстание разрослось и приняло вооруженный характер, Александр изменил свое намерение и пытался завязать сношения с имеретинскими и гурийскими князьями. «Слух носится»,—писал Вельяминов Ладинскому в начале 1820 года,—«будто царевич Александр если не отправился, то скоро отправится в Имеретию, Гурию и Мингрелию» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 590)¹.

¹ В начале лета 1820 г. М. Гуриели получил от царевича Александра письмо с просьбой оказать ему поддержку. Это письмо Мамия поспешно переслал Ермолову в доказательство своей преданности (там же, стр. 675).

Но эти попытки Александра успеха не имели, так как дворянство от восстания отошло. Под ударами царских войск и по причине внутренних раздоров волна восстания начала спадать.

Когда выяснилось, что Александр не решился прибыть в Имеретию, группа феодалов поспешила провозгласить царем Ивана Абашидзе.

Иван Абашидзе, внук имеретинского царя Соломона I, сын царевны Дареджан, являлся типичным представителем той части высшего дворянства, которое обнаруживало наибольшее колебание и непоследовательность по отношению к установлению в Имеретии русского царского управления. Поскольку русский царизм оберегал помещичий строй, стремился сохранить и укрепить крепостничество в Имеретии и, кроме того, не скупился на раздачу чинов и должностей, дворянство тяготело к нему. Но поскольку утверждение в стране порядков русского централизованного государства лишало феодалов политических прав, отстраняло их от управления страной и превращало в простых помещиков, оно вызывало недовольство среди феодалов, которые по традиции еще часто озирались в сторону султанской Турции.

Мы имеем все основания утверждать, что Иван Абашидзе не был последовательным борцом против русского царизма, наоборот, даже, играя роль активного участника движения, был связан с русским правительством и не стеснялся предавать активных участников восстание.

Свои связи с представителями царского правительства Абашидзе использовывал и для расправы со своими личными врагами.

До восстания Абашидзе был отмечен царским правительством как один из наиболее преданных имеретинских князей. По отзывам крупнейших чиновников царского правительства, он оказал русскому царизму большие услуги, о которых он часто напоминал, но никакой награды не получил. Приехавшему к нему по поручению кавказского начальства капитану Чилиеву Абашидзе жаловался, что «никто не обращает внимания на его преданность, тогда как другие менее его отличные награждались щедро» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 301).

Такое отношение со стороны царского правительства к Абашидзе имело свои причины. Иван Абашидзе, как внук имеретинского царя Соломона I, русским правительством и до

восстания рассматривался, как возможный претендент на имеретинский престол. Поэтому Кавказское начальство к нему относилось с недоверием и искало подходящего случая, чтобы выслать его в Россию, подобно другим членам грузинского царского дома.

Угадывая о таком намерении царского правительства, которое этого особенно и не скрывало, Абашидзе примыкает к движению в первый его период определенно с той целью, чтобы подрывать движение изнутри и, оказывая содействие царскому правительству, заслужить его доверие и получить награду, о чем он непрестанно мечтал.

Поэтому, уже будучи в рядах повстанцев, Абашидзе был связан с царским правительством, вел с его чиновниками переписку. Неоднократно даже по своей инициативе он устраивал тайные встречи с представителями русского правительства, в частности с горийским окружным начальником Титовым, буквально навязывая свои услуги. В ноябре 1819 года Абашидзе писал Титову: «Я отправил вам письмо, но вы отвечать не изволили... после того еще поручил я сказать Артему, как вы прикажете, так я и исполню». В заключение он сообщает, что приедет в Вахани или какую нибудь другую из секретных деревень (очевидно, были еще другие деревни для тайных встреч, — Н. М.) и прочее все лично донесу вам». Чрезвычайно характерна и подпись, которая гласит: «Ваш искренний, усердный, покорный Иван Абашидзе» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 333).

Так лебезил Абашидзе даже перед мелким чиновником русского царя, предавая восстание.

С какой целью устраивались эти встречи и какие разговоры на них велись, мы узнаем из другого документа, представляющего донесения майора Титова генералу Вельяминову. В этом донесении сказано, что Иван Абашидзе приехал к нему в Вахани и под клятвой сообщил, «что неблагонамеренные люди, ведущие вредный заговор и переписку с турками и возмущающие народ» это Давид и Кайхосро Гуриели, вдова Вахтанга Гуриели Мария, ген. м-р Леван Дадзиани, Бежан Дадзиани, а вреднее всех Георгий Дадзиани, Николай Пинези—Абашидзе, дворяне Григорий Чхеидзе, моурав Кутатели—Кайхосро Абуладзе (Акты, т. VI, ч. I, стр. 581).

Поскольку этот документ относится к февралю 1820 года, когда в Гурии и Мингрелии еще не было восстания, то со-

вершенно бесспорно, что Иван Абашидзе знал о подготовлявшихся событиях в этих районах и наряду с участниками Имеретинского восстания выдал участников будущего восстания в Гурии и Мингрелии.

Правда, в числе указанных лиц имеются и такие, как, например, Леван Дадиани, которые в восстании никакого участия не принимали. Указывая на них, Абашидзе рассчитывал преувеличить предстоящую опасность и тем придать большие цены в глазах царского правительства своему предательскому действию. Возможно, он действовал из каких-нибудь других побуждений, также как впоследствии, когда доносил на Григория и Зураба Церетели, хотя не мог не знать, что они являются преданными слугами царского правительства. Но кавказское начальство, охотно принимая такие услуги Абашидзе и уверяя в полной к нему благосклонности, мало ему доверяло. Поведение его в Имеретии казалось подозрительным. Царское правительство, ожидая нового обострения борьбы и вооруженного восстания, предполагало, что оно будет по своему характеру таким, как восстание 1810 года при Соломоне II. В таком случае пребывание Ивана Абашидзе в Имеретии могло быть опасным для русского царизма. Поэтому Вельяминов в феврале 1820 г. распорядился арестовать Ивана Абашидзе и насильно удалить его в Россию. Арест не удался и Абашидзе укрылся в Гурии. Но и после этого его не оставляла мысль о соглашении с правительством, которому он неоднократно предлагал свои услуги, стремясь доказать свою верность. «Я наказан уже более нежели заслуживал, но не раздражаюсь сим, пребуду всегда усердным к г. и., против коего никогда не нарушал я данную мною в верности присягу»,—говорил он Чилиеву (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 301). Получив письмо из Турции от Хертвисского бека Баш-ага, он послал его Вельяминову. «Верьте богу единому,—писал скомпрометированный в глазах русского правительства Абашидзе,—что в сердце моем другого ничего нет как только чтобы за войско наше пролить кровь» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 564).

Но русское правительство упорно добивалось его отъезда в Россию и обещало ему крупные поместья, если он на отъезд согласится добровольно. «Однако не хочу обманывать, чтобы вам позволено было жить в Имеретии: здесь никогда не можете быть счастливыми, будучи всегда подозреваемы»,—увещевал его Пузыревский (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 303). Не такой «на-

грады» ожидал Абашидзе от царского правительства за свои услуги, поэтому от выполнения требования Пузыревского—покинуть Гурию—уклонился. Он решил выждать, не наступят ли лучшие времена. «Ежели начальству не угодно пощадить невинность мою, то лучше умру я на свободе правым, нежели согласусь страдать век под напрасным именем преступника»,—говорил он, объясняя свой отказ на предложения Пузыревского вернуться из Гурии (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 305).

Только весной 1820 года, когда вслед за Гурией восстание с новой силой вспыхнуло в Имеретии, Абашидзе возвращается в Имеретию, на этот раз, видимо, действительно рассчитывая добиться короны или заключить выгодную сделку с царским правительством. Хорошо информированный о настроениях Ивана Абашидзе, Ермолов в июне 1820 г. писал Вельяминову: «Он может снискать помилование правительства заслугами, но конечно не правительству приличествовать может входить с изменником в условие» (Акты, т. VI, стр. 595).

Это означало, что правительство требовало подчинения без всяких условий. На это Абашидзе не согласился и после поражения восстания предпочел бежать в Турцию, с чиновниками которой он и до этого вел переписку.

Находясь в Турции, Иван Абашидзе делал попытки вернуться в Имеретию и примириться с русским правительством. На этой почве он был убит в Турции своими сторонниками, которым сообщил о своем намерении¹.

В начале 1820 года правительство сосредоточило в Имеретии значительное количество войск. Оно готовило жестокую расправу с населением и, учитывая трудность борьбы, стремилось заручиться поддержкой дворянства Гурии и Мингрелии, в особенности владетельных князей Мамия Гуриели и Левана Дадиани. Для достижения этой цели правительство шло на значительные уступки по отношению к дворянству этих княжеств.

Еще летом 1819 г., когда выяснилось, что «реформа» предполагала проведение описания церковного имущества и в помещичьих имениях и это вызвало недовольство среди дворянства, опасавшегося в результате «реформы» потерять свои доходы, то вла-

¹ Когда именно был убит И. Абашидзе, установить не удалось. Но, как видно из переписки министерства внутренних дел, в начале 1826 года его уже не было в живых (Акты, т. VI, ч. I, стр. 617).

детель Мингрелии Леван Дадияни, выражая эти настроения, жаловался Ермолову: «Если церковные во владении моем имения не останутся в руках моих по прежнему состоянию, то совершенно должна упасть власть моя, даже житье и пропитание» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 416).

Дадияни жаловался и на Феофилакту, который ему угрожал: «Если де заповеди моей не исполнишь, то будешь де причиною падения твоего княжества» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 563).

Правительство, опасаясь перехода владельца Мингрелии на сторону повстанцев, поспешило заявить, что описание церковных имений в дворянских поместьях было начато ошибочно и что реформа не предполагает ущемления интересов высшего дворянства.

В своем письме Ермолов обещал Левану Дадияни не трогать его имения и полностью сохранить привилегии, данные ему царским правительством. В письме, посланном по этому поводу Феофилакту, Ермолов сообщал: «Для успокоения владельца Мингрельского я ныне же писал к нему (Л. Дадияни, Н. М.), что правительство не намерено ни под каким видом стеснять его в правах и преимуществах, предоставленных ему трактатом высочайше утвержденным» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 391).

Полковник Пузыревский, командующий войсками в Мингрелии, не поладил с Л. Дадияни. Он проводил самовольно покосы в его владениях, вырубал леса, ставил войска у населения, за что еще летом 1819 г. получил от Вельяминова строгое указание без особой нужды не трогать владений Дадияни. Хотя Вельяминов не вполне доверял владельцу Мингрелии, но всемерно скрывал свое недоверие и предлагал Пузыревскому ничего не предпринимать против Дадияни.

В письме к Дадияни Вельяминов благодарил его за «отличное усердие» к «пользам службы е. и. в.» и сообщал, что Пузыревскому он «не оставил сделать выговор за неприличные его поступки с вашей светлости» (ЦАГ, ф. о. в. д., л. № 4, л. 180).

Так лестью и обещаниями стремился Вельяминов удержать на стороне царизма владельцев Мингрелии и Гурии. Хотя ни Дадияни, ни Гуриели не обнаруживали никаких стремлений поддержать восстание, но царское правительство было сильно обеспокоено их возможным переходом на сторону повстанцев и стремились заручиться их полной поддержкой.

В феврале 1820 года, после того как в Имеретии было собрано значительное количество войск, правитель Имеретии,

старый и слабый ген. Курнатовский был заменен полк. Пузыревским. Правительство считало себя достаточно подготовленным для того, чтобы приступить к осуществлению давно задуманного плана расправы с повстанцами. Приступая к осуществлению этого плана, правительство решило арестовать лиц, которых оно считало руководителями восстания или по каким-нибудь другим соображениям хотело удалить из Имеретии. Такими были признаны митрополит Кутатели Досифей, Генатели Евфимий, архимандрит Табакинского монастыря Григорий, царевна Дареджан, князь Иван Абашидзе, Сехния Чулукидзе, Давид Микеладзе и некоторые другие. Большую роль в выборе лиц, подлежащих аресту, играл Феофилакт Русанов, который хотел освободиться от непослушных митрополитов. Когда Ермолов предложил вместе с Кутатели выслать в Россию и Генатели, который по свидетельству Ермолова и самому Феофилакту не оказывал «должного уважения», то «оскорбленное самолюбие горделивого монаха,—говорит Ермолов,—одобрило мое намерение» (Ермолов, Записки, ч. II, стр. 86).

Правительство опасалось, что арест этих лиц вызовет большое недовольство среди народа, и будут сделаны попытки к их освобождению. Поэтому арест долго и тщательно подготавливали. «Говорят,—писал Вельяминов Пузыревскому,—всех труднее схватить Кутателя и князя Ивана Абашидзе: сообразите, чтобы эти молодцы не ускользнули; если нельзя живых схватить, то истребить, но тогда тело Кутателя отнюдь не оставлять, а вывезти из Имеретии и даже из Грузии, ибо убийство митрополита может произвести в народе вредное для правительства влияние» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 576).

4 марта большинство из намеченных лиц, в том числе оба митрополита были арестованы. «При арестовании их было поступлено не деликатно, ибо против сопротивления одного из них были употреблены приклады и штыки, так что архиастырь избитый и окровавленный был связан и так посажен на лошадь свою»,—пишет в своих воспоминаниях офицер Дубецкий, участник этих событий (журн. «Русская старина» за апрель 1895 г., стр. 121).

Все арестованные под сильным конвоем были высланы в Россию¹.

¹ Царевна Дареджан была выслана в Пензу. Впоследствии ей было разрешено вернуться в Грузию, но еще до отъезда она умерла. Митрополит Генатели и архимандрит Григорий были представлены царю, а по-

Ермолов считал нужным обратиться к населению Имеретии с воззванием, в котором он оправдывал церковную реформу, стремясь играть на религиозных чувствах населения: «Кто добрый христианин,—писал он в этом воззвании,—может без прискорбия видеть храмы божьи без должного великолепия, кто может смотреть без сожаления на белое и даже нищенское состояние большей части священно-и церковнослужителей, тогда как выгодами их пользуется малое число не по справедливости, но единственно по родству или связями с знатнейшими из духовенства...

«Своекорыстные главных особ духовенства собирает доходы без ограничения, расходует их по произволу, и уклоняясь от ответственности, приносимую благочестивым христианином богу жертву похищает нередко в свою пользу» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 577).

Любопытно, что Ермолов в своем воззвании вынужден прибегнуть к обличительной сентенции против высшего духовенства. Такое обличение, правильно отмечавшее грабеж населения и бесконтрольное расходование митрополитами доходов церкви наперекор желанию Ермолова, не могло способствовать укреплению авторитета церковников.

Но, против ожидания правительства, население встретило арест митрополита и князей совершенно безучастно. «В городе так спокойно, как бы ничего не случилось»,—писал Пузыревский не без некоторого удивления Вельяминову. Было ясно, что не ради защиты духовных и светских феодалов и их привилегий подняли широкие массы народа знамя восстания. Не феодалы являлись подлинными руководителями народного движения.

Само правительство не считало главарями восстания ни митрополитов, ни большинство князей, которые были арестованы и высланы в Россию. Оно лишь старалось добиться активного содействия митрополитов в проведении «реформы». Митрополиты со своей стороны обращались с увещанием к насе-

том посланы в Новгород. Кутатели умер в дороге около Гори от „простудной горячки“, как сообщалось. С. Цулукидзе и Д. Микеладзе были сосланы в Симбирск. Первый из них впоследствии получил разрешение вернуться в Имеретию. О судьбе Д. Микеладзе сведений нет. Большинство других сосланных вернулись в Имеретию на основании манифеста Николая I, изданного в 1830 году.

нию: «Получите вы генеральскую бумагу и не надобно ни о чем задумываться, а сколько вам угодно будет, столько человек и выберете и приезжайте на Красную речку. Генерал, который недавно прибыл сюда, ваше возмущение прощает именем государя... Сей генерал желает от вас только, чтобы дать здешней земле мир и спокойствие»,—писали митрополиты к имеретинским князьям (там же, стр. 544).

Но в общем митрополиты оказались недостаточно послушными, плохо помогали правительству и, как утверждал Курнатовский, даже благословляли народ на «подвиг освобождения отечества».

Особое неудовольствие правительства вызывало поведение Кутатели. Ген. Курнатовский в одном из своих донесений с тревогой сообщал Вельяминову: «После летнего волнения имеретинцы тщательно занимаются каждый исправлением своего оружия. Митрополит Кутатели,—уверял он—истощил по случаю сему весь свой арсенал, наделяя саблями, ружьями и пистолетами неимущих» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 569).

«Я о пастве моей ничего не знаю кроме духовных дел»,—говорил Кутатели Сисоеву, стремясь тем самым снять с себя всякую ответственность за действия повстанцев (там же, стр. 576).

Ермолов, мотивируя арест их, в своем воззвании от 16 февраля 1820 г., писал: «Первенствующие митрополиты не старались вразумить народ и равнодушно смотрели на то, что обнаружившиеся со стороны его беспокойства могли быть приняты начальством за буйственное сопротивление власти. В сем случае кроткое и поучительное наставление пастырей полезно было бы народу, но они помышляли о собственных выгодах» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 577)—и заключает, что решил удалить «в Россию первосвященных митрополитов кутаисского и генагского вместе с их сообщниками» (Цитир. по книге Потто, Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. II, стр. 511—512).

Таким образом, правительство отнюдь не считало митрополитов организаторами восстания. Оно находило их усердие во время проведения «реформы» недостаточным и хотело просто освободиться от не всегда достаточно послушных главарей церкви, имевших обширные связи и большое влияние среди высшего дворянства в Имеретии.

То же нужно сказать и в отношении значительной части высшего дворянства, подвергнутого аресту во время восстания. «Двое князей,—писал Ермолов графу Кочубею относительно кн. Д. Микеладзе и С. Цулукидзе¹, содержащиеся в Симбирске, удалены по обширному родству их и связям, которые могли быть вредны во время мятежа и по известным их свойствам, но я буду иметь честь уведомить ваше сиятельство, когда их возвратить возможно (ЦАГ, д. № 5, л. 624).

Ясно, что группа князей была арестована и удалена просто из предосторожности. Немалое значение в выборе лиц, подлежащих аресту, играли и материальные соображения. Царское правительство провело конфискацию имений арестованных феодалов, большая часть которых поступала в казну, а другая отдавалась наиболее усердной части дворянства. Всего во время восстания было конфисковано 45 имений. Хотя большинство из них скоро было возвращено владельцам, но значительная часть из них осталась за казной.

В апреле 1820 года восстание вступило в новую фазу. С этого момента борьба принимает вооруженный характер. Не только в Имеретии, но и в других районах западной Грузии между повстанцами и царскими войсками происходят настоящие сражения.

Действия царского правительства не остались скрытыми от населения. Сосредоточение в Имеретии большого количества войск, арест ряда лиц, причастных к восстанию, ясно говорили о том, что царское правительство готовится к кровавой расправе с непокорным народом.

Поэтому во всех районах Имеретии, особенно в Рачинском округе, шла усиленная подготовка к отпору царскому правительству. К имеретинским событиям чутко прислушивалось население соседних районов. Крупные события назревали в Гурии.

¹ Сехния Цулукидзе—один из наиболее влиятельных феодалов Имеретии конца XVIII и начала XIX столетия. Принимал участие в ополчении, посланном из Имеретий в помощь Ираклию II во время нашествия на Грузию иранского шаха Агамагмет хана. Оказал содействие русскому правительству во время борьбы его с Соломоном II и получил чин полковника. Во время восстания в Имеретии 1819—20 гг. «испытал превратность судьбы», был арестован и сослан в Россию. Однако, из ссылки был скоро возвращен, снова заслужил доверие правительства и в русско-турецкой войне в 1829 году принимал активное участие в качестве начальника имеретинской милиции, а впоследствии подавлял Гурийское восстание 1841 года. Умер в 1846 году.

ОТГОЛОСКИ ИМЕРЕТИНСКОГО ВОССТАНИЯ В ГУРИИ И МИНГРЕЛИИ

В начале XIX столетия Гурия представляла небольшое феодальное княжество. Она граничила с юга с турецкими владениями, с востока с Имеретией, с севера к ней примыкали части Имеретии и Мингрелии, а ее западную границу составляли берега Черного моря. Территория Гурии занимала 2000—2500 кв. километров, а население ее в 20-х годах XIX столетия не превышало 25—30 тысяч человек. Хотя Гурия и считалась частью Имеретии, но ее зависимость от Имеретии была чисто номинальной.

Русское правительство еще до присоединения Имеретии имело связь с Гурией и нередко поддерживало ее владетелей в борьбе против Имеретии, стремясь ослабить последнюю. В 1804 году, когда Имеретия была принята в «подданство» России, кавказское начальство сразу признало Гурию частью Имеретии, и она тоже превратилась в область, вступившую в подданство России, о чем немедленно было сообщено владетелю Гурии. В первые годы после присоединения русский царизм мало обращал внимания на политические порядки и хозяйственную жизнь страны, рассматривая Гурию, как часть плацдарма в борьбе с Турцией. Царское правительство заботилось только о получении продуктов с населения для содержания многочисленных войск и с большой настороженностью следило за взаимоотношениями гурийских дворян и князей с Турцией.

В вопросах внутреннего управления Гурия пользовалась автономией. Ею в это время управлял Мамия Гуриели, получивший от царского правительства титул генерал-майора. До присоединения к России в Гурии чрезвычайно сильны были феодальные распри, которые в одно время поощрялись и русским правительством. В борьбе друг с другом князья нередко прибегали к содействию турецких войск, с их помощью опустошая

селения, разоряя население. Эти распри не были изжиты даже и в первые годы подданства России. Часто не только крупные феодалы, но и мелкие дворяне-владельцы небольших крепостей не подчинялись владетелю¹.

Сам Мамия Гуриели² нередко жаловался кавказскому начальству на «неповиновение ему родственников, имеющих свои уделы и некоторых из сильнейших, которые помимо его входят в сношения с турками, не выдают зашедших к ним во время чумы и голода имеретинцев.. покушаются иногда тайно и на самое пленопродавство» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 666).

В это время из массы гурийского дворянства выделялся Кайхосро Гуриели, человек широко образованный для своего времени, который по имеющимся сведениям «читал в подлиннике латинских и греческих авторов» (Потто, Утверждение рус. владычества на Кавказе, т. III, ч. II, стр. 514). Кайхосро пользовался большим влиянием среди гурийского дворянства. В течение нескольких лет он, являясь опекуном малолетнего Мамия, управлял Гурией и вел энергичную борьбу против непокорных мелких феодалов, добиваясь их подчинения и укрепления власти владетельного князя. Уступив управление Гурией законному правителю Мамия, Кайхосро сохранил большое влияние в стране.

Между Кайхосро и Мамия были враждебные отношения. Слабовольный и непопулярный Мамия боялся своего более умного и авторитетного дяди. Видя в нем опасного соперника, он искал случая скомпрометировать Кайхосро в глазах русского правительства, изгнать его из Гурии и захватить принадлежавшие ему поместья.

Чувствуя непрочность своего положения, Мамия все больше поддавался влиянию русских чиновников, видимо, хорошо понимая, что только при помощи царских войск может держаться у власти.

Когда царское правительство начало преследовать участников восстания, некоторые из них перебралась в Гурию. Бежал в Гурию также и Иван Абашидзе и укрылся в крепости

¹ Предание сохранило имя одного из таких мелких феодалов Давида Асатиани, владельца Асканской крепости, который, не подчинясь владетелю, много лет отсиживался в своей неприступной крепостице (см. газ. „Кавказ“ за 1848 год, № 1).

² М. Гуриели был последним владетельным князем Гурии. Умер в 1826 году.

Шемокмеди у К. Гуриели. Сам Кайхосро давал такое объяснение пребыванию Ивана Абашидзе в Гурии: «Абашидзе пробирался в Адчару, но я, желая отвлечь его от такого намерения, пригласил к себе с тем, чтобы держать его при себе и примкнуть с правительством»¹ (из донес. Чилиева от 24 марта 1820 г. ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 302).

Сменивший Курнатовского новый правитель Имеретии полков. Пузыревский упорно добивался выдачи Абашидзе, но все его попытки кончились безрезультатно. Тогда он с значительным отрядом двинулся в Гурию для ареста Ивана Абашидзе и наказания Кайхосро Гуриели. Пузыревский надеялся легко выполнить эту задачу. «Что же касается до намерения их противу войск Е. И. В., то оные с их стороны так ничтожны; что ни Абашидзе, ни Гурия и Мингрелия вместе соединенные не посмеют напасть на меня и не посмеют ожидать моего нападения. Разве несколько Гуриельских сумасбродов решатся в ночное время зажечь Чохатаурский лагерь и находящийся там провиантский магазин, еще быть может они же нанесут побой 5 чел. рядовым, которые оставлены в Чохатаури для присмотра за казенными вещами согласно желанию Гуриели»,—так хвастался Пузыревский в своем донесении (Акты, т. VI, стр. 585).

Курнатовский, которого с самого начала восстания буквально обуял страх, нередко преувеличивал силу и размах восстания. Пузыревский, наоборот, рассчитывал немедленно сокрушить восстание, проявляя удивительную близорукость и самонадеянность. Сообщая свои планы Вельминову, он писал: «Чтобы ни было, если и вся Имеретия восстанет с находящимися здесь войсками, усмирю ее несколькими наказаниями и прошу единственной милости не награждать князей, являющих только ложную преданность» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 584).

Этот ретивый колонизатор, который только и думал о наказаниях, скоро жестоко поплатился за такую барскую самонадеянность, в основе которой лежало пренебрежение к нуждам

¹ Это утверждение не лишено известной убедительности, если принять во внимание постоянное тяготение Абашидзе к русскому правительству и то обстоятельство, что Абашидзе был близким родственником Гуриели (он был женат на сестре Мамия, которому Кайхосро приходился дядей). Абашидзе, скрывшись в Гурию, обратился не к Мамия, на покровительство которого не мог рассчитывать, а к Кайхосро, который держался по отношению к русскому правительству более независимо.

народа и неверие в его силу. Направляясь в Гурию для наказания Кайхосро Гуриели и ареста находившихся там имеретинских повстанцев, Пузыревский рассчитывал укрепить в Гурии влияние русского правительства.

Для того, чтобы обеспечить Пузыревскому содействие в этом деле со стороны Мамия Гуриели, Ермолов стремился представить дело таким образом, что ввод войск в Гурию соответствует интересам самого Мамия. «Я дал повеление г. полковнику Пузыревскому ввести отряд войск в Гурию и схватить его (Кайхосро, Н. М.) вооруженной рукой или вовсе изгнать из владений вашей светлости принадлежащих»,—писал Ермолов М. Гуриели¹ (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 311).

Для выполнения приказа, вдохновителем которого был он сам, полк. Пузыревский прибыл в Гурию. Оставив в Чохатаурах роту егерей с 2 орудиями под командой подполк. Згорельского, он двинулся к крепости Шемокмеди—местонахождению Кайхосро Гуриели—с небольшим отрядом в составе капитана Воинова, прапорщика Татиева, переводчика и пяти казаков. Пузыревский без всякого сопротивления достиг крепости Шемокмеди, но она оказалась пустой. Кайхосро, как выяснилось впоследствии, находился в соседнем селе.

Возвращаясь из крепости, Пузыревский имел стычку с группой из трех вооруженных гурийцев, которых Кайхосро послал в крепость предупредить о приближении русского отряда. Во время стычки Пузыревский и один казак были убиты, а прапорщик Татиев и переводчик взяты в плен.

Для воссоздания картины стычки приводим показания Иотама Болквадзе, самого активного участника стычки, убившего Пузыревского и ранившего казака². По его словам, «когда Пу-

¹ Царские историки, в том числе и Потто, стремятся доказать, что Пузыревский направился в Гурию без согласия высшего кавкасского начальства. Вышеприведенная выписка опровергает это утверждение. Что вопрос об аресте К. Гуриели был решен задолго до начала описанных событий, видно из письма Ермолова к Вельяминову от 13 июля 1818 года. В письме сказано: „Подтверждая распоряжение о вызове и арестовании по кн. Кайхосро, поручаю приказать содержать его строжайшим образом, буде только зверя сего вызвать возможно“ (Акты, т. VI, ч. I, стр. 668).

² Показания Иотама Болквадзе не сохранились. Настоящее описание стычки гурийцев с Пузыревским мы заимствуем у Потто, который, как видно, в свою очередь позаимствовал его из архива окружного штаба армии.

зыревский 13-го апреля прибыл в княжеский замок, Кайхосро находился в соседней деревне Кистозети¹, откуда, узнав о появлении русского отряда, спешно послал Иотама с двумя товарищами в Шемокмеди предупредить об опасности. Посланные, добежав до половины подъема, встретили Пузыревского, уже возвращающегося из замка, где он не застал никого. Заметив гурийцев, он остановил их вопросом: «где собачий сын Кайхосро»,—и замахнулся плетью. Болквадзе, почувствовав удар, ответил на это оскорбление ружейным выстрелом. Пораженный пулей в бок, Пузыревский упал с лошади. Казак бросился на убийцу, но Болквадзе нанес ему удар шашкой, а другой гуриец добил его кинжалом. Прапорщик Татиев и переводчик Мераб были взяты живыми и отведены в замок» (Потто, Утвержд. русск. владычества на Кавказе, т. III, ч. II, стр. 517).

Характерно, что иное описание этого крупного эпизода дает Дубровин в своей работе (см. его книгу — «История войны и владычества русских на Кавказе, т. VI, стр. 423). Он старательно вытравил из описания стычки вызывающее поведение Пузыревского и стремился представить дело, соответственно с правительственной версией, таким образом, что якобы Пузыревский был убит по прямому заданию Кайхосро. Таким образом, если Потто приходит к выводу, что «Кайхосро не имел никакого участия в убийстве Пузыревского» (Потто, указанная работа, стр. 517), то Дубровин держится обратного мнения, утверждая, что Кайхосро в награду «убийце Пузыревского подарил ружье и саблю» (Дубровин, указ. работа, стр. 423²).

¹ У Дубровина Кистозеты (указ. работа, стр. 423). Такой деревни около Шемокмеди и вообще в Гурии нет. Надо отметить, что на карте, издан. в 1842 г. генер. штабом Кавказ. военного округа, около Шемокмеди указана дер. Кистозети. Расположена она там, где в настоящее время находится дер. Гогиеги. Видимо, на карту было нанесено искаженное название этой деревни, которую и приводят Дубровин и Потто в своих работах.

² Имеющиеся материалы не дают основания утверждать, что Кайхосро готовил восстание против русского правительства, хотя держался он независимо и не старался угождать правительству. Тот факт, что Шемокмеди—главная крепость Кайхосро в момент прибытия отряда Пузыревского—была пуста и никем не охранялась, говорит о том, что нападения не ожидали, к сопротивлению не готовились. Кайхосро с самого начала восстания скрылся в Кобулеты, тогда принадлежавшее Турции, и впоследствии никакого участия в широко развернувшемся движении не принимал.

Место Пузыревского по командованию 44 егерским полком занял находившийся в Чохатаурах подполковник Згорельский. Как только он узнал о смерти Пузыревского, то сразу направился в Шемокмеди с отрядом из двух рот егерей при двух орудиях и сотне казаков. Часть войск под командой кап. фон Клугена он оставил в Чохатаурах для охраны сообщения с Имеретией.

Смерть Пузыревского послужила населению как бы сигналом и восстание сразу же развернулось с большой силой, охватив значительную часть Гурии. По свидетельству Мамия Гуриели, большинство населения было на стороне повстанцев. В одном из своих донесений Вельяминову он писал: «Все туда привлекаются и всякая душа, женщина или мужчина, малые или великие просят и вопиют к богу об унижении (?) русских и тех, которые на нашей стороне, едва на узде держим» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 427).

Повстанцы спешно вооружаются, формируют боевые отряды. Эти отряды окружили Згорельского, который с войском пробирался к Шемокмеди. После упорного сражения Згорельский достиг реки Бжуджа, протекающей у подошвы горы, на которой расположена крепость. Переправа через реку была занята повстанцами, мост уничтожен. Понесший в стычках значительный урон, потеряв убитыми и ранеными 33 человека, Згорельский не решился продолжить путь и, преследуемый повстанцами, вынужден был укрыться в Озургетах. Ободренные этим успехом, отряды повстанцев направляются в Чохатауры. 19-го апреля, после упорного сражения повстанцы взяли этот укрепленный пункт и разгромили его, истребив значительную часть находившегося там отряда царских войск. После взятия Чохатауры часть повстанцев перебралась в Мингрелию, куда перекинулось восстание.

В начале мая повстанцы имели еще несколько стычек с царскими войсками. 2-го мая полков. Згорельский, которого уже давно сопровождала неудача, отправил раненых солдат и группу пленных гурийцев в Кутаиси через Марани в сопровождении сильного конвоя из двух рот пехоты и тридцати казаков. У одного из горных перевалов отряд этот подвергся нападению многочисленного отряда повстанцев. Завязалось ожесточенное сражение. Штабс-капитан Орбелиани, командующий отрядом царских войск, просил прислать подкрепление. К нему на помощь

был послан новый отряд под начальством капитана Войнова, который сопровождал Пузыревского в Шемокмедский замок. Но сопротивление гурийцев и стремление освободить арестованных было настолько сильно, что даже эти объединенные силы царских войск не могли добиться успеха. Войнов доносил, что «мятежники не пускают его переправиться через Каменную речку¹, поклявшись драться до последней капли крови, если не освободят пленных гурийцев» (Потто, Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. II, стр. 324). Только после того, как к царским войскам подоспели еще две роты, отряд с большим трудом «кое как» пробился в Марани, потеряв даже орудие.

«То обстоятельство, что мы были сильнее мятежников, имели орудие и всетаки не рассеяли шайки... подняло дух инсургентов», — сокрушался впоследствии ген. Потто (Потто, указ. работа, стр. 524).

В Мингрелии во главе восстания оказался родной брат владетельного князя — Георгий Дадияни. Георгий воспитывался в пажемском корпусе и был офицером гвардейского Преображенского полка. Приехав из Петербурга, он надолго задержался в Мингрелии, намереваясь захватить у брата управление Мингрелией. Когда в соседней Гурии вспыхнуло восстание и отряды повстанцев появились в Мингрелии, Георгий попытался возглавить движение и, используя восстание, осуществить свой честолюбивый замысел.

Приняв форму борьбы между князьями Дадияни, превратившись в обычную феодальную распрю и потому лишенное сколько-нибудь широкой социальной опоры, восстание в Мингрелии не приняло широких размеров. Отряды Георгия в начале мая совершили несколько безуспешных нападений на отряды царских войск, денежную почту и транспорт боевых припасов, следовавших из Редут-Кале в Марани. Движение этим себя и исчерпало. Оно было быстро локализовано и ликвидировано. Главную роль в борьбе с мятежным братом играл мингрельский владетельный князь Леваи Дадияни. Он разбил и рассеял отряд

¹ Эта стычка происходила при переправе через р. Цхенис-Цкали. В показаниях участника восстания Ломина Эристави говорится: «Когда при Цхенис-Цхали напали на них (на отряд царских войск, Н. М.) бунтовщики, то Войнов послал его к ним уговорить, чтобы не стреляли» (ЦАГ, ф. № 8, д. № 916, лл. 75—79).

Г. Дадзиани. Последний из Мингрелии перешел в Абхазию. Когда владетель Абхазии, испугавшись угроз Левана Дадзиани и русских войск, намеревался выдать Георгия, последний бежал сперва в Поти, а потом в Сванетию, где был пойман сторонниками Левана, а последний выдал его русскому правительству как мятежника.

Так закончился этот хотя и не крупный, но характерный эпизод восстания западной Грузии, подчеркивающий пестроту форм движения в этот период.

Русское правительство отнеслось к Георгию Дадзиани необычайно мягко, послав его в одну из частей русской армии и даже не разжаловав в рядовые.

Такое снисхождение Ермолов официально мотивировал уважением к брату Георгия — Левану Дадзиани. В письме к графу Закревскому Ермолов сообщал: «Замешанного в мятеже подпоручика Дадзиани я не предал суду потому, что по вине его невозможно было облегчить его наказание, чего я желал из уважения к брату его владетельному князю Мингрелии, который сам стремился поймать его и сам представил, прося только, чтобы оно не стоило ему жизни. Сие было причиной, что я уклонился от полевого уложения о действующей армии и теперь... смею просить наказать его переводом в армию тем же чином, не лишая права на производство, буде усердною и верною службою сделается того достойным» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 631).

Видимо, русское правительство разгадало подлинную природу мингрельских событий. Оно поняло, что движение, которое возглавлял Георгий Дадзиани, серьезной опасностью не являлось, что борьба идет внутри феодального дома Дадзиани. Не этим ли объясняется забота о Георгии Дадзиани, которого русское правительство хотело иметь в резерве на случай конфликта с Леваном Дадзиани, т. к. последнему не очень доверяло¹.

¹ Мать Левана Дадзиани, Нина, была дочерью последнего грузинского царя Георгия XII. Это усиливало недоверие царского правительства к Левану. Леван же стремился любой ценой добиться расположения правительства. За счет увеличения эксплуатации трудового населения Мингрелии он оказал не мало услуг царскому правительству. Когда русские войска испытывали большие продовольственные затруднения ввиду бездорожья и трудности доставки, Леван соединил р. Хоби и Цива с Рионом и устроил перевозку продовольствия водным путем от Редут-Кале до Марани. Он не раз со своими войсками принимал активное участие в

Узнав о Гурийских событиях из донесения Згорельского и Мамия Гуриели, Ермолов принимает решение о жестокой расправе с населением. Обращаясь к войскам, Ермолов писал: «...я покажу вам место, где жил подлеиший разбойник Кайхосро Гуриели: не оставьте камня на камне в сем убежище злодеев, ни одного живого не оставьте из гнусных его сообщников... приказываю наказывать без сожаления злых изменников» (Потто, указ. работа, стр. 516, ср. Акты, т. VI, ч. I, стр. 675).

В то же время, желая смягчить впечатление от этой неудачи и извращая факты, Ермолов в своем донесении царю так освещал смерть Пузыревского: «Обозревая военные посты, расположенные в Гурии, имел он намерение осмотреть крепостину, принадлежащую князю Кайхосро, родному дяде владетельного князя Мамия. Сей князь Кайхосро в полном смысле слова злобнейший из разбойников, дающий пристанище всем явным изменникам, чувствуя вину свою и боясь бдительного надзора Пузыревского, схватил его, ехавшего с весьма малым конвоем, увлек в свое жилище и там изменнически лишил его жизни» (там же, стр. 515, ср. Акты, т. VI, ч. I, стр. 673¹).

Готовя расправу с повстанцами, правительство всемерно стремится задобрить Мамия и воспользоваться его содействием. «Пример верности, который вы не переставали показывать своим подданным, ни к чему не послужил убийцам»,—писал Ермолов Мамия.—«В жилище Кайхосро, бывшего князя Гуриели, было пристанище изменникам и власть ваша и благие советы были презираемы... Забудьте, что сей презрительный и гнусный злодей мог быть вашим родственником. Падет гнев божий на преступника и род его» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 672).

подавлении восстания. Леван в своем верноподданическом чувстве дошел до того, что предложил кавказскому начальству собирать в Мингрелни в пользу казны по 8 баранов с дыма, вино на водку и по 1 рублю серебром (Акты, т. VI, ч. I, стр. 629), но эта дань была настолько тяжелой для мингрельского населения, что даже кавказское начальство не нашло удобным ее взыскивать. Усердие Левана было оценено царским правительством и за услуги, оказанные во время восстания, он получил чин ген. лейтенанта.

¹ Приводя эту цитату, Потто ошибочно указывает на 974 страницу Актов. Содержание цитаты также не полностью совпадает с соответствующим местом из Актов. Таких случаев расхождения между цитатами приводимыми в работе Потто и текстом Актов имеется еще несколько.

Слабовольного и мнительного Мамия не трудно было убедить, что Кайхосро и его сторонники готовят захват власти. Когда в числе участников движения оказался брат Кайхосро — Давид Гуриели, то Ермолов снова обращается к Мамия с письмом, выставляя себя и русское правительство верным защитником интересов Мамия. «Я с удивлением узнал, что и другой дядя ваш, который никогда не был одних правил с убийцей, теперь соединился с ним. Не трудно видеть намерения их лишить вас владения, но могу уверить вашу светлость, что худое избрали время изменники, и что не в мое в здешней стране командование могут они то сделать... дам вашей светлости защиту, и вы освободитесь от лютейших ваших злодеев» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 675).

Но долго убеждать Мамия Гуриели в необходимости вооруженной борьбы с повстанцами Ермолову не приходилось. Гуриели до смерти боялся утраты благосклонности царского правительства: «Я хочу,—писал он Вельяминову,—мятежников жечь, сломать и наказать, но столько войска прибрать к себе не могу» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 427).

И действительно, «жечь, сломать и наказать» своих подданных, поднявших знамя восстания, Гуриели мог только с помощью царских войск. Ген. Вельяминов, направляясь в Гурию для подавления восстания, имел в лице Мамия надежного союзника.

Имеретинские и Гурийские события окрылили надеждой турецких беков. Они рассчитывали, использовав эти события, вытеснить русские войска из западной Грузии и захватить страну в свои руки. «У русских с имеретинами без драки не обойдется. Имеретины сделают им еще хуже того, что случилось в Чечне»,—заранее радовались турки (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 84).

Для осуществления своих целей правители пограничных с Грузией турецких областей стремились установить с повстанцами связь, причем не скупившись на всякие обещания, несколько не заботясь об их выполнении.

По сведениям, полученным Ермоловым, Ахалцихский паша обещал послать в Имеретию и Гурию войско, а также много свинца и пороха. Турецкие чиновники, обнадеживая повстанцев, грозились послать против русских войск в Редут-Кале «гостинец с моря», намекая на возможность высадки десанта.

По тем же сведениям, владетельные князья Гуриели и Дадзиани вели переговоры с Ахалцихским пашой о совместном выступлении против царских войск и даже послали ему в подарок крепостных девушек.

В письме к Ахалцихскому паше в июне 1820 года Ермолов утверждал, что «в Гурии находятся ачарцы, у вас приняты бунтующие мошенники из Имеретии и Гурии, посланный от вас в Тавриз чиновник Али-Ага Ефенди уверил, что от вас отправлены в Гурию тысяча пятьсот человек и посланы порох и свинец» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 462).

Большинство из этих сведений оказались ложными. Связь Гуриели и Дадзиани с турками не подтвердилась, неправильными оказались также сведения о посылке в Гурию турецких войск.

Однако враждебные действия турок против русских были совершенно очевидны. Но турецкие чиновники, боясь обострить отношение с Россией, воздерживались от открытых выступлений. Они предпочитали действовать тайно через имеретинских феодалов, подыскивая среди них союзников.

Особенно большие надежды турки возлагали на Ив. Абашидзе, с которым даже мелкие турецкие чиновники вели оживленную переписку. Один из них — управляющий Хертвисским округом Мамед-Ага писал «всей Имеретии первому князю Ивану Абашидзе»: «Все ваши сердечные мысли нам донесены сим Маркозом и всем оным мы твердо поверили». Несмотря на такое заверение, между этим турецким чиновником и кн. Абашидзе взаимного доверия, видимо, не было. Стремясь развеять недоверие, Мамед-Ага дальше писал: «Но почему вы также не изволите быть уверенным, что от этой вашей земли и от вашего соседства ни мы не отступали ни наш великий государь». В заключение паша предлагает поднять восстание против русских войск и обещает свою помощь. В конце письма читаем: «Случится у вас драка, то вы назад не отступайте, ибо, — уверяет он, — со всем множеством и всей моей земли возможностью мы будем с вами».

Через Ивана Абашидзе Мамед-Ага пытается установить связь с другими феодалами Имеретии, чтобы заручиться и их поддержкой, поэтому он требует прислать к нему «Дадзиани письмо и печать, Гуриели письмо и печать, Церетели письмо и печать, Кутатели письмо и печать и прочих тех, которые вам будет угодно» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 610).

Ивана Абашидзе турки обещают «сделать господином страны», «вы же стараетесь русских оттуда истребить», — писал ему Ацкверский Ага-Аджи Апат (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 498).

Однако «истребить» русские войска было не так просто и сил сторонников Ивана Абашидзе для этого было явно недостаточно. Турецкие беки ведут переписку не только с имеретинскими князьями, вербуя среди них своих сторонников. Они заигрывают и с другими слоями населения, прибегая к ложным обещаниям. Например, если раньше имеретины, приезжавшие в Ахалцих для торговли, подвергались грабежу и всяким насилиям, то теперь турецкие беки изменили такой традиции «гостеприимства» и даже отказывались от взимания пошлин. Как сообщал горийский окружной начальник Титов Вельяминову, «с приезжающих в Ахалцих имеретин для продажи разных вещей воспрещено от паши брать положенные пошлины и предоставлена им свободная пролажа оных, чего, как известно, до сего времени не было, да сверх того от паши дано в народ строгое подтверждение, чтобы имеретины никем утеснены не были» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 376).

Происки правителей пограничных с Грузией турецких областей сильно обеспокоили ген. Ермолова. Он жаловался на их действия русскому послу в Константинополе, подозревая, что они действуют с согласия центрального правительства Турции.

С некоторыми из турецких чиновников Ермолов вел переписку, прибегая и к просьбам, и к угрозам. В одном из писем к Ахалцихскому паше Ермолов просил его как «благоприятеля и доброго соседа» не допускать переход турецких отрядов в Имеретию и враждебных действий по отношению к русским войскам. В противном случае, писал он, «Российское войско в поддержании собственной власти вашей, как чиновника союзного с Россией государства, вступит в ахалцихский пашышак для наказания подвластных ваших, нарушающих доброе согласие и приязнь, коим связуется взаимная польза обоих дружественных держав» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 435).

Но такая переписка к желанным результатам не приводила. Паша хотя и уверял Ермолова в своей лояльности к кавказскому правительству, но враждебные действия со стороны турок продолжались. В июне 1820 года, когда восстание подходило к концу и стало вполне ясно, что турки на поддержку имеретин рассчитывать не могут, письма Ермолова к паше меня-

ют тон: они ничем не напоминают письма к «доброму соседу». В одном из них Ермолов, перечисляя факты враждебных действий паша, писал: «Мне остается к совершенному презрению, которое заслуживают таковые поступки, присоединить одно желание, чтобы вы удостоились снурка (шнурка, Н. М.), который бывает наградой служащих подобно вам своему господину».

И чтобы у паша не осталось никаких сомнений о подлинных чувствах Ермолова к нему, в конце письма сказано: «примите сие чистосердечное мое и постоянное желание. Генерал Ермолов» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5 л. 462).

Когда писалось это письмо, было уже вполне ясно, что попытки турецких пашей установить связь с населением Имеретии и Гурии кончились безрезультатно. Если некоторые феодалы прислушивались к обещаниям турецких беков и возлагали на помощь с их стороны определенные надежды, то основные массы населения туркам определенно не верили. Имеретины хорошо понимали, что турки, обещая помощь, стремятся захватить страну, а турецкая кабала не лучше, а хуже царского гнета. Народные массы боролись за свободу.

О таких настроениях населения догадывались даже сами турецкие чиновники. Один из них, известный нам Ахалцихский паша, по сведениям, полученным ген. Курнатовским, говорил: «...об имеретинах же знает он (паша, Н. М.), что они хитры чрезвычайно и вероломны также, теперь не хотят повиноваться русским и предаются им, туркам, но после не упустят стараться сбить их с рук, но против этого он примет свои меры» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 568).

НОВЫЙ ПОДЪЕМ ВОССТАНИЯ И ЕГО ПОРАЖЕНИЕ

Борьба в Гурии была в полном разгаре, когда в Имеретии ожило ослабевшее было движение. Если в свое время Имеретинские события послужили толчком к Гурийскому восстанию, то это последнее в свою очередь оказало обратное влияние на Имеретию. Маневры правительства кончились безуспешно: не только ликвидировать, но даже локализовать движение не удалось. Восстание снова охватило районы Имеретии. С особой силой оно развернулось в Рачинском округе. Рачинцы еще до Гурийских событий взялись за оружие. В первую очередь восстание охватило волости Сацулукидзево и Саяшвило. Население предварительно спрятали в неприступных местах имущество и семьи. Ночью с 4 на 5 апреля Сацулукидзевская волость выбрала из домов своих и попрятала в лесах жен и детей и все свое имущество, в крепких местах наделали завалы, поставили по дорогам караулы в ожидании из Имеретии российских войск, послали людей за помощью в Лечхуми и в верхнюю Рачу, которые скоро и присоединились к восстанию (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, лл. 321).

Рача оказалась совершенно отрезанной от Кутаиси. Повстанцы сделались полными хозяевами страны. Царские войска и князья, преданные царскому правительству, были парализованы, не имея возможности даже сообщаться друг с другом. Рачинский князь Георгий Эристави в своем письме от 3-го апреля 1820 г. к Пузыревскому жаловался, что повстанцы «заняли дороги на горах, снимали везде мосты и потому ни майор к нам, ни мы к майору ни к вам в Имеретию ни же добраться к себе домой не могли» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 325).

У группы феодалов вновь оживает желание провозгласить царя. Сразу появляется несколько претендентов на престол. Иван Абашидзе, прорвавшись из Гурии в Имеретию, снова появляется на сцену с вооруженным отрядом в 400 - 500 человек. Другим претендентом на имеретинский престол явился Вахтанг, побочный сын царевича Давида. «Уведомляю вас», — сообщил Ростом Эристави Вельяминову, — что неблагонамеренные

люди провозгласили царевича Вахтанга царем Имеретии и побезумью своему хотят взять Кутаис» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 590).

Перепуганный размахом движения Р. Эристави просил прислать к нему войска: «Пришлите войска 4 или 5 т. и в Рачу пришлите войско через гору Кортохи. Если войска не пришлете нам в помощь, то рачинский бунт содействует возмущению Имеретии, а если изволите прислать войско, то я могу отвратить рачинцев от содействия Имеретии. С искренним сердцем и усердием прошу войска для меня, в Раче удобнее казачье войско», — писал «храбрый» князь Вельяминову (там же, стр. 590).

Все более разраставшиеся Имеретинские события взбудоражили кавказское начальство. Получив тревожные известия из Грузии и предвидя надвигающуюся бурю, Ермолов в начале марта спешно вернулся с Кавказской линии, отказавшись даже от поездки в Петербург. По этому поводу он писал начальнику главного штаба Волконскому, что не поехал в Петербург он «единственно по причине беспокойного Имеретии состояния и пробыв короткое время на Кавказской линии, несмотря на ужасное состояние в горах дороги, отправляюсь в Грузию» (Ермолов, Записки, ч. II, приложение, стр. 110).

Правительство боялось, что восстание из Имеретии перекинется в восточную Грузию, т. к. шли слухи, что жители Карталинии и Кахетии тоже хотят подняться, чтобы поддержать имеретин и добиться отмены церковной реформы, проведенной ранее и в восточной Грузии. Царские войска в этих районах были приведены в боевую готовность. Вельяминов «по случаю открывшегося в Гурии и Имеретии бунта» приказывал начальникам Сигнахского, Телавского и Горийского округов следить, «какое на народ и в особенности дворянство произведет сие влияние и не найдутся ли между ними такие легкомысленные, кои будут делать вредные для правительства внушения народу или распространять нелепые слухи. Таковых имеете тотчас брать под караул и мне доносить» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 416).

Однако опасения царского правительства на этот раз оказались напрасными. Население Кахетии, которое недавно до этого подверглось тяжелому разгрому, не могло так скоро подняться на новое восстание. Дворянство Карталинии и Кахетии, все больше смыкаясь с царизмом, не только не обнаруживало симпатии к Имеретинскому восстанию, но, наоборот, многие из

них, как доносил майор Титов, просили «позволения отправиться в Имеретию, чтобы употребить их в дело и буде случится будут против бунтовщиков» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 414).

Ермолов снова обратился с воззванием к имеретинскому народу, в котором стремился доказать свое миролюбие. Воззвание тщательно обходило все причины, вызвавшие восстание. Все приписывалось тому, что народ обманут «малым числом людей злонамеренных».

Такое игнорирование требований народа, заставившее массы поднять оружие, не могло способствовать успокоению повстанцев и отказу от вооруженной борьбы. Правительство принимает меры к вооруженному подавлению движения. На место убитого в Гурии правителя Имеретии Пузыревского был назначен полк. Горчаков¹.

Для подавления восстания в Имеретию и Гурию направляется военная экспедиция. Во главе экспедиции был поставлен ближайший помощник Ермолова, начальник корпусного штаба А. А. Вельяминов², получивший приказ жестокими мерами беспощадно подавлять народное движение. «Предписываю вашему превосходительству,—писал Ермолов,—всех взятых с оружием в руках и тех, кои спасаясь захвачены будут из скопищ бунтовщиков, наказывать смертью на самом месте преступления. Суду подлежат только те, на коих падает подозрение, но нет достаточных доказательств. Тех, кои посылаемы будут мятежниками для возмущения жителей, лишать жизни через повешение. Селение, коих жители подняли оружие, истреблять до основания. Прощать тех, кои будут просить помилование и выдадут изменников. Крайнюю нужно осмотрительность в рассуждении тех,

¹ Горчаков, впоследствии генерал, участник Крымской войны 1853—56 гг.,—брат главнокомандующего в Крымской войне. Был правителем Имеретии до 1826 г.

² В Закавказье в это время находились два брата Вельяминовых, Андрей Александрович и Иван Александрович. Указанный здесь А. А. Вельяминов был ближайшим помощником Ермолова и занял видное место в истории завоевания Кавказа. Свирепая расправа его с повстанцами была высоко оценена царем и он получил награду.

Другой брат—И. А. Вельяминов—был гражданским правителем Грузии. Известен между прочим тем, что перевел на русский язык некоторые произведения Шекспира.

кои будут являться добровольно, заявляя, что их силой заставили взять оружие, ибо в известных случаях всякому мошеннику выгодно прикинуться честным человеком» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 829).

В двадцатых числах апреля 1820 года Вельяминов с войском выступил из Сурами в Имеретию. Имеретинское дворянство, даже та его часть, которая делала вид, что примыкает к движению, поспешила изъявить свою преданность царскому правительству. У Квирильской переправы к Вельяминову явились Шорапанские князья и дворяне, обещая присоединить к нему свою милицию и оказать всякое содействие. 25 апреля Вельяминов вступил в Кутаис. Торговцы встретили его, как он доносил, с большой радостью. «Кутаисские жители почти все люди занимающиеся торговом и единственно от русских войск и чиновников имеющие безбедное существование. Они весьма обрадовались моему прибытию, находя в прибывших со мной войсках новый залог безопасности своих семейств и имуществ, кои непременно были бы расхищены мятежниками, если бы им удалось ворваться в Кутаис», — писал он Ермолову (Потто, Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. I, стр. 523).

Ко времени прибытия Вельяминова в Кутаиси движение в Имеретии, за исключением Рачинского округа, спало. Небольшие отряды остались только у Ивана Абашидзе и царевича Давида (сына Баграта). Лишенные связи и поддержки населения, имея только небольшие отряды, они долго держаться не могли.

К моменту прибытия Вельяминова в Кутаиси основные силы повстанцев находились в Ханисском ущельи, где укрылся и Иван Абашидзе. По этому ущелью проходила дорога через Багдади в Ахалцихе. 30 апреля повстанцы заняли сел. Свири в Шорапанском округе. Бездорожье и разлив рек препятствовал успешному действию царских войск. 2-го мая Вельяминов выступил к сел. Багдади, стремясь настичнуть и разбить отряд повстанцев. Переправа через р. Квирила была затруднена, паром на реке у сел. Варцихе был уничтожен. Переправившись на другой берег и не доходя до Багдади, Вельяминов узнал, что повстанцы повернули обратно, перешли на правый берег реки и направились к сел. Симонети. Повстанцы постоянно ускользали от грозного генерала. Потеряв несколько дней и не добившись никаких результатов, Вельяминов вернулся в Кутаиси.

Между тем, царские войска были усилены, из Сурами прибыли новые подкрепления. Повстанцы снова укрылись в Ханисском ущельи. Против них с двух сторон двинулись царские войска. Один отряд под командой полк. Горчакова шел к сел. Хани через сел. Дарго и Швилеби, другой отряд под командой походного атамана ген.-м. Власова шел туда через Табакинский монастырь и Зегани. 1-го июля царские войска взяли сел. Хани. Абашидзе еще до занятия Ханисского ущелья скрылся в Ахалцихе.

Упорный массовый характер носило восстание в Рачинском округе. Для борьбы с повстанцами в Рачу были направлены три роты карабинеров с орудием и сотня казаков под командой майора Гладко-Сацкого и казачьего атамана Власова. Эти войска достигли дер. Сазано, где стоял большой отряд повстанцев. Войско Гладко-Сацкого внезапно напало на повстанцев и принудило их отступить. 21-го мая около крепости Квара отряд повстанцев, которым командовал кн. Яшвили, был разбит.

Несмотря на эти неудачи, восстание далеко еще не было подавлено. Вскоре в Рачу прибыл Горчаков, принявший начальство над всеми войсками, действовавшими в этом округе. По численности царские войска превосходили вооруженные силы повстанцев и были хорошо вооружены. По свидетельству Дубецкого, в Рачинском округе было сосредоточено 6 рот 7-го карабинерского полка, 2 роты херсонского гренадерского полка, 2 роты мингрельского полка, 2 роты егерей с 2 орудиями и две сотни донских казаков, всего две тысячи человек (Дубецкий, Воспоминания, стр. 120).

Повстанцы оказывают упорное сопротивление. Организованность их была настолько высокой, что долго не удавалось открыть подлинных руководителей восстания. «Никакими силами не могли добиться, кто главные зачинщики и руководители бунта, между тем как убийства и варварства происходили вокруг нас», — пишет знакомый нам Дубецкий в своих воспоминаниях (там же, стр. 121).

В раскрытии руководителей восстания царским войскам помогла измена Ломкаца Лежава, одного из командиров повстанческого отряда в Раче. В сражении с царскими войсками Лежава был ранен, арестован и приговорен к повешению. Спасая свою шкуру и рассчитывая получить награду, Лежава предал руководителей восстания и выдал важные документы повстанцев,

которые были спрятаны у его жены в имении князя Георгия Цулукидзе, участника восстания. За это предательство Лежава был царским правительством прощен и получил награду. «Имеретинский дворянин Ломкаци Лежава отпущен отсюда за верное показание и за открытие виновных по имеретинскому мятежу, а потому поручаю вашему сия-ству оказать ему всякое пособие и покровительство и для помещения его с семейством дать квартиру в Рачинской округи в деревне Сакеция на место сожженного у него дома», — писал Ермолов Горчакову в октябре 1820 года (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 535).

Лежава «сверх прощения подарена небольшая деревня в 18 дымов», — сообщает Дубецкий в своих воспоминаниях (указан. работа, стр. 129).

Таким же изменником оказался другой участник восстания, кн. Мераб Яшвили, который раскрыл пред Горчаковым план восстания и выдал известных ему руководителей.

Благодаря этой измене Горчакову удалось завладеть документами повстанцев, где были изложены цели и план восстания. В документах было обнаружено решение общего собрания рачипцев за подписью руководителей восстания¹. Некоторые из участников восстания служили в царской армии и пользовались доверием правительства. Горчаковым был выработан план одновременного ареста всей группы руководителей восстания. Их пригласили в лагерь русских войск. Когда они собрались, то были окружены и подверглись аресту. Дело не обошлось без кровавого столкновения, в результате чего было убито и тяжело ранено несколько человек. Всего в Раче на этот раз было арестовано до 70 человек, в том числе князь Георгий Цулукидзе, полковник царской армии. Вот что передает о судьбе этой группы Дубецкий. «Человек то было повешено, некоторые пали под ударами штыков, а другие удалены в Россию (Дубецкий, Воспоминания, стр. 121).

После подавления восстания большое количество крепостей в Раче было разрушено. Горчаков разорил и сжег селения, топтал поля. С жителей верхней Рачи потребовали по три головы рогатой скотины с каждых двух дворов. Население было разоружено. Из стволов ружей, из кинжалов и шашек были сделаны разные железные вещи и употреблены на постройку ка-

¹ К сожалению, нам не удалось разыскать этот интересный документ. Возможно, он не сохранился.

зарм для царских войск. Для того, чтобы держать население в страхе, количество войск, расквартированных в Раче, было увеличено. У населения были отобраны «буки»—медные трубы, которыми обычно созывали народ во время тревоги. Многие селения были обложены высокими налогами.

Вельяминов, зарекомендовав себя грозным генералом за жестокую расправу с повстанцами в Имеретии, из Кутаиси направляется в Гурию, чтобы и там потопить в крови народное возмущение. По дороге он присоединял к себе разбросанные повсюду отряды царских войск.

Подходя к границам Гурии, Вельяминов имел крупные силы: в его отряде было 3200 человек пехоты, около 150 человек кавалерии и 7 орудий. Население, испуганное приближением царских войск, покидало свои жилища и уходило в леса. Даже Мамия Гуриели, которому, казалось, нечего было бояться, не решился встретиться с Вельяминовым. Покинув свою резиденцию в Озургетах, он некоторое время держался на почтительном расстоянии от навязчивого гостя и слишком усердного союзника.

Вельяминов прибыл со всем войском в Озургеты 16 июля и скоро двинулся к цитадели повстанцев—крепости Шемокмеди.

Крепость была расположена на высокой горе, окруженной со всех сторон дремучим лесом. К ней вела только одна крутая, малодоступная дорога. Повстанцы, ожидая нападение со стороны, с которой недавно неудачно наступал Згорельский, укрепили эти подступы к крепости, но Вельяминов обошел дорогу справа и начал штурмовать крепость с другой стороны, откуда нападение не ожидали. Повстанцы оказались застигнутыми врасплох. Несмотря на это, они оказали упорное сопротивление. Бой был коротким, но кровопролитным. Царские войска потеряли убитыми и ранеными 68 человек. 24-го июля, после артиллерийского обстрела, крепость была взята. Защитники ее, не успевшие бежать, были перебиты. Замечательная Шемокмедская крепость, имевшая многовековую историю, была разрушена до основания. Окрестные селения были выжжены и разгромлены. «Бунтующие селения,—писал Ермолов,—были разорены и сожжены, сады и виноградники вырублены до корня. Через многие годы не придут изменники в первобытное состояние» (Ермолов, Записки, ч. II, стр. 112).

Взяв Шемокмеди, Вельяминов разослал крупные отряды войск в другие районы Гурии. Эти войска уничтожали все на своем пути. Сжигали и топтали посевы, вырубали сады и виноградники, разрушали дома. Жителей, даже женщин, арестовывали и уводили с собой, подвергая многих ссылке и тюремному заключению. Особенно свирепствовал майор Михин. 11 августа отряды Михина взяли богатое село Григолети, представляющее небольшую удобную гавань на берегу Черного моря. Жители, не выждав прибытия Михина, сами подожгли свои дома и башни и бежали. В другом селе на реке Натанеби царские войска захватили 1000 четвертей кукурузы, 11 лошадей и 9 пленных, из них 5 женщин и 4 мужчин.

Карательная экспедиция встречала на своем пути многочисленные препятствия. Гористая местность, отсутствие дорог, густой лес затрудняли прохождение войск. Повстанцы оказывали упорное сопротивление, устраивая в лесу засады, обстреливая войска из-за неприступных скал. Каждое село приходилось брать с боя. Одной из последних была взята крепость Нигоити¹. В конце августа Гурийское восстание было подавлено. Некоторые участники восстания, в том числе Давид Гуриели, Давид Эристави, Мачутадзе бежали в Турцию. Есть основание предполагать, что они пользовались поддержкой правителей пограничных с Гурией турецких областей.

Многие из руководителей и активных участников восстания, в том числе Симоника Асатиани, Зураб Сехниашвили, Леваника Кадагидзе попали в руки царских войск. Большинство из них были заключены в тюрьмы или высланы в отдаленные районы России. Имения князей Кайхосро Гуриели, Давида Эристави, кн. Мачутадзе были конфискованы. Часть конфискованных имений была передана казне, другая часть из них перешла в руки князей, сохранивших верность русскому царизму. Среди них на первом месте были князья Накашидзе, еще до восстания особо отмеченные царским правительством за верную службу.

Мамия Гуриели, как владетельный князь, добивался передачи ему конфискованных имений. Но правительство больше

¹ Об этих экспедициях, в Имеретию и Гурию, А. Ермолов писал М. Воронцову: „Вельяминов употреблен на смирение взбунтовавших Имеретин и гурийцев и все приведено в надлежащий порядок. Войска наши проходили места ужасные и доселе непроходимые“ (Архив Воронцовых, кн. 36, стр. 226).

заботилось о своей казне. Чтобы отметить усердие и заслуги Мамия в борьбе с повстанцами, правительство решило наградить его иначе. По ходатайству Ермолова, царь Александр I стал приемником сына Мамия. Об этом вместе с Ермоловым усердно хлопотал пресловутый граф Нессельроде, тогдашний министр иностранных дел. Учитывая важное стратегическое значение Гурии в борьбе с Турцией и целесообразность окончательно привлечь Гურიели на сторону России, Ермолов писал Нессельроде, что Мамия Гურიели действительно достоин такой награды по «отличному усердию и непоколебимой верности, сохраненным им во все продолжение бывшего в Имеретии и Гурии мятежа» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 676).

Восстание в Гурии было откликом Имеретинского восстания, но по своему содержанию и ходу событий оно значительно отличается от последнего:

В Гурии восстание развернулось значительно быстрее, чем в Имеретии, и борьба там сразу приняла вооруженный характер. Вся энергия повстанцев была направлена против колонизаторских устремлений русского царизма. Антикрепостнический характер движения недостаточно выявился. В этом была и сильная и слабая сторона движения.

Поскольку внутренняя борьба между различными социальными группами повстанцев не достигла значительной остроты, в движении принимала участие и большая часть дворянства, не успевшая еще примкнуть к русскому царизму.

Но в то же время участие крестьянских масс в движении не могло быть длительным и прочным, поскольку дворянство, оказавшееся во главе движения, игнорировало интересы крестьянства. Цепляясь за свои привилегии, оно не могло выдвинуть задачу ни упразднения ни даже смягчения крепостнического гнета, несмотря на то, что успех борьбы целиком определялся размерами участия в ней крестьянства, как более многочисленной и решающей силы восстания.

Летом 1920 года, год с лишним спустя после начала восстания, оно было закончено. Но до полного успокоения страны было еще далеко. Не все активные участники восстания были найдены, многие из них укрылись в лесах, пользуясь широкой помощью и содействием населения. В марте 1821 года, почти через два года после начала восстания, правитель Имеретии Горчаков вынужден был обратиться к населению с особым воззва-

нием. Объявляя прощение всем жителям Имеретии, участвовавшим в восстании, Горчаков писал: «В силу сей прокламации впредь никто за прошедший бунт наказан не будет, исключая некоторых главнейших злодеев, коим для всеобщего сведения прилагается список... Означенные в списке недостойны пощады и навсегда изгоняются из пределов империи. Строжайше воспрещается всем и каждому не то чтоб давать им убежища или пособия какого бы то рода не было, но даже иметь малейшие с ними сношения, в противном случае всякий изобличенный, без различия звания, подвергнется всей строгости российских законов». Дальше прокламация обязывает каждого нашедшего кого-нибудь из лиц, указанных в списке, доставить царскому правительству «за приличное награждение».

В списке были указаны: князья: Мамука Багратов, Бежан Пхейдзе, Гогия Пхендзе, Иван Кайхосров, Николай Ростомов Пинези, Кайхосро Амигабаров, Зураб Амигабаров-Абашидзе, Алмасхан, Джевах и Хосня Мерабов Яшвили, Иван Цулукидзе, Симон Георгиевич Цулукидзе, незаконорожденные дети царя Давида Вахтанг Багратов и малолетний брат его Тариель; казенный дворянин Сосика Яшвили; княжеские дворяне и крестьяне: Глахуна Бакурадзе, Вахтангела Сванидзе, Григор Джапаридзе, Зураб Джапаридзе, Эгнатий Какрашвили, Шонита Ткешелашвили, Гогия, Нико, Берука Нониашвилевы дети, Берука Хотебашвили, Бучуника Кобахидзе, священник Давид Буадзе, всего 27 человек (журн. «Моамбе», 1904 г., № 10).

Побудительной причиной обращения было совсем не великодушное правительство, как пытался доказать Горчаков, а трудность борьбы с активными участниками восстания, значительная часть которых укрылась от правительства и пользовалась содействием и помощью населения.

Аресты и ссылка продолжались еще долго. В числе арестованных видим большую группу мелких дворян и крестьян, игравших крупную роль в восстании. Среди них выделялись Глаха Донадзе, Адама Челидзе, Микела Размадзе, Глахуна Бакурадзе, Вахтангела Сванидзе, Берика Хотебашвили и другие. Последний был командиром вооруженных отрядов повстанцев.

Репрессии продолжались еще в 1822 году. Не мало участников восстания погибло во время военных столкновений. Многие были казнены, десятки были сосланы в Сибирь и другие отдаленные районы России. Большинство репрессированных были

наказаны без суда, по распоряжению царских чиновников и начальников царских войск. Сохранившиеся материалы, несмотря на свою неполноту, рисуют картину свирепой расправы царского правительства с повстанцами. «Гогия Гохадзе повешен на месте»,—писал Горчаков в своем донесении. На предложение Вельяминова повесить Кайхосро и Киколу Джапаридзе и Пирана Киколашвили Горчаков сообщил, что последний повешен, а казнь обоим Джапаридзе была отложена, так как они назвали себя князьями (ЦАГ, ф. о. в. д., л. № 5, л. 516).

Из большой партии повстанцев, арестованных в Раче в начале 1820 года, 10 человек были повешены. Остальные были заточены в тюрьмы или сосланы в отдаленные районы России. В списке «участвующих в бунте имеретинцев» числится казенный дворянин Сосика Яшвили. В графе «Преступление их по донесению окружного начальника» сказано: «Во время бунта ездил по селениям для возмущения народа, приводя оной к присяге, и во всех отношениях является первейшим действующим лицом».—«Навсегда удалить из Имеретии в Сибирь на поселение»,—пишет свое заключение кн. Горчаков. Гогия, Нико и Берука Гамкрелидзе, которые по донесению окружного начальника «за все время участвовали в возмущении, да и прежде того, находясь в бегах, были назначены к изловлению за неповиновение начальству и грабительство».—«Отдать в службу солдатами без остановки или удалить на поселение»,—пишет снова Горчаков. Крестьяне Глахуна Бакурадзе и Берика Хотебашвили «были в числе первейших возмутителей народа, а последний и хейставом, то есть начальником шайки бунтовщиков».—«Удалить в Сибирь на поселение на вечно»,—таков приговор Горчакова (ЦАГ, ф. № 8, л. 916, л. 23).

В числе лиц, сосланных без суда распоряжением Вельяминова и других представителей кавказской администрации, были по Гурийскому восстанию дворяне Кайхосро и Зураб Сехниашвили, Леваника Кадагидзе, Симоника Асатиани, а по Имеретинскому восстанию дворяне Сосика Яшвили, Берука, Гогия и Ниния Отиашвили, Гамкрелидзе, Зураб Джапаридзе, Игнатий Какриашвили, Бежан Сехниашвили, Вахтангела Сванидзе, князь Бежан Пхеидзе, Гогия Пхеидзе (последний был сослан в мае 1823 г., видимо, он находился в бегах), крестьяне Глахуна Бакурадзе, Адама Челидзе, Микела Размадзе, Глахуна Бакурадзе, Берика Хотебашвили. Все они, а также Григорий Чичинадзе, Иван

Яшвили, Георгий и Шио Майсурадзе (последние два быв. священники) были сосланы в Иркутск. Крестьяне Берика Кобахидзе, Шошита Ткешелашвили, Харитон Кокеладзе, Лазаре Гвенетадзе были «назначены в Нерчинск в рудокопные заводы, куда и отправлены». Из них Кайхосро Сехниашвили, Гогия Гамкрелидзе, Бежан Сехниашвили, Сосика Яшвили и многие другие умерли в дороге, не доехав до места ссылки (по мат. ЦАГ, ф. № 5, д. № 3705, 1830 г., л. л. 16—28).

Аресты и ссылка продолжались еще долго. Некоторые из повстанцев, в том числе Бучуа Коркия, Николоз Замхарая, князь Гогия Пхейдзе были арестованы и сосланы только в 1823 году. Розыск и арест участников восстания, значительная часть которых укрылась в лесах и бежала из Имеретии в другие районы Грузии или даже в Турцию, доставляла правительству не мало хлопот. Поскольку сохранились только отрывочные, далеко не полные сведения о всех подвергшихся наказанию, то можно заключить, что число последних было во много раз больше. Репрессии, обрушившиеся на большое количество представителей различных групп населения, являются еще одним доказательством массового характера движения. Большинство арестованных погибло в тюрьмах и в далекой ссылке и только небольшой части их удалось впоследствии вернуться в Имеретию¹.

¹ В связи с окончанием русско-турецкой войны (1828—29 г.г.) император Николай I в 1830 году издал указ о возвращении из Сибири сосланных туда в разное время. В указе сказано: „Всех вообще без суда сосланных из сего края в Сибирь и другие места за измену, неблагонамеренность против Российского правительства и по политическим видам возвратить на прежнее жительство“. Амнистированным ссыльным возвращались остатки отобранных у них имений, „предоставляя им пользоваться оными на прежнем основании, исключая всех политических прав управления, противных общему устройству здешнего края“ (ЦАГ, ф. № 5, д. 3705). Указ своей целью ставил примирение правительства с дворянством, поскольку во время войны грузинское дворянство доказало свою верность царизму и немало дворян, отцы которых причастны были к восстанию, участвовали в войне с Ираном и Турцией и оказали не мало услуг русскому царизму. Указ распространялся и на участников Имеретинского восстания. Царское правительство обещало возвратить сосланным отобранные имения и предоставить им право пользоваться ими „на прежнем основании“. Однако, сколько-нибудь существенных результатов по возвращению отобранных имений указ не имел. Переписка по этому вопросу продолжалась почти 30 лет—до 1857 года.

Но и царские войска в борьбе с повстанцами понесли значительные потери. По далеко неполным данным, только в одной Гурии потеря царских войск убитыми и ранеными достигала 250—300 человек¹. В Гурии повстанцы захватили даже оружие, что было особенно чувствительно для царских войск.

Повстанцы не щадили и сторонников царского правительства. Усадьбы и хозяйства многих из них подверглись разграблению. Правительство, оберегая преданных ему князей и дворян, старалось компенсировать убытки, причиненные повстанцами. Общая сумма убытков только по Кутаисскому и Рачинскому округам, и то по неполным данным, составляла 3542 руб. 60 коп. Размеры убытков у отдельных князей и дворян достигали значительной суммы: у помощника нач. округа майора Ростом Чхеидзе—196 руб., у кн. Бесика Абашидзе—429 руб. 40 коп., у дворянина Гогия Чачиашвили—339 руб. 40 коп., у дворянина Спиридона Мдивани—106 руб., у армянина Ростом Гулашвили—110 руб., у подпоручика Ивана Бақрадзе—381 руб. 37½ коп., у священника Григория Джапаридзе—716 руб. 75 коп.

Большинства участников Имеретинского восстания к этому времени не было уже в живых. За это время значительная часть конфискованных имений перешла от казны в руки частных владельцев. С остальной частью казна не хотела расставаться. Кроме того, было трудно установить размеры конфискованных имений. Все это вызывало возражения со стороны некоторых представителей кавказской администрации, которые, между прочим, ссылались на обещания, данные Ермоловым крестьянам конфискованных имений, что они „никогда старым владельцам возвращены не будут“. В конце концов выяснилось, что вернуть имения наследникам старых владельцев было трудно. Тогда было решено компенсировать имения деньгами. Для компенсации требовалось до 600 тысяч рублей—сумма огромная по тому времени. Царская казна нужными средствами не располагала, и выплата была отложена „до благоприятного случая“. Обширная переписка по этому вопросу сохранилась в Архивном отделе НКВД Грузии (см. ф. о. в. д., д. № 14).

¹ По данным А. Гизетти, помещенным в „Хронике сведений о потерях Кав. войск“, стр. 15, во время Имеретинского восстания в 1820 г. царские войска понесли следующие потери: офицеров убито 3, ранено 3, взято в плен 1, рядовых убито 27, ранено 125, взято в плен 26. Однако эти данные значительно преуменьшены. Даже В. Потто, сведения которого тоже не полны, указывает на значительно большее количество убитых и раненых. По его сведениям, только в одной Гурии царские войска потеряли 209 человек убитыми и тяжело ранеными, из них у крепости Шемокмеди 103 человека и у Чохатаурского поста 75 человек.

Царское правительство, вознаграждая своих приверженцев за убытки, обычно не скупилось. Так, семействам дворян Николая Гамкрелидзе, Какуча Тавзарашвили и Николая Иоселиани, убитых повстанцами, даны во владение крестьяне: «вдове Николая Иоселиани в Шорапанском округе в сел. Цхалопореты три дыма, вдове Какуча Тавзарашвили Кутаисского округа в сел. Тусах четыре дыма и вдове Николая Гамкрелидзе в сел. Биго два и Сазано один дым» (ЦАГ, Истор. архив, 1874 г., д. № 627, л. 30). Князю Бесика Абашидзе дано 200 руб. деньгами и пожизненная пенсия, подпоручику Ивану Бакрадзе 15 дымов крестьян.

Характерна приписка Горчакова, сделанная в отношении кн. Григора Церетели, убытки которого достигали 300 рублей: «Так как вино разграблено его собственными крестьянами, находящимися в мятеже, то и отказывается» (ЦАГ, ф. № 8, л. 916, лл. 46—47).

Григор Церетели был одним из наиболее надежных агентов царизма. Он оказал не мало услуг правительству и неоднократно получал от него награды. Однако, в наказание за то, что он не сумел удержать своих крестьян от участия в восстании, ему отказали в вознаграждении за понесенные убытки.

Не получили никакого возмещения убытков также Эло Хананишвили и Осип Акопашвили, которые, как сообщал Горчаков, были «ограблены разбойниками, а не мятежниками за верность правительству» (там же, лл. 46—47).

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ВОССТАНИЯ

В борьбе с повстанцами царское правительство применяло не одну только вооруженную силу. Оно одержало вверх не только с помощью штыка. На всех этапах борьбы правительство стремится расколоть движение, чтобы его ослабить. Оно подкупает одних, маневрирует, уступая в критический момент, дает обещания, натравливает разные группы друг на друга.

Растерявшись в начале восстания, не зная, на кого опереться, правительство с особым усердием отмечает и награждает верных себе князей и дворян. Открытый подкуп применяется в отношении князей Церетели, рачинских князей Эристави, гурийских князей Накашидзе и других. Правитель Имеретии Курнатовский в одном из писем к Вельяминову просил «приласкать» Кайхосро Церетели секретным письмом и прислать для него «хороший не мало значащий подарок с письмом и несколько меньший для других с удостоверением о лучшей награде с чином подполковника с жалованием или что заблагоразсудится, ежели неизменно останется верным, это не будет потеряно» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 352).

Ответ на это письмо не заставил себя долго ждать. Курнатовский получил для раздачи подарки и письмо. В письме на имя Кайхосро Церетели Вельяминов писал: «Всякая же оказанная вами в сем случае услуга (речь идет о борьбе с повстанцами, Н. М.) приобретает вашему сиятельству от признательного начальства особое внимание и заслуги ваши не останутся без примерного награждения от щедрот монарших. Между тем в знак истинного моего к вам расположения препровождаю при сем посылку, состоящую из бриллиантового перстня. Прошу принять в память обо мне и в доказательство отличного моего к вам уважения» (там же, д. № 4, л. 374)¹.

Кроме этого перстня, ценой в 850 руб., были присланы для подарков: перстень ценой в 530 руб., 5 штук часов ценой от

¹ Получив подарок, Кайхосро разоткровеничился, без стеснения выдавая царскому правительству все, что знал о восстании. «Знаком такого к нему внимания казался он быть весьма довольным, — доносил Кур-

200 до 360 руб. и несколько кусков сукна. Эти «подарки» предназначались, как сообщал Вельяминов, «для тех из имеретинских князей, коих признаете полезными к усилению в земле партии нам полезных» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 369).

Правительство, явно переоценивая роль дворянства в движении, пугало его отобранием имений. «Если к несчастью будет всеобщий бунт»,—писал Курнатовский рачинскому окружному начальнику 27 февраля 1820 года,—то вы можете посредством лазутчиков разглашать между князьями и дворянами, что кто из них не уймет своих подданных, то объявлено будет, что у таковых отберутся крестьяне в казну и если кто действительно не может своих крестьян унять, то чтобы прибегали к правительству, которое употребит на то войска. Таковые тайные разглашения устрашат князей и дворян и опасение потерять свои имения заставят поневоле обратиться к покровительству правительства. Но разглашения таковых между черным народом отнюдь не делать, ибо тогда народ только для того и бунт будет делать, чтобы выйти у князей и дворян из подданства, чего никогда не может быть в виду у правительства, а потому такого рода разглашения делать весьма осторожно, чтобы вместо предполагаемой пользы не вышло больших бедствий» (там же, д. № 4, л. 619).

При конфискации и передаче казне имений некоторых непокорных помещиков правительство стремилось внушить крестьянам, что это мероприятие полезно крестьянству и чуть ли не освобождает его от крепостной зависимости. Крестьянам князей Яшвили, имение которых отобрано в казну, было объявлено, «что они впредь никакого повиновения и ни в каком случае отношений с ним иметь не должны» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, л. 480).

Ермолов предложил имеретинскому правлению Вахтанга «объявить изменником государству, имения его взять в казну, внушив жителям оного, что они, получив свободу (!) не только не должны ему повиноваться, но и поступать с ним, как с злона-
натовский,—и когда я обнадежил его в вятих наградах, если он окажет на деле усердие свое и услуги правительству, объявил он, что имеретины действительно имеют намерение поднять оружие против войск наших... что время к проведению такого злого их намерения еще не определено». Стремясь оклеветать своего личного врага Зураба Церетели, Кайхосро говорил «что он (Зураб, Н. М.) в числе заговорщиков,... а как сильнейший здесь, он должен быть из них первым» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 574).

деем, подтвердив им, что они никогда возвращены ему не будут» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 450).

В апреле 1820 года имеретинское правление на основании предложения Ермолова постановило: имения князей Николая и Ивана Абашидзе, царевичей Давида и Вахтанга Багратиони¹ «отобрать в казну, объявив при том свободу и независимость их крестьянам» (там же, д. № 5, л. 422).

Такие конфискации довольно часто применялись в Имеретии и они служили не только формой репрессии против непокорных феодалов, но проводились также в целях обогащения казны и награждения князей и дворян, отличившихся преданностью русскому царизму. Никакой «свободы и независимости» эти мероприятия для крестьян не представляли, так как взамен помещика крестьяне попадали в кабалу царской казны. Однако в первое время эта перемена могла влиять на некоторые слои крестьянства, возбуждая в них ложные надежды об улучшении их положения. Видимо, опираясь на эти настроения, при том явно раздувая их значение, Ермолов писал: «Мужики в восхищении были, когда объявлено им, что они помещикам своим более принадлежать не будут» (Ермолов, Записки, ч. II, стр. 110).

Однако видя, что крестьяне активно выступают против крепостничества и ведут борьбу с помещиками, особенно против тех из них, которые были верны русскому царизму, Ермолов бьет отбой и угрозами стремится удержать крестьян в подчинении у помещиков: «Объявляю народу, — писал он в своем обращении к населению, — чтобы не выходил он из послушания помещиков, кои будут непоколебимы в верности к великому государю» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 591).

¹ Иван Абашидзе, а также царевич Вахтанг бежали в Турцию. Давид был найден в лесу и убит во время стычки. Царевич Давид был внуком царя Александра, сыном царевича Баграта, после него остались два малолетних сына Бери и Теймураз. Вахтанг был сыном царевича Ростом, внебрачного сына царя Давида Георгиевича. (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 241, л. 271).

Царское правительство зорко следило за всеми действиями Вахтанга. В переписке министерства иностранных дел, относящейся к 1835 году, сообщалось, что племянники царя Соломона Вахтанг и Таризель приехали из Константинополя в Париж, там же говорилось, что они имели переписку с известным ученым акад. Броссе, который якобы сочувствовал их политическим замыслам (Акты, т. VIII, стр. 962).

Исход борьбы в большей мере определялся и тем, что противоречия между различными социальными группами—участниками восстания сразу приняли острые формы. Протестуя против военно-оккупационного режима и колониальной эксплуатации, установленной русским царизмом в Имеретии, крестьянство с немалой силой выступает против крепостнического гнета и его усиления, тем самым создавая угрозу феодально-помещичьему строю в Имеретии.

Значительная часть высшего дворянства с самого начала восстания оказалась на стороне царизма. К этой группе дворянства принадлежали прежде всего князья Церетели и Эристави в Имеретии, владельцы князья Гурии и Мингрелии, почти все высшее дворянство Мингрелии, а в Гурии князья Накашидзе, Гугуава и др.

Другая часть дворянства, которая участвовала в движении, не могла объединить массы, т. к. игнорировала интересы крестьянства, выступая с защитой отживающих форм хозяйства и феодальных привилегий, противодействуя всяким стремлениям не только к отмене, но и к смягчению крепостнической эксплуатации. Поведение имеретинского дворянства было еще более близоруким и узко-сословным, чем позиция польской аристократии в период восстания 1830 г., о которой Энгельс говорил, что «она оставляла неприкосновенным рабство, благодаря которому крестьяне опускаются до положения скота» (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 265).

Имеретинское дворянство сомкнулось с реакционным духовенством Имеретии. Ограничиваясь требованием, хотя глухо и в туманной форме выраженным, восстановления Имеретинского царства, она не могла пользоваться симпатиями и поддержкой крестьянских масс. К этому дворянству целиком применимы слова товарища Сталина, который писал: «...после присоединения Грузии к России грузинское дворянство почувствовало, как невыгодно было для него потерять старые привилегии и могущество, которые оно имело при грузинских царях и, считая «простое подданство» умалением своего достоинства, пожелало «освобождения Грузии». Этим оно хотело поставить во главе «Грузии» грузинских царей и дворянство и передать им таким образом судьбу грузинского народа! Это был феодально-монархический «национализм» (Сталин, Как понимает социал-демократия национальный вопрос. Жур. «Пролетарская революция», 1939 г. № 4, стр. 66).

Поэтому расстановка классовых сил и позиция крестьянства во время Имеретинского восстания во многом напоминает картину, данную Энгельсом по отношению к крестьянской войне 1522 г. и польскому восстанию 1830 года. «Как в 1830 г. в Польше, так и в 1522 г. в Германии дворянство уже не могло привлечь на свою сторону крестьян. Заставить сельское население примкнуть к дворянству могла лишь полная отмена крепостного права и зависимых отношений и отказ от всех дворянских привилегий, но, подобно всякому привилегированному сословию, дворянство не чувствовало ни малейшей охоты добровольно отказываться от своих прав и преимуществ, от своего привилегированного положения и большей части источников своего дохода» (Энгельс, Крестьянская война в Германии, 1839 г., стр. 80).

Не рассчитывая добиться своих целей с помощью внутренних сил страны, часть феодалов ориентировалась на Турцию, была связана с турецкими беками и рассчитывала осуществить свои устремления с помощью турецких войск.

Это обстоятельство не могло снискать этой группе поддержки народа, в памяти которого были живы кошмарные картины времен хозяйничанья турок в Имеретии.

Как только обнаружился антикрепостнический характер движения и крестьяне начинают выходить из повиновения помещиков, последние спешат под крылышко царских войск, поощряя их на кровавую расправу с повстанцами, оказывают царским войскам вооруженную помощь и содействуют поражению восстания. Только незначительная часть феодалов, не рассчитывая на примирение с правительством, продолжает сопротивление. Но, отстаивая свои узко сословные, кастовые интересы, лишённые поддержки массы, они долго держаться не могли, их руководители попадают в руки царских войск или скрываются в Турции (Иван Абашидзе, царевич Вахтанг и др.).

Дворянство Имеретии становится покорным слугой русского царизма. Утрата прежних прав по управлению страной, разрушение башен и крепостей, расшатывая феодальную замкнутость, лишали его былого могущества. Это дворянство, сохранив привилегии помещиков, постепенно включалось в ряды военной бюрократии дворянско-помещичьего монархического государства.

Крестьянство, не имея в тот период подлинного вождя и организатора, неспособно было только своими силами ни опрокинуть крепостнические порядки, ни успешно завершить борьбу против русского царизма.

Приостановкой описи церковных имуществ и проведения церковной реформы, обещанием «свободы» и «независимости» и другими маневрами царскому правительству удалось не только перетянуть на свою сторону дворянство, но и ослабить напор крестьянства. Царское правительство ловко использовало также ненависть имеретинского народа к султанской Турции. Борьба против русского царизма совсем не воодушевляла перспектива подпасть под ярмо Турции, а такая опасность существовала.

Восстание потерпело поражение, но оно не пропало бесследно, являясь могучим протестом против колониального и крепостнического гнета. Оно показало силу народного движения и значительно умерило колониальные аппетиты царизма. Восстание заставило царское правительство приостановить проведение церковной реформы, которая влекла за собой увеличение крестьянских повинностей и усиление колониального и крепостнического гнета. Правда, реформа впоследствии была проведена, но в гораздо более урезанном виде, чем это предполагалось указом 1818 года. Проведение некоторых мероприятий затянулось до сороковых годов¹.

Впоследствии правительство не решалось уже так опрометчиво, как раньше, накладывать новые налоги и вообще ухудшать положение населения. Урок восстания не прошел для него даром. Когда экзарх Грузии решил снова увеличить налоги и правитель Имеретии Горчаков запрашивал по этому вопросу

¹ Особенно долго тянулось разрешение вопроса об освобождении духовенства от крепостной зависимости. Закон 1808 г. получил распространение на все районы Закавказья только в 1837 году. В Имеретии же, как сообщал экзарх Грузии Евгений Головину, духовенство „только в 1838 году получило свободу от крестьянства своих помещиков“, причем духовенство было освобождено без земли (Акты, т. IX, стр. 105). Неудача постигла и мероприятие по сокращению церквей и церковнослужителей. Правительству приходилось вновь и вновь возвращаться к этому вопросу. Дело долгое время дальнейшего составления проектов не шло. В одном из этих проектов, составленном в 1835 году, имеретинское правление находило нужным провести сокращение церквей и приходов так, чтобы „к каждому из них принадлежало не менее 300 дымов крестьян и составляли бы все оные в округности не более 10—15 верст“ (Акты, т. VIII, стр. 434).

кавказское начальство, Ермолов разъяснял, что «по недавнему весьма успокоению страны, испуганной по невежеству одним лишь описанием для приведения в известность церковных имуществ, нельзя, не подвергаясь опять возобновлению беспокоить, — там в короткое время приступить или к умножению налогов, или даже к превращению в деньги тех податей, кои прежде сего вносимы были произведениями земными». Выражая уверенность, что «никаких новых налогов» или отяготительного перевода их на деньги без согласия Вельяминова сделано не будет, Ермолов заключает: «Имеретинское духовенство готово исполнить всякое от него требование или угодливости ради... или по неблагонамеренности приготавливая новые беспокойства» (ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 611).

И через несколько лет, в 1825 году, когда грузино-имеретинская синодальная контора дала предписание «Об учинении новой переписи церковным крестьянам и имуществу и об уничтожении всех без изъятия моуравов церковного ведомства в Имеретии», Ермолов не советовал его проводить, и, опасаясь, что проведение этого мероприятия может вызвать новое недовольство народа «ожидающим быть может и от одной уже новопроводимой переписи увеличения их податей, тягостных для них и в настоящем количестве, о чем при каждом взимании с них оных не престают они доводить до сведения управляющего Имеретией, произведет новую бурю в недавнем времени, столь дорого земле стоящую и неприятную правительству». Дальше Ермолов, добываясь контроля над распоряжениями церковного начальства по вопросам обложения населения, обращал внимание и на внешне-политическое значение этого вопроса. «Если бы вы, — писал Ермолов архиепископу Ионе, — признали нужным знать мое мнение, то я с охотой служил бы вам оным, соображениями уже не с одними местными... обстоятельствами известными до некоторой степени и правителю церковного достоинства в Имеретии, но и с внешними видами политическими, знать которое более имеет возможность гражданское ведомство противу духовного и пренебрежение коими нередко влечет за собой гибельные последствия» (Акты, т. VI, ч. I, стр. 614. Письмо Ермолова архиепископу Ионе 15 апреля 1825 г.).

Однако, было бы неправильно объяснять такую позицию Ермолова и гражданского начальства только боязнью народного восстания или тем более стремлением не допускать увеличения

налогов с населения. Ермолов учитывал, что безграничная алчность церковников уменьшала платежеспособность населения, сокращала доходы царской казны, поэтому правитель Имеретии Горчаков при содействии Ермолова всемерно стремился заполучить сбор церковного налога в свои руки, чтобы, передавая известную часть налога церковному начальству, остальное обратить в пользу царской казны.

Воспоминания о восстании доставляли не мало беспокойства царскому правительству, его грозный призрак еще долго пугал ретивых колонизаторов¹.

Восстание в Имеретии явилось частью борьбы поработенных народов царской России за свое освобождение. Антикрепостническая борьба крестьянства, развернувшаяся во время восстания, по содержанию смыкалась с широким крестьянским движением, происходившим в различных районах обширной российской империи, подрывая основы крепостнического государства и ускоряя падение крепостного строя в России.

¹ Насколько серьезно опасалось царское правительство Имеретинского восстания и какое большое значение придавало его подавлению, видно и из того, что Александр I находил нужным особо отметить заслуги организаторов и активных участников подавления восстания.

Посылая Ермолову орден св. Владимира I степени, Александр писал: „Усмирения Дагестана, Имеретии, Мингрелии и Гурии, оставаясь памятниками управления вашего в краях вам вверенных, вместе с тем приобрели вам право на собственную признательность нашу“ (цитир. по книге П. Зубова, Подвиги русских воинов в странах Кавказских, ч. III, стр. 311).

Начальнику военной экспедиции А. А. Вельяминову царь писал: „Отличное служение ваше, благоразумные распоряжения во время прекращения бунта в Имеретии и Гурии и труды, носимые вами по званию начальника штаба отдельного кавказского корпуса, обратили на вас особое внимание“. Вместе с этой грамотой А. Вельяминову был послан орден св. Анны I степени (там же, стр. 312).

Такою же награду получил И. А. Вельяминов, — брат А. А. Вельяминова,

Посылая ему орден св. Владимира большого креста второй степени, царь писал: „Отличные труды ваши, ревностное исполнение возложенных на вас обязанностей, и благоразумное распоряжение, оказанное при прекращении мятежа в Имеретии, обращают на себя наше внимание“ (там же, стр. 313).

Не был забыт и М. Гуриели: „Непоколебимая верность, сохраненная вами престолу нашему при возмущении Мингрелии и Гурии, ныне счастливо прекращенном, содействие, оказанное вами при сем случае победоносным войском нашим, обращают на вас монаршее наше внимание“, — писал царь (там же, стр. 313).

В награду за верную службу Гуриели получил при этом орден св. Владимира II степени.

Далеко не локальный характер Кавказских событий, их связь с настроениями народных масс за пределами Кавказа нередко чувствовали и представители царского правительства. «Внутренние беспокойства,— писал Ермолов императору,—гораздо для нас опаснее. Горские народы примером независимости в самых подданных в. и. в. ...порождают дух мятежный и любовь к свободе» (Ермолов, Записки, ч. II, стр. 75).

То, что говорится здесь о горских народах, бесспорно, относится и к Грузии, являвшейся крупнейшим очагом революционно-освободительного движения на Кавказе.

Поэтому так спешило царское правительство любой ценой ликвидировать Имеретинское восстание. С подавлением восстания правительство получило возможность усилить борьбу с горцами. «Население успокоилось и Ермолов снова мог приступить к исполнению своего плана по усмирению Дагестана»,—пишет царский историк Н. Дубровин (История войн и владычества русских на Кавказе, т. VI, стр. 435).

Став частью Российской империи, Грузия окончательно вышла из под власти Турции и Ирана. Присоединение к России спасло Грузию от поглощения ее султанской Турцией и шахским Ираном. По своим объективным результатам это явилось наименьшим злом.

Но царская Россия была тюрьмой народов—средоточием колониального, крепостнического, а позднее и капиталистического гнета. Свободолюбивый грузинский народ никогда безропотно не сносил тяжесть царского ярма. Он вместе с русским народом, ведя длительную борьбу против русского царизма, дал не мало ярких примеров мужественной борьбы за свободу.

Реальные возможности подлинного освобождения у грузинского народа появились лишь после того, как место обанкротившегося дворянства, укрывшегося под крылышком русских колонизаторов, и слабой, трусливой национальной буржуазии, проводившей линию на соглашение с царизмом,—занял рабочий класс, поднявший трудящиеся массы на штурм царизма, капиталистического рабства и национально-колониального гнета.

Великая Октябрьская социалистическая революция, ликвидировавшая все виды гнета, раскрепостила ранее угнетенные народы, обеспечила их культурно-экономический расцвет и приобщила к великому социалистическому строительству.

ПРИЛОЖЕНИЯ¹

¹ В приложении дается только часть документов Имеретинского восстания, имеющих в Архивном Отделе НКВД Гр. ССР (б. ЦАУ Груз. ССР). Приводимые документы публикуются впервые.

9. მასალები საქ. და კავკ. ისტორიისათვის, 1942 წ., ნაკვ. III.

Извлечения из описей церковных крестьян, принадлежавших разным епархиям в Имеретии¹.

Сел. Хони и Кухи, 15 дымов, принадлежащие Кутаисской епархии. О них в описи сказано:

«1. Крестьяне селений *Хони* и *Кухи*, по грамотам у них имеющимся значатся принадлежащими Илорской св. Георгия церкви (что в Абхазии), а по спискам г. окружного начальника записаны за казною с 1814-го года, по воле имеретинского временного правления платят подать казне: *Хонские* по 2 рогатых скотины и 2 барана, а *Кухские* по 2 марчила с дыма и 1 рогатую скотину; церкви же те и другие платили доселе по 1 только марчилу, или же 26 коп. серебром с дыма, каковую собирал с них Илорской церкви протоиерей Михаил Мерчули.

2. Моураву кн. Сехния Цулукидзеу с каждого дыма платили они в год по 4 курицы, по 2 тунги вина и по 1 батману гоми.

При нынешнем описании оставлены на прежнем положении».

Сел. Матходжи, 29 дымов:

«1. Описанные здесь крестьяне селения Матходжи, состоящие из 28-ми дворов, кроме 1-го дыма церковного дворянина Бучуа Ратиани, который и прежде ничего не платил и ныне ни-

¹ Описи были составлены в связи с церковной реформой в Имеретии на основании царского указа 28 декабря 1818 г.

Описи содержат сведения о составе семей крестьян и частично о размерах их землепользования (размеры садов, количество земель). В конце описания каждого селения в форме примечания даются суммарные данные о размерах крестьянских повинностей до и после реформы.

Ввиду большого объема материалов, а также ввиду того, что эти материалы частично были опубликованы (см. гл. I настоящей работы), мы приводим из описей только итоговые данные примечаний, как яркую иллюстрацию подлинной сущности церковной реформы по отношению к широким массам крестьянства.

чем не обложен,—платили в пользу церкви вином, гомиею, воском и живностью; сверх того была возложена на них обязанность угощать епархиального архиерея во время его к ним приезда, и плата моураву; что все приведя в известность и обратя по существующим здесь ценам в деньги, стоило каждому дыму в год от 3-х до 4-х рублей серебром, а со всех до 94-х рублей.

2. При нынешнем описании обоброченны все 28 дымов, взамен прежде бывшей на них повинности вышесказанными продуктами,—сто шестьдесятью восемью рублями серебром каждого дню и положительно.

3. Здесь собирается также с оставшегося от вымороченных церковных крестьян на деревьях виноградника, в пользу церкви по несколько кок вина. Доход сей неопределителен и при хоршём урожае может приносить на 10-ть только рублей серебром в год доходу.

4. Сабалахо, впусе лежащих земель и других угодий здесь нет».

Сел. Самтреди, 15 дымов:

«1. 15 дымов описанных здесь крестьян селения Самтреди, (кроме последнего, принадлежащего церк. дворянину), платили ежегодно в пользу церкви одними осетрами, от 2-х до 5-ти с каждого дыма, а со всех 48 осетров, что оброст по существующим здесь ценам в деньги за каждого по 78 к. сер. составляло 37 р. 40 к. серебром.

2. При нынешнем описании обложены они взамен прежде бывшей на них повинности натурою, каждогодно и положительно по *шестидесяти рублей серебром*, начиная с будущего 1820 года, потому что за 1819-й они почти всю подать уже заплатили натурою.

3. Сабалахо, церковных земель впусе лежащих и других угодий принадлежащих церкви, здесь нет.

4. Крестьяне селения *Самтреди* кроме известного количества участков земли церковной, которой у них в обрабатывании весьма мало занимаются по большей части ловлею по реке Риону.

Сель. Мухагруа, 17 дымов:

«1. Описанные здесь крестьяне хотя и обязаны были платить церкви подать *вином* от 5 до 7 кок; *гомиею*, от 4-х до 6 батманов; *воском* от 2-х до 4-х фунтов, а некоторые по 1 р. с дыма за баранов. Что все обратя в деньги составляло ежегодного доходу до 38-ми рублей серебром, по чрезмерной их бедности духовное начальство близу 12 лет не брало с них никакой подати.

При нынешнем описании обложены они в числе 17-ти дымов (кроме ¹ крестьянина Ивана Лосаберидзе и детей здешняго священника Андрея Кубанейшвили, из коих первый по неимению никакой собственности, а последний по силе царских грамот избавлены от общей повинности) — ежегодно, *по пятидесяти одному рублю серебром*».

Сел. Баши, 30 дымов:

«1. Описанные крестьяне селения Баши ¹ кроме церковных дворян платили ежегодно подать церкви вином, хлебом, воском, живностью и прочими мелочами. По обращении всего в деньги простиралась она до 90 рублей серебром.

2. При нынешнем описании обложены вместе с детьми и родственниками здешних священнослужителей, остающимися в крестьянском состоянии в числе 30-ти дымов (кроме церк. дворян ²) в пользу церкви ежегодно и положительно сту пятьдесят рублей серебром; начиная с будущего 1820 года».

Сел. Парцханаканеви, 9 дымов:

«1. Крестьяне селения Парцханаканеви платили доселе подать церкви вином и гомием, что все составляло не более 8-ми рублей серебром.

2. При нынешнем описании обоброчены они в числе 9-ти дымов в пользу церкви ежегодно и положительно взамен прежде бывшей на них повинности продуктами по 24 рубля серебром.

¹ Зачеркнуто: „кроме церковных дворян и родственников священнослужительских ежегод“.

² Зачеркнуто: „кроме церковных дворян и родственников священнослужительских из коих первые те и другие кои ничем не обложены“.

3. Здесь есть пустопорожня земля (прежде обрабатываемая), после утопшего бездетного церковного крестьянина Еселья Кучухидзе, у которого хотя и остался наследником брат Окропир, но проживает с давнего времени в Грузии».

Сел. Маглаки, 26 дымов:

«1. Крестьяне селения Маглаки, составляющие 26 дымов платили церкви подать вином, хлебом и гомиею, которая по приведении в известность и по обращении в деньги, простиралась до 70-ти рублей серебром.

2. При нынешнем описании обложены они податью ежегодно и положительно по *сти четыре рублей серебром*; начиная с 1819-го года».

Сел. Хони 64 дыма, принадлежащ. Хонской епархии:

«1. Описанные здесь крестьяне платили прежде сего церкви подать разными продуктами, как-то: хлебом, вином, бобами, гомиею, живностью и другими тому подобными мелочами, что все приведя в соображение и обрат в деньги, примерно составляло до 180-ти рублей серебром.

2. При нынешнем списке взамен всего вышеписанного, обложены с их согласия ежегодно и положительно в пользу церкви, по *триста пятидесяти рублей серебром*, обязуясь сверх того обрабатывать попрежнему церковные земли и делать другие пособия церкви.

3. Подать сия будет не раскладываема на те 4 дыма, от коих находятся служб. при архиерейском доме.

4. Повинность под названием *Сабалахо*, здесь не существует.

5. Здесь есть пошлинный сбор под названием Бажи с продаваемых на базаре разных товаров, как-то: хлеба, скота, соли, посуды и других продуктов, привозимых жителями из смежных с оными селениями мест. Статья сия приносит доходу примерно до 50-ти рублей сер. в год»¹.

¹ Зачеркнуто: „При нынешнем описании вызвались взять статью сию в откупное содержание на год (зачеркнуто: „казенный“) деоряне: казенный Гавриил Кавтарадзе и церковный Михаил Кутателадзе, с платежом за оную *47-ль рублей серебром*; (зачеркнуто: „которую“) кои и обязались взносить с 12-го июня сего 1819 года к управляющему Хонскою епархиею“.

Сел. Кухи, 16 дымов:

«1. Крестьяне селения Кухи платили доселе в пользу церкви такую же подать, что и Хонские; которая простиралась до 40 и только рублей.

2. При нынешнем описании обложены они положительною повинностью по 70-ти рублей серебром ежегодно».

Сел. Иван-Диди, Кунтуети, Нахахулеви,
18 дымов:

«1. Крестьяне сих трех селений платили прежде сего подать церкви вином, хлебом, живностью, воском и прочими мелочами, что все обрат на деньги простиралось не более как 40 рублей серебром в год.

2. При нынешнем описании все три селения: *Иван-Диди, Кунтуети и Нахахулевы*, составляющие 18 дымов обложены совокупно взамен прежде бывшей на них повинности, в пользу церкви по 85-ти рублей серебром ежегодно и положительно».

ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, лл. 100—118, 196—222.

1. 1819 г. июля 14. Письмо жителей Шорапанского и Кутаисского округов к правителю Имеретии ген. Курнатовскому с изложением причин их недовольства церковной реформой.

Отечская попечительность ваша удостоверили нас, ваше превосходительство! Приличной благодарности мы одни не в состоянии принять на себя принести вам: но предоставляем первым нашим посланным и посредникам и мы следуем верноподданству до капли крови нашей, но как архиерейство есть образ христа, то всякое принуждение нас удостоверяет в его действии и доносе, примеры коего принадлежит нам и много еще нами слыхано, который во умножение ненависти к нам, будучи воспитан по риторике, предался малодушию, какую собратья его архиереи наши имели письменно обязанность или по словам вообще народа доверенность с чином своим, чтобы ни архиереи не могли лишиться обыкновенного своего положения или: чтобы кроме изчисления общества и приведения в известность епархиальных доходов не прибавляли подати, или бы приступили к учреждению штата, но до окончания описания и одной стороны не дал нам свободы, и не вытерпев нарушили в короткое же время свое обещание и письмо. словами в то же время нападением хотел он исполнить и разрушить все наши попечения душевное и телесное и учреждение наше со времени христа основанное, желая различным образом учредить, кто имели от царей бумаги на свободу, оные сделали бесполезными, описав их платящими, некоторых благородных письмоводители написали мужиками, священников сделали свободными, почему хозяева их многие предались большой скорби, а другие кроме их никого не имели, кто из нас 4-е или 5 турецких пар должны были церкви принадлежащих по бедности нашей или чего либо другого, то в десятеро написали на нас, как сие малое количество так и все обязанности наши умножили и много разных невозможных дел сами объясняли умножая еще более, что учреждению штата не последует, какового учреждения штата ни легко ни мало принять мы на себя не можем, показывали еще и то, что не только с покорностью мы на себя принимаем, но по не-

имению у нас способов, всю Имеретию плюновением якобы обратит в бегство Парсадан Цицианов и какого мерзкого ругательства никто еще не произносил имеретинцам и донесено вами быть не может так они нас ругали и гневным голосом угрожали истреблением семилетних подданных, кроме Михаила Микадзе Палавандова и если бы они были так присланы от государя императора, то могло бы быть гораздо менее, но уповаем несомненно, что всемилостивейший государь не изволит принимать нас последние жида поелику не мерзче закон наш ниже учреждение духовное и телесное и не переменит 1819 лет обычного дела, почему просим ваше превосходительство и наставляем в обязанность дабы вы представили сие наше прошение куда следует и непременно приписали бы прошение наше собрания общества тому дабы обыкновенная вера наша и учреждение не могло поколебаться, а неповиновению, которое между прочими произвести может по злонамерению препятствие нам и донос, если благое намерение вашей попечительности не защитит нас, а потому с повторением просим во благо окончить прошение наше, как вы оказали нам удостоверение по первому прошению нашему, так и чтобы мы не могли подвергнуться под духовную власть кроме учреждения нашего. С подлинного верно не прибавляя и не убавляя списал я дворянин Бежан Чхеидзе.

ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, лл. 163, 165.

2. Письмо жителей Рачинского округа окружному нач-ку майору Цацне
с изложением причин их недовольства

М-му 1-рю

От рачинских князей, дворян и мужиков нижайшее донесение, по которому мы собрались, было нами объявлено не продавать и не делать пороху, что мы при царе служили, от того мы не отказывались, 9 руб. сауро было, 6 руб. мясное, 2 коды хлеба, 2 касри вина, у дворян же, которые имели крестьян, хелосана и моджалабе оставались, имеющему одного, половина, имеющему двух, один, ни нанимать лошадей, ни давать сена не обязаны были мы.

Мы на вашем языке отвечать не умели, пришли просить, без исследования вы нас арестовали. При нашем государе не были мы обложены арестом, а были уважаемы, от того же, что мы служили при нашем государе, если на том порядке оставите нас, ни от чего не отказываемся. Определенных вами к нам чиновником Бежана Яшвили и Датики Мерабишвили иметь нам уже не угодно. Что выше сего письма написано, если на то не согласитесь, то нам невозможно. Сие наше сборище его высокопреосвященство Николай Цмиядели разрушил и о крайности нашей он вам донесет, как нами умоленный.

По просьбе вышеупомянутых рачинцев Сорисджварского монастыря настоятель Иоанн подписуюсь.

Переводил майор князь *Бebutov*.

ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, лл. 541—541.

3. 1819 г.¹. Список участников Имеретинского восстания.
(По донесению экзар. Феофилакта)

Имена главнейших зачинщиков народного в Имеретии
возмущения, случившагося в 1819-м году.

ИМЕРЕТИНСКИЕ КНЯЗЬЯ И ДВОРЯНЕ:

Князья:

1. Бежан Церетели, племянник митрополита Кутатели Досифея.
 2. Иван Кайхосров
 3. Николай Ростомов (Пинезов)
 4. Давыд Габуашвили
 5. Георгий Габуашвили
 6. Иван Давыдов
 7. Капитан Николай Амегабаришвили
 8. Брат его Давид
 9. Иван Еристов Хухуташвили
 10. Кутум Микеладзе
 11. Леван Цулукидзе
- } Абашидзе

Дворяне:

12. Григорий Чхеидзе
 13. Пираи
 14. Иван
 15. Хахута Кикнадзе Хухуташвили
 16. Леван Кокочашвили
 17. Давыд Кахадзе
 18. Симон Мачевариани
 19. Подпоручик Бежан Кикнадзе Кориелашвили
 20. Сачино Джапаридзе
 21. Поручик Паата Кикнадзе
 22. Священник Иосиф Гунцадзе
- } Гунцадзе

¹ Месяц и число не указаны.

23. Теймураз Сакварелидзе

24. Сехния Цулукидзе

25. Давыд Микеладзе

} Хотя находились с чиновниками описывавшими в рачинском округе, но есть и на них большое подозрение.

Князья и дворяне, отличившиеся усердием к российскому правительству, и способствовавшие укрощению бунта:

1. Салтхуцес, генерал-майор князь Зураб Церетели

Сыновья его:

2. Симон

3. Григорий, майор

4. Кайхосро

5. Ростом

6. Бери

} Церетели

7. Помощник Рачинского окружного начальника князь Мераб Цулукидзе.

8. Дворянин Иосиф Чичинадзе

Феофилакт Экзарх Грузии.

ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, лл. 72—75.

4. 1819 г. августа 27 (сентября 8). Описок участников Имеретинского восстания. (По донесению ген. м-р. Сысоева)

Звание мятежников	Кто что делал	Кто из них по- лучает пенсию
<i>Митрополиты:</i>		
Кутательский Досифей и Генательский Эптимий и все окружающее их духовенство.	Повидимому, они, опасаясь лишиться тех доходов, коими пользуются неправильно, и занимаемого ими места, распустили слухи, будто бы рос. правительство чрез описание экзархом в Имеретии имеет в виду для имеретин невыгодные намерения, т. е. взять из них в солдаты, ограбить драгоценности церковные, отобрать от князей и дворян собственных попов и т. п., чем самым раздражали народ и подали повод к возмущению.	
Кутаисской округи		
<i>Сел. Деликаури</i>		
Кн. Давид, Григорий и Леван Абашидзе.	Главнейшие возмутители народа, принуждавшие их к волнению и скопищу.	
<i>Волости Окриби</i>		
Кн. Георгий и Бержан Пхеидзе.	Составив себе мятежнические партии, ходили по селениям и притесняли народ.	

Звание мятежников	Кто что делал	Кто из них по- лучает пенсию
<p>Сел. <i>Сакаро</i> Кн. Зураб Аба- шидзе.</p>	<p>Подобно всем однофа- мильцам предводительство- вал народным сборищем.</p>	
<p>Сел. <i>Сареми</i> Двор. Семен Ла- тидзе.</p>	<p>Собрав всех своих кре- стьян, присоединился к мя- тежникам и сверх того он замечен неоднократно в не- благонамеренных поступках.</p>	
<p>Сел. <i>Сакаро</i> Дворяне Саква- релидзе и Леван Кочичашвили</p>	<p>Главнейшие возмутители народа, неблагонамеренны- ми предприятиями споспе- ществовавшие их волнению.</p>	
<p>Сел. <i>Персати</i> Митрополита Ку- татели, моурав Ка- куча Абуладзе.</p>	<p>Первейшие мятежники во всем Кутаисском округе.</p>	
<p>Хреитский моурав кн. Николай Джа- паридзе</p>	<p>Со всем моуравством.</p>	
<p>Свирский моурав кн. Бежан Церетели, племянник митропо- лита Кутатели</p>	<p>Сам под видом привер- женности находился при митрополите Кутатели, но все его моуравство по его внушению было в числе главнейших бунтовщиков.</p>	
<p>Сел. <i>Хани</i> Свящ. Давид Ге- оргидзе.</p>	<p>Первейший зачинщик бун- та в Вакинском округе.</p>	

Звание мятежников	Кто что делал	Кто из них по- лучает пенсию
Шорапанский округи		
<p>Кн. Иван Абашидзе, кап. Николай Пензиев Абашидзе, Давид Габуашвили Абашидзе, и Георгий Абашидзе.</p>	<p>Главнейшие предводители народного сборища и первые зачинщики возмущения в Имеретии; за ними и теперь необходимо изпод руки замечание.</p>	<p>Кап. Николай Пензиев Абашидзе получает пенсию в год по 200 р. с. и удовольствован по 1-е число прошлого мая.</p>
<p>Двор-не Григорий Чхеидзе, Иван, Ростом, Пиран, Семен и свящ. Иосиф Гунцадзе. Двор. Гогия Табзаров, пор. Паата Кайхосров сын, Хахута Паатов сын и подпор. Бержан Кикнадзе.</p>	<p>Каждый из сих был главным руководителем мятежников и вынуждал народ к присяге в единодушии, угрожая им всяким несчастьем.</p>	<p>Пор. Паата получает пенсии в год по 100 р. с. и удовольствован с. г. по 1 генваря. Подпор. Бержан получает пенсию по 80 р. с. в год и удовольствован по 1-е прошлого мая.</p>
<p>Табакинского монастыря архимандрит Георгий Гунташвили.</p>	<p>Неблагоденными внушениями склонял народ к мятежу.</p>	
Рачинской округи		
<p>Из кн. фамилии Цулукидзе: Какуча Николаев сын, Зураб, Мераб и Кация.</p>	<p>Находились в мятежнических партиях и сами, и их крестьяне, а кроме их, прочих Цулукидзе только двор-не и кр-не.</p>	
<p>Все двор-не и кр-не, принадлежащие монастырю <i>Никор-Цминда</i>.</p>	<p>Сии составляли большую часть мятежнических скопищ в Рачинском округе.</p>	

Звание мятежников	Кто что делал	Кто из них по- лучает пенсию
Почти все князья из фамилии Иашвили и Кипиани.	Со всеми двор-нами и кр-нами находились в бунте и старались всякими мерами раздражать народ.	
Двор. Таргель Хейдзе.	Каждый из них при особой шайке делал разные беспорядки и непозволительные шалости в рассуждении приведения народа к присяге в единодушии с мятежниками.	
Дер. Шардомети. Житель Иван Джапаридзе. Казенный двор. дер. Парахети, житель Датика Бакурадзе.	Находившись в сборище волновавшегося народа в Рачинской округе, с великим жаром принуждали народ к принятию присяги в их единодушии, кто же противился сему, подвергали его злой участи, как напр. поступили с м-ром кн. Ростомом Эристовым, который, видя их упорство, оставил им. в добычу и деревню свою, дом и церковь.	
Дер. Крихи. Житель, кр-н Бучука Исакадзе. Дер. Баджи. Житель, Вахтангела Сванидзе.	Дер. Шафра. Житель, кр-н Микелети Размадзе.	
Дер. Апара. Житель, двор. Бержаника Гоциридзе.	Дер. Хотевы. Житель, двор. Шошика и Тазика Гоциридзе.	
Дер. Шафра. Житель, кр-н Микелети Размадзе.		
Дер. Хотевы. Житель, двор. Шошика и Тазика Гоциридзе.		

Звание мятежников	Кто что делал	Кто из них по- лучает пенсию
<p>Дер. Джвариси. Житель, двор. Горгита Церетели.</p>		
<p>Дер. Баджи. Житель, двор. О т и я Сванидзе</p>		
<p>Дер. Сакеция. Житель, двор. Лом- кацела Лежава.</p>		
<p>Дер. Они. Житель, двор. О т и - ела Георгобиа- ни.</p>	<p>Сии там же участвовал в грабеже имущества и церкви м-ра кн. Эристова и в принуждении народа к скопищу.</p>	
<p>Дер. Джвариси. Житель, двор. Ме- раб Церетели.</p>		
<p>Дер. Тлухи. Житель, кр-н Бу- чуника Кобахи- дзе.</p>		
<p>Вакинской округи Архиепископ Ан- тоний.</p>	<p>Он был первою причи- ною народного сборища в Вакинском округе; он от- казал, или лучше сказать, выгнал из Хони управляв- шего Хонскою епархией архимандрита Николая за то, что он исполнил пору- чение экзарха в рассужде- нии описания Хонской епар- хии.</p>	

Звание мятежников	Кто что делал	Кто из них по- лучает пенсию
<p><i>Монастырские кр-не.</i></p> <p>Двор. Микели Кутателидзе и Симоника Титберидзе.</p>	<p>Первейшие из всех мятежников во всем Вакинском округе.</p>	
<p>Кн. Леван Дулукидзе и Иван Дулукидзе Отиашвили.</p> <p>Кн. Давид Нариманидзе Николозашвили.</p> <p>Кн. Джабул Микеладзе.</p>	<p>Сначала делаемого описания церковному имуществу пришел в собрании со многими другими обывателями, первые объявили, что они не позволяют того делать, в противном случае будут худые следствия.</p>	
<p>Кн. Кайхоро Микеладзе Давидашвили</p> <p>Кн. Зураб Микеладзе Бучуашвили.</p> <p>Двор. Кохита Иоселияни.</p> <p><i>Гелатского монастыря.</i></p> <p>Кр-н Давид Николаишвили.</p> <p>Двор. Давида Амаглобели, кр-н Иваника Надиридзе.</p>	<p>Главнейшие мятежники в Вакинском округе, принуждавшие народ к сборищу и к принятию присяги в единомыслии с неблагонамеренными.</p>	

Подлинный подписал ген.-майор *Сысоев*.

ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, лл. 237—240.

Б. 1819 г.¹. Список князей и дворян, верных царскому правительству и оказавших последнему разные услуги в борьбе с повстанцами.

(Список составлен ген.-майором Сысоевым)

Список не участвовавших в мятеже, происходившем в Имеретии по приверженности к России и оказавшим свое усердие.

Августа дня 1819 года.

Кто именно	Какие оказаны ими особенные усердия
Кутаисского округа	
Князь Иван Эристов 14 лет имеет поместья в Кутаисском и Рачинском округах.	Удержал в обеих округах своих крестьян от мятежа и приводил их к присяге, чтобы не входили в сборища бунтовщиков, с объявлением, что он первый дерзнувшего к тому застрелит.
Брат его Ростом Еристов.	
Сел. <i>Теджоли</i> .	
Князь Давыл Багратион Батонисшвили ² .	
Сел. <i>Ванети</i> .	
Князь Вахтанг Багратион Батонисшвили ² .	Со всеми крестьянами не участвовали в мятеже и всячески старались об удержании их в спокойствии, усердствуя к российскому правительству.
. моурав князь Иесе Иашвили с братьями и со всем моуравством Вакусубанской моурав со всем моуравством.	

¹ Месяц и число не указаны. Надо предполагать, что список составлен летом 1819 г. во время пребывания Сысоева в Имеретии.

² О подлинной роли Давида и Вахтанга Багратиони в восстании см. в тексте, Н. М.

Кто именно	Какие оказаны ими особенные усердия
<p>Саранской моурав Бесика Абашидзе.</p>	<p>За всеми принуждениями со стороны мятежников не последовал в сборище, а сын его Кайхосро против воли отца был вообще с мятежниками.</p>
<p>Сакарский моурав Георгий Чочияшвили.</p>	<p>Мятежники после всяческих стараний, дабы склонить его к единомыслию не могли получить никакого успеха, связали его и отвезли в сборище, но он и оттуда бежал.</p>
<p>Чхарский моурав Леван Месхи. Рупотский моурав Гогий Абашидзе. Кванчирский моурав Окропир, а Накавидзе со всем моуравством, сел. Риони моурав Давыд Месхи.</p>	<p>Они не только не участвовали в волнении, но по усердию своему к России прилагали всевозможные старания к успокоению мятежа и к обращению народа в свои жилища.</p>
<p>Князь Иван, Давыд, Симон и Георгий Агиашвили.</p>	<p>Употреблялись для уговаривания мятежников в Окриби Кутаисского округа и успешно действовали.</p>
<p>Вакинского округа</p>	
<p>Майоры, князя Кайхосро, Хосия, и Симон Чхеидзе.</p>	<p>Употреблялись для уговаривания мятежников в Вакинском округе и вспомоществования их окружному начальнику майору Остроухову особенный имели успех.</p>

Кто именно	Какие оказаны ими особенные усердия
<p data-bbox="154 286 447 332">Рачинского округа</p> <p data-bbox="97 360 499 443">Князь Кайхосро Церетели с братом Ростомом.</p> <p data-bbox="97 517 499 600">Князь майор Георгий Еристов.</p> <p data-bbox="126 600 464 646">Князь Давид Еристов.</p> <p data-bbox="97 997 499 1081">Дворянин Гогия Бакрадзе.</p> <p data-bbox="97 1238 499 1358">Майор князь Ростом Еристов. Сын его Григорий Еристов.</p> <p data-bbox="97 1358 499 1441">Из дворян подпоручик Иван Бакрадзе.</p>	<p data-bbox="574 369 1050 489">Употреблялись для уговаривания мятежников в Рачинском округе.</p> <p data-bbox="574 526 1050 960">Когда мятежники насильственно принуждали крестьян их к присяге единодушия, они вывели людей своих из селения и устояли в твердости своей, при каковом случае разграблена церковь принадлежащая им и дом первого, равно некоторые жительские дома, а последнего сын ранил одного бунтовщика саблею.</p> <p data-bbox="574 1007 1050 1201">При том же случае, как мятежники насильственно принуждали Еристовых людей принять присягу, ранил из ружья мятежника.</p> <p data-bbox="574 1247 1050 1404">Не участвовали ни собою, ни крестьянами в мятеже старались бунтующих успокаивать и имели успех и особенно последний.</p> <p data-bbox="574 1561 1050 1718">Употребляли для уговаривания мятежников в Шорапанском округе и с особенным усердием действовал.</p>
<p data-bbox="126 1487 464 1533">Шорапанского округа</p> <p data-bbox="97 1561 499 1681">Генерал майор князь Зураб Церетели со всеми дворянами его.</p>	

Кто именно	Какие оказаны ими особенные усердия
Князья Давыд, Симон, Елизбар, Иван, Никола и Пиран Мачавариани.	Служат у окружного начальника помощниками и во время мятежа в Имеретии употреблялись для успокоения народа, оказали особенное усердие.
Дворянин Давид Сванадзе.	Служит у окружного начальника толмачем и с усердием способствовал в успокоении народа.
Моурав Семен Церетели.	Усердствовал во время приведения мятежников в спокойствие.
Князь майор Георгий Церетели.	Содействовал усердно при выведении из Рачи к Квирильской переправе 15 егерского полка роты.

Кроме сих нахожу, чтобы имел право на засвидетельствование его усердия, поелику прочие князья, дворяне и духовенство хотя старались казаться приверженными, но сия их приверженность была сумнительна по многим видам, исключая Хонской епархии архимандрита Николая, который заслуживает внимания тем, что успел было описать всю свою епархию по поручению экзарха Грузии и открыл мне главных бунтовщиков.

Подлинный подписал генерал-майор *Сысоев*.

ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 4, лл. 235—236.

6. 1821 г. Список лиц, понесших во время восстания материальный ущерб за приверженность царскому правительству с указанием вознаграждения. (Составлен ген. Горчаковым)

ВЕДОМОСТЬ

о разорившихся во время последнего бунта имеретинах, на какую сумму оные убытков потерпели, и каким числом по мнению моему предполагается удовлетворить их за то ныне.

По удостоверению окружных начальников потерпели убытков					По мнению моему предполагается удовлетворить их ныне
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
В Кутаисском округе					
1. Майор Ростам Чхеидзе пом. начальника.	196	—	100		После смерти даны три дыма крестьян.
2. Двор. его Бучуела Дидидзе.	30		30		
Каз. двор. Николай Гамкрелидзе.	48				
3. Кн. Бесика Абашидзе.	429	40	200		Дано по смерти пансиона.
4. Кр-нин его Глахуа Кватадзе.	20		20		
5. Двор. Гогия Чачиашвили.	339	40	150		Ибо даны ему несколько семейств после бунтовщиков
6. Двор. Ростом Мекишавидзе.	18	75	18	75	
7. Двор. Датика Чубанидзе.	15		15		

По удостоверению окружных начальников потерпели убытков					По мнению моему предполагается удовлетворить их ныне
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
8. Двор. Спиридон Мдивани.	106		75		<p>Ограблены разбойниками, а не мятежниками за верность к правительству, следовательно правительству им давать вознаграждение не обязательно</p> <p>Ничего не давать, ибо при приближении мятежников должен был удалиться</p>
9. Казенный кр-нин Датика Цхитадзе.	46		40		
<i>Кутаисские жители, принадлежащие Гелатскому монастырю:</i>					
Эло Хананишвили	98	90			
Осип Цацашвили					
Акопашвили.					
Симонетский Михаил Бардавелидзе.	50				
10. Квачхирский моурав					
Окропир Инакавадзе	35		30		
11. Нацвал Каццела					
Хонели.	30		30		
12. Кация Гунсадзе	32		25		
13. Священ. Петр Чаквиан.	46	50	40		
Армянин Уполей Пелозашвили.	35				
14. Армянин Ростом Гулашвили.	110		50		

По удостоверению окружных начальников потерпели убытков	По мнению моему предполагается удовлетворить их ныне				
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	
Армянин Акоп Пилипашвили.	10				Не давать ничего по той же причине
15. Перевозчики в Варцыхе казен. кр-не 5-ть человек.	92	50	80		
Итого по Кутаисской округе	1788	43	913	73	
В Рачинской округе					
Майор кн. Григор Церетели.	300				Так как вино разграблено его собственными крестьянами, находившимися в мятеже, то и отказывается.
Подпоручик Иван Бакарадзе.	381	37			
16. Двор: Семен Гамкредидзе.	158	75	100		Если не будет ему дано 15 дымов крестьян, то выдать сумму сполна, ибо его разорение известно мне лично.
17. Двор: Осип Чичинадзе.	35		35		
18. Священник Григорий Джапаридзе.	716	75	400		
	1592	87			Ибо награждая *
В одной же округе в 1819 году					
19. Майор кн. Георгий Эристов.	138	40	100		
20. Кн. Давид Эристов	14	50	14	50	

* Дальше не разобрано.

По удостоверению окружных начальников потерпели убытков			По мнению моему предполагается удовлетворить их ныне	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
21. Церковь им же принадлежащая.	13		13	
22. Двор. Иван Кокошвили.	9	90	9	90
Двор. Гогита Бакрадзе.	71		50	
Двор. Симон Джапаридзе.	14	50	14	50
	261	30		
Итого по Рачинской округе	1853	17	736	90
Всего . . .	3642	60	1630	65

Генерал-майор князь *Горчаков*

ЦАГ, ф. № 8, д. 916, 1821 г., лл. 46—47.

7. 1820 г. Список участников восстания, с резолюцией Ермолова о мерах взыскания

Список о бунтовщиках, убитых во время возмущения; удаленных из Имеретии, содержащихся под арестом в Кутаисе и находящихся в бегах, с означением семейств каждого из них, где оные находятся и куда предполагается обратиться их имения. Сентября дня 1820 г.¹

Имена бунтовщиков	Где они ныне находятся	Их семейства	Где оные находятся	Куда предполагается обратиться их имения	Утверждение (главно-щего)
1	2	3	4	5	6
Ц-ч Давид Баграцион.	Убит во время бунта	<p>Мать его Марья, дочь кн. Чавчавадзе. Жена его Дареджан Вахтангова дочь кн. Эристова.</p> <p>Дети его:</p> <p>сыновья: Берика Теймураз Николай</p> <p>Дочери: Мария Мзахатуна Катерина</p>	В Мингрелии. Отправлены в Тифлис.	Взять в казну, но сохранить, не употребляя на вознаграждение. Из доходов содержать семейство в облегчение казны; сына, находящегося в Мингрелии, стараться достать, который и будет отдан в школу, куда один из сыновей уже отправлен.	

По Кутаисскому округу

¹ Число не поставлено, но принимая во внимание дату рапорта кн. Горчакова, при котором приложен список, нужно полагать, что последний должен быть датирован тем же числом т. е. 7 сентября.

Имена бунтовщиков	Где они ныне находятся	Их семейства	Где оные находятся	Куда предполагается обратиться имени	Утверждение (главно-щего)
	2	3	4	5	6
Кн. Николай Джапаридзе.	Содержится под двухмесячным арестом.	Жена его Тинагина Бежанова дочь кн. Цулукидзе	В доме	Оставить	Оставить
Щ-ч Вахтанг Багратион.	}	Мать его Марья дочь кн. Микеладзе.	}	}	}
Малолетний брат его Табриел Багратион.	}	Жена Дона, дочь кн. Лордкипанидзе. Дочь Анастасия.	}	}	}
Князя: Бежан Пхидзе.	}	Жена его Русудана Григорьевна, дочь кн. Асатиани	}	}	}
Гогия Пхидзе.	}	Жена его Мамия Мамухина, дочь князя Багратиона	}	}	}
Мамука Багратион.	}	Имеет двух сыновей: одного взрослого, другого малолетнего, имена коих неизвестны	}	}	}
			}	}	}
			}	}	}
			}	}	}
			}	}	}
			}	}	}
			}	}	}
			}	}	}
			}	}	}
			}	}	}
			}	}	}

1 Имена бунтовщиков	2 Где они ныне находятся	3 Их семейства	4 Где оные находятся	5 Куда предполагается обратиться их имения	6 Утверждения (главно-щего)
Казенные дв-не: Ломкаца Джапаридзе.	Убит во время бунта.	Жена его Додо Семенова, дочь двора. Гобидзе. Сыновья: Сачино Георгий Гогия Зураб	Находятся в доме.	Их самих без соразмерного вине наказания не допустить на жительство и имения оставить семействам	Стараться детей достать, которые и определяются в школу. Над именем учредить моруава, но оно сохранивать в пользу их, как лишившихся отца. Имения оставить семействам, но хотя по одному сыну взять годных в школу.— Отцов, буде возвратятся, по соразмерности наказать.
Вахтанг Далики ¹ .	}	Жена его Насима, дочь двора. Абашидзе Сыновья: Георгий Спиридон Алексей	В доме их.		
Мераб Цулукидзе.	}	Дочь: Софья Жена его Мзахатна Георгиева, дочь двора. Амушкели.	В доме огцов своих.		
Леван Абашидзе.	}	Жена его Елисавета Мерабова, дочь князя Джапаридзе. Сын: Хоссия Дочь: Мзахатна			

¹ Так в тексте.

Имена бунтовщиков	Где они ныне находятся	Их семейства	Где оные находятся	Куда предполагается обратиться имени	Утверждение (главно-щего)
1	2	3	4	5	6
Отия Гоголашвили. Мамиствал Кикнавалидзе Тотика Аракедашвили.	В бегах	Жена его Макина Иванова дочь двор. Абашидзе.	В доме отца своего.	Их самих без наказания не допускать на жительст- во, а имения оставить се- мействам.	Имения оставить се- мействам. Возврати- вшихся из бегов нака- зать. Сына Симона принять для опреде- ления на службу.
Ростом Ба- град[ион].	Содержится в Кутаисе под караулом.	Жена его Елисаве- та Георгиева, дочь двор. Хейдзе. Сын: Симон	В доме их.		
Гогия Хои- дзе.	Отправлен в Тифлис.	Дочери: Бзехагуна Ирина Пахуа			

Имена бунтовщиков	Где они ныне находятся	Их семейства	Где оные находятся	Куда предполагается обратиться их имения	Утверждение (главко-щего)
1	2	3	4	5	6
<p>Полк. Георгий Цулукидзе (умер в Тифлисе).</p>	<p>Отправлен в Тифлис.</p>	<p>Жена его Анна, дочь кн. Симона Абашидзе. Дети их: 1. Симон 28 [л.] жена его Мария Дети их: Георгий—4 неокрашенный еще 3-месяцев. 2. Бери 10 [л.] 3. Леван 6 [л.]</p>	<p>Отправлена в Тифлис.</p> <p>} В бегах.</p> <p>} При отце.</p> <p>Ураба Церетели В доме кн. Романа Эристова У Бечуа Лежава У Зураба Церетели У Симона Макишвили</p>	<p>Часть Симона отделить в пользу казны и отдать в вознаграждение. Рачинскому помощнику поручить Ивану Бардазе, а остальное предоставить семейству.</p>	<p>Симону принадлежашую часть не отдавать в вознаграждение, ибо невыгодно получить оную между большим именем.— Самого мошенника стараться достать; истребовать Бери и Левана для определения в школу. Имение взять в казну и доходами из оного способствовать содержанию семейства. Так должны наказываться главнейшие бунтовщики.</p>

По Рачинскому округу

Имена бунтовщиков	Где они ныне находятся	Их семейства	Где оные находятся	Куда предполагается обратит их имения	Утверждение (главно-щего)
1	2	3	4	5	6
<p>Князь: Мераб Георгиев сын Цулукидзе.</p>		<p>Жена его Мамия, дочь Евгения Абашидзе. Сыновья от первой жены Георгий 17[л.] Татука 12[л.] Жена его Елисавета</p>	<p>В 44 Егерском полку прапорщ. В Лечгуме В Вакинской округе В Мингрельском полку поручиком</p>	<p>Предоставить во владение семействам</p>	<p>Имения Мераба и Давида предоставить семействам в уваженные сыновей, находящихся на службе,</p>
<p>Давид Георгиев сын Цулукидзе.</p>	<p>О т п р а в л е н н ы е Г и р я н и с</p>	<p>Сыновья: от 1-й жены—Иван, от 2-й жены: Симон[6 л.]. Некрещен. Дочь Соломе[8 л.]. Мать Давида и Мераба Цулукидзе Елена Жена его Анастасия</p>	<p>При матери В сел. Ховеты</p>	<p>При матери</p>	<p>Зураба Цулукидзе сына Беко взять на службу, именование предоставить семейству.</p>
<p>Зураб Капиев сын Цулукидзе.</p>					

Имена бунтовщиков	Где они ныне находятся	Их семейства	Где оные находятся	Куда предполагается обратит их имения	Утверждение (главно-щего)
1	2	3	4	5	6
Мераб Капицев сын Цулукидзе.	В Кутаисском госпитале.	От разведенной по родству жены—сын Константин 8[л.].	В доме двора Кехнеля.	Предоставить во владение семействам	Мереба Цулукидзе сына Константина взять в школу, имения отдать отцу.
Хоссия Давидов сын Цулукидзе.	В бегах	Жена его Майя. Сыновья: Григорий 20[л.], Иосиф 10[л.]. Первый женат на дочери кн. Чикоан.	С мужем при отце.	Взять в казну	Взять в казну безвозвратно, как злых мошенников.
Алмасхан Яшвили. Дж. Яшвили. Мераб Яшвили.	В бегах. В бегах. В Кутаиси под арестом.	Жена его Мария дочь Майя—14[л.]. Жена его Мария Жена его Тамара	При муже, с матерью. При муже. В доме, в сел. Гуяро.	Взять в казну.	Взять в казну безвозвратно, как злых мошенников.
		Сыновья его: Николай 26[л.]. Хоссия 22[л.]. Ростом 19[л.]. Мизарбек 17[л.]. Бакаро 16[л.]. Леван 14[л.].	При матери. В Сванетии. В Мингрелии. При матери. Отправлен в Тифлис.	Предоставить во владение семейства.	Стараться всех достать и к определению на службу присылать в Тифлис. Последний же Леван, будучи уже определенным, бежал. Сего подлеца достать.

Имена бунтовщиков	Где они ныне находятся	Их семейства	Где они нахо- дятся	Куда предпола- гается обратиться их имени	Утверждение (разско-щего)
1	2	3	4	5	6
Князь Эри- стовы: Нариман Малучар	В Тифлисе. В Кутаиси под арестом.	У Николая жена дочь кн. Джапаридзе. Сыновья их: Кайхоро — 5[л.], Константин — 4[л.], Иосиф — 3 ¹ / ₂ [л.].			Манучара доставить в Тифлис, имение их взять в казну и дохо- дами одного вспомо- ществовать им на службе.
Реваз Леван	} Отправле- ны в Тиф- лис.	Х о л о с т ы		Предоставить во владения семейства.	
Кн. Иван Цулукидзе.	О находи- мости его тре- буется сведе- ние. Убит во время бунта.	Жена его Хвахва дочь кн. Микеладзе сын: Хаху — 3[л.], дочь: Эка — 5[л.]. Жена Анна. Сыновья: 1-й Алексей — 30[л.], жена его Анна 28[л.], сын Нико — 4[л.].	} В доме В доме		По дознанию, где находится, предостав- ляю распорядиться по усмотрению.
Кн. Леван Мерабов сын Цулукидзе.			В доме	В Сванетии при А.Амасхане Яшвиле	Имение оставить в пользу семейства.

Имена бунтовщиков	Где они ныне находятся	Их семейства	Где они находятся	Куда предполагается обратиться их имения	Утверждение (главко-щего)
1	2	3	4	5	6
Казен. двор.: Тариел Мхеидзе, Гогия Мхеидзе.	В бегах	Дочь Ггомона — 2 [л.] ¹ 2-й Тато — 15 [л.] Жена его Джехатуна ² дочь Марика — 2 [л.] Жена его Марта Сыновья: Симон — 15 [л.] Сакварело — 3 [л.] Дочери: Майя — 11 [л.] некрещенная 8 месяц. Жена его Анна, дочь Дажия — 10 [л.] Жена его Патия. Жена его Додо, дочь Солومه — 1 ¹ / ₂ [л.]	При матери. В доме. В доме отца ее. При матери. } В доме. } В доме. } В доме. } В доме.	Предост. во владение семейства Без наказания не допускать на жительство, а имение оставить семействам.	При возвращении наказать. Имение оставить в пользу семейства. Сына Симона взять на службу.
Сесика Яшвили, Теймураз Лопарашвили, Бежаника Лопарашвили.	В бегах			Не допускать без наказания на жительство, а имение оставить семействам.	Оставить имения семействам. Сами же по возвращении наказать.

¹ Вероятно «Гогона» (девочка).

² Мехатуга.

Имена бунтовщиков	Где они ныне находятся	Их семейства	Где оные находятся	Куда предполагается обратиться их имени	Утверждение (главно-щего)
1	2	3	4	5	6
По Вакинскому округу					
Князь:					
Полк. кн. Сехний Цулукидзе.	Отправлен в Россию.	Жена его Гулкана. Сыновья: Вахтанг 21 [л.], Симон 19 [л.].	В доме их в Вакинской округе.		
Давид Зурабов сын Микеладзе.	Отправлен в Россию.	Жена его Агата, пасынок ее Тариел — 25 [л.], у него сын недавно родинцийся. Дочери: Марико, Гундия, Хвахва.	В доме.	Оставить во владение семействам.	Оставить имение семействам.
			В замужестве.		

Имена бунтовщиков	Где они ныне находятся	Их семейства	Где они находятся	Куда предполагается обратиться их имения	Утверждение (главно-щего)
1	2	3	4	5	6
По Шоропанскому округу					
Князь: Иван Кай-хосров сын Абашидзе.	В бегах.	Жена его Елисавета дочь Симона Гуриела. Сын ^{овья} : Симон 8[л.], Оба (Николай — 3[л.] умерли в Тифлисе (Дмитрий — 1[л.] Дочери: Анастасия — 13[л.], Екатерина — 9[л.].	Отправлены в Тифлис.	Взять в казну и употребить на вознаграждение Мераба Яшвили.	Имение взять в казну, но Мераба Яшвили вознаграждение [произвести] из другого имения, но и сие тогда [сделать], как возвратить из бегов своего сына, бывшего в Тифлисе.
Николай Ростомов сын Пинези Абашидзе.	В бегах.	Мать его Анаханум Каджиева дочь. Жена его: Родама Давида Абашидзе дочь сестра его Гулькана. Братья его: Дмитрий — 13[л.], Георгий — 8[л.].	Отправлены в Тифлис.	Взять в казну и употребить на вознаграждение усердствующим. Сын Дмитрий определен на службу. Сына Георгия отдать в школу.	Взять в казну и употребить в вознаграждение усердствующим. Сын Дмитрий определен на службу. Сына Георгия отдать в школу.
		Сыновья его: Давид — 10[л.], Ростом — 4[л.].	При отце в Ахалцихе.		

Имена бунтовщиков	Где они ныне находятся	Их семейства	Где оные находятся	Куда предполагается обратиться их имения	Утверждение (главно-щего)
1	2	3	4	5	6
Кайхосро Амигабаров сын Абашидзе Зураб Амигабаров сын Абашидзе. Каз. двор.: Мераб Иванов сын Лежава. Глахуа Сионов сын Жгенти. Берика Заалов сын Жгенти. Симон Кайхосров сын Мелариани. Вахтанг Чхеидзе.	В бегах.	Холосты.		Не допускать на жительство без наказания, а имения оставить семейству.	Оставить имения семействам, по рассмотрению наказывать тех, кои возвратятся.

Полк. кн. Горчаков.

Ген. Ермолов.

8. 1821 г. Список участников восстания с указанием их роли в восстание и мнение ген. Горчакова о мерах наказания каждого

Список участвующих в бунте имеретинах с объяснением преступлений их по донесению окружного начальника и мнение мое, какому наказанию они подвергаются.

Имена и прозвание	Преступление их по донесению окружного н-ка	Мнение мое о наказании их	Утверждение
1. Казенный двор. Сесика Ияшвили.	Во время бунта ездил по селениям для возмущения народу, приводя оной к присяге, и во всех отношениях почитался первейшим действующим лицом.	Навсегда удалить из Имеретии в Сибирь на поселение.	
Дворяне князей Церетелей.	2. Отия Наниелашвили Гамреклидзе. В бунте не участвовал, но замечен был в неповиновении начальству, ибо не являсь по требованию одного для ответа по частным делам, находился долгое время в бегах, а по возвращении в дом укрывал у себя сыновей его, за участие в бунте к изгнанию назначенных.	Продержать в Кутаисе под арестом временно и потом освободить.	

Имена и прозвание	Преступление их по донесению окружного н-ка	Мнение мое о наказании их	Утверждение
<p>Сыновья его:</p> <p>3. Гогия, 4. Нико, 5. Берука.</p>	<p>За все время бунта участвовали в возмущении, да и прежде того находясь в бегах, были назначены к изловлению за неповиновение начальству и грабительства.</p>	<p>Отдать в службу солдатами без остановки или удалить на поселение.</p>	
<p>6. Дариспан.</p>	<p>В бунте не участвовал, но вместе с отцом находился в бегах.</p>	<p>Временно продержать в Кутаисе под арестом.</p>	
<p>7. Зураб Джапарисвили.</p>	<p>Был в числе главнейших бунтовщиков, да и прежде того замечен в грабежах.</p>	<p>Так как менее виновного чем другие его братья, удалить в Сибирь на поселение вечно.</p>	
<p>Крестьяне:</p> <p>8. Глахуна Бакурадзе. 9. Берика Хотобашивили.</p>	<p>Были в числе первейших возмутителей народа, а последний и хейставом, т. е. начальником шайки бунтовщиков.</p>	<p>Удалить в Сибирь на поселение на вечно.</p>	

Ген.-майор кн. Горчаков.

9. Без даты. Список арестованных по делу Имеретинского восстания со сведениями о их дальнейшей участи. (Составлен полицеймейстером Кохановым).

Список имеретинским семействам в ведении моем состоявшим

№

Отправленные в Россию
Семейства Давыда ц-ча

1.	Жена его Дареджана
2.	Сын его Теймураз
3.	Дочь Екатерина
прислуга их.
Датуна Патарадзе
девки
Цхнарисахарь
Тасия Гоцирадзе
Вахтанга ц-ча
4.	Мать его Марья Микеладзева
Князя Николая Пинези Абашидзева
5.	Мать его княгиня Анаханум
6.	Брат его Дмитрий
7.	— Георгий
8.	Сестра его Гулкана
9.	Жена его Родам
10.	Сын его Александр
11.	Дочь Анастасия
Прислуга их
Баана Оржоникидзе
девки
Саджаро
Монавардиса

№

Отлученные в Имеретию

Находящиеся в услуге при семействе Давыда ц-ча
девки:

Тинатина Асланадзе
Дереджана Гаручаваевна
Тарголитиса Лилуева
Манавердиса Бочорова

При семействе Вахтанга ц-ча

Матвале Буцхрикидзе

При семействе Николая Пенези Абашидзева

Девка Марина

При семействе князя Ивана Абашидзева

Ниния Оржоникидзе

Гогий Перадзе

Умершие

Из семейства Давыда ц-ча

1. мать его Марья

2. сын его Николай

Из семейства князя Ивана Абашидзева

3. сын его Николай

4. — Димитрий

Остающиеся здесь. [Из семейства Давыда ц-ча]

1. Дочь его Мзехатума. *Умерла*

2. — Майя жена князя Левана Дадияна

3. Дочь ее Мзеха 8 м-цев

В прислуге девка Цацуна

Из семейства Вахтанга ц-ча

4. *Жена его Майя*

5. *Дочь его Анастасия 1 года.*

6. В прислуге девка Харамзе

Полковника князя Цулукидзе.

7. Жена Анна

при ней девка Маргалитиса

Из семейства князя Ивана Абашидзе

8. Жена его Елисавета

9. Сын его Симон

№

10.	Дочь его Анастасия
11.	— Екатерина
	При них в прислуге мужчина Капичи А срадзе
	Девки
	Хенциписеули
	Ломисеули
	Мамисеули
	Вардисахар
	Цицина
	Содержащиеся особо
12.	Дворянин Зураб Церетели в <i>Тиф. крепости. Умер.</i>
13.	Архимандрита Еквима крестьянин Адам Чалидзе
<i>отправлен в Сибирь.</i>
14.	Князя Бери Цулукидзева крестьянин Микелита Раз-
мадзе <i>отправлен в Сибирь.</i>
15.	Полковника князя Цулукидзева крестьянин Глаха
Донадзе— <i>отправлен в Сибирь.</i>

Полицеймейстер *Коханов.*

ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, лл. 571—573.

10. 1820 г. июля 14 (26) за № 15. Рапорт управляющего Имеретией
гн. Горчакова главно-щему ген. Ермолову о наступлении успокоения в
Имеретии и помиловании раскаивавшихся жителей Ханисского ущелья,
с резолюцией по рапорту Ермолова

О состоянии Имеретии после отъезда г. начальника корпусного штаба в. выс-о донести честь имею, что все благополучно: мятежных движений или сборищ нигде не примечено. Сего числа по востребованию моему жители всех селений Ханисского ущелья прислали от себя депутатов для исходатайствования себе прощения и позволения водвориться попрежнему на старые свои жительства. Помилование даровано им, но вместе с оным поставил я селениям в обязанность некоторых главных бунтовщиков, находящихся и поныне в бегах, стараться изловить и доставить ко мне, или же, по крайней мере, не допускать их возвращения на родину, в противном случае не токмо укрывший кого-либо из сих злодеев, но и целая деревня, послужившая убежищем, подлежит неминуемо вторичному истреблению. Так как большая часть сих деревень принадлежит монастырям, то не упустил я сего случая объявить старшинам, чтобы они не думали, что сии мятежи могут отклонить начальство от точного исполнения указа г. и касательно описания церковных имений, что Монаршая воля священна, и что нет той силы или препон, которые могли бы ее остановить, и объявляется им сие заблаговременно единственно для того, чтобы они были готовы с должным повиновением исполнить то, что потребуется. Старшины уверили меня паки в покорности и доложили, что за границу при изменниках Багратионе и Абашидзе находится человек до 80 имеретин, частью бежавших от боязни из Ханисского ущелья во время экспедиции, частью находящиеся с давнего времени при них, кои все испрашивают себе прощения и позволения возвратиться. Относительно жителей Ханисского ущелья объявил я мое согласие и назначил им на сей предмет срок по 1 августа с. г. Касательно же прочих испрашиваю сим разрешения в. выс-о, ибо без сомнения те, кои наиболее упорствовали в бунте и составляют главных виновников

единственно в самой крайности, заслуживают менее снисходительности. О сведениях, полученных мною об изменниках Абашидзе, Гуриели и Багратионе, честь имею представить у сего особую записку. Полк. кн. *Горчаков*.

На документе резолюция Ермолова:

«Прощение ханисским жителям подтверждаю и тем, кои от страха бежали во время действия войск наших. Тех же, кои издавна находились при бунтовщиках, не иначе простить, как наложив на них штраф по усмотрению. Вообще сим селениям объявить, что в наказание преступления их должны они в продолжении будущей осени с каждого двора выслать по одному работнику для делания дорог, куда будет приказано, неподалеку от их жилищ. Известных же бунтовщиков требовать непременно выдачи или, если нельзя поймать их, то чтобы немедленно выданы были их семейства и дети. Ген. *Ермолов*.

ЦАГ, ф. о. в. д., д. № 5, л. 510.

11. 1820 г. марта 24 (апреля 5) за № 25. Рапорт ш.-к. Чилева полк. Пузыревскому о результатах его поездки в Гурию и свидания с бежавшими к кн. Кайхосро Гурьели князьями Иваном и Николаем Абашидзе

По поручению в. в-дия прибыв 22 числа с. м. к кн. Кайхосро Гурьели имеющему пребывание на самой почти границе к Ачарам*, в монастыре называемом Шемокмеди,—просил я позволения чрез его людей о допущении меня к нему по необходимости надобности, но он, воспретив мне вход в жилище свое приказал дожидаться на равнине по отдаленности от монастыря. Спустя несколько времени пришел Кайхосро Гурьели ко мне с вооруженною свитою до 40 человек, будучи и он сам вооружен. По отдаче ему письма вашего просил я позволения видеться с кн. Иваном Абашидзе, на что он согласясь сказал: «что Абашидзе пробирался в Ачару**, но я, желая отвлечь его от такого намерения, пригласил к себе с тем, чтобы удержать его здесь и примирить с правительством». Потом, оставив меня, выслал князей Ивана и Николая Абашидзе в сопровождении таковой же команды. Первый из них, прочитав письмо ваше, отвечал: «я наказан уже более, нежели заслуживал когда либо, но не раздражаясь сим пребуду всегда усердным к г. и., против коего никогда еще не нарушал я данную мною в верности присягу». Он оправдываясь в приписываемых ему преступлениях, просит исследовать в самой точности вину свою, и ежели он будет изобличен справедливыми доказательствами относительно тайной переписки его с турками, то добровольно подвергает себя наказанию по законам; до открытия же истины просит позволения оставаться ему в Имеретии под надзором, кому только доверит начальство. На сих кондициях согласен он явиться к в. в-дию, желая притом быть употребленным от правительства в таких делах, где бы он мог пожертвовать собою в пользу

* Так в документе. Очевидно, к границе Аджарии.

** Так в документе. Очевидно, в Аджарию, которая принадлежала тогда Турции.

службы и заменить жизнь хоть одного солдата своею.—Сверх сего, рассказав мне о прежних своих услугах известных и начальству, жалуется на свою участь, что никто не обращает внимания на его преданность, тогда как другие менее его отличные награждались щедро. По многим моим убеждениям он решился было возвратиться со мною вместе, но обдумав несколько сказал: «Ежели начальству не угодно пощадить невинность мою, то лучше умру я на свободе правым, нежели соглашусь страдать в век под напрасным именем преступника».—Посредством в. в-дия поручает он жребий свой и семейство свое под покровительство г. главно-шего прося помилования по правоте своей или наказания, ежели только исследованием обнаружатся его проступки. Потом заплакав удалился от меня, говоря: «Я погибну. Пусть отечество мое останется без меня благополучным, а недоброхоты мои пусть награждаются за изгнание меня».—Николай Абашидзе—Пинезов оправдывался также и просил прощения в проступках своих. При них никого нет бежавших из Имеретии кроме 5 собственных их служителей.

По окончании переговоров, хотя и просил я чтоб князь Кайхосро Гурьели повидался еще со мною, но ему не угодно было допустить меня к жилищу своему и даже не удостоил он ответом на ваше письмо, а чрез человека своего дал мне знать, что он кроме отзыва кн. Ивана Абашидзе, ничего не имеет мне сказать. Между прочим люди Кайхосро Гурьели, допытываясь о причине приезда моего туда, спрашивали под видом шутки, что я наверно прислан для обозрения позиций их, но сего де никому не позволим, и что мы на всякий случай очень осторожны.—По возвращении же оттоль слышал я в доме владетельного князя Мамии Гурьели, что Кайхосро Гурьели писал якобы Кобулетскому аге о приготовлении для него дома и что после праздников намерен он вместе с Абашидзе отправиться туда. В доказательство сего Мамия Гурьели поставляет, что вопреки изданного им по владению своему приказа с запрещением, чтобы никто не смел давать пристанища бежавшим из Имеретии, кто бы они ни были, Кайхосро Гурьели не токмо принял к себе кн. Абашидзе, но и подарил их некоторыми вещами, обнадежив их притом доставить им безопасное прибежище с приличным содержанием. Исключая сего г.-м. Гурьели просил доложить вам, что он в Кайхосро Гурьеле имеет совершенного себе сопротивника,

и что каждый по Гурии преступник находит у него верное убежище, как и приметно из свиты его окружающей.

В заключение честь имею донести в. в-дию, что во все время поездки моей находился при мне безотлучно кап. кн. Гугунава, данный мне в проводники от владетеля Гурии.

Штабс-капитан *Чиляев.*

Там же, д. № 5, л. 301, 305.

12. 1821 г. июня 20. Рапорт правителя Имеретии ген. Горчакова, ген. Вельяминову с приложением следственных материалов о гурийских повстанцах

Г. подполковник Михин представил ко мне следствие, произведенное по предписанию моему особо наряженного комиссиею над содержащимся в Чехатаурах гурийцами, князем Ломином Эристовым, дворянами: Леваникой Кадагидзевым, Симионикой Осетианом и Зурабом, сыном Кайхосра Сехнияшвили, участвующими в прошлогоднем гурийском бунте. Из составленной из следствия сего краткой записки, при сем прилагаемой, ваше превосходительство изволите усмотреть, что князь Ломин Эристов во время бунту хотя и показывал себя преданным Российскому начальству, являясь иногда к оному; но в то же время уезжал из отряда и вилен был в шайке бунтовщиков, в чем уличают его и самые свидетели, которые впротчем весьма приметным образом стараются его оправдывать.—Из дворян: 1-й Кадагидзе, хотя тоже запирается в убийстве казаков близ Нагомары, в чем и свидетели некоторые его оправдывают; но напротив того из таковых же несколько человек совершенно его в том уличают. 2-й Осетиан сознается, что он был на Ачарских горах у изменника, Кайхосра Гуриела, но якобы за получением должных ему денег, чему веры дать не можно, ибо он ходил туда по вызову изменников, и следовательно имел с ним сношение, и 3-й Зураб, сын Кайхосро Сехнияшвили сознался, что во все время бунта и после за границую находился он при изменниках: Давыде, Сико и Максиме Эристовых,—и следовательно действовал оружием против русских,—и потому я, мнением моим полагаю князя Ломина Эристова удалить навсегда из Имеретии, определив в России в какой либо полк временно рядовым, а дворян Кадагидзева, Осетианова и Сехнияшвили сослать в Сибирь на поселение. В прочем предавая сие благоусмотрению и разрешению вашего превосходительства, честь имею представить при сем подлинное следствие.

Генерал-майор князь *Горчаков*.

Краткая выписка из произведенного над содержащимся в Чехатаурах арестантами следствия.

1. Князь Ломин Эристов в показании объясняет:

Во время прошлогоднего бунта оружием против русских не действовал, а находился по приказанию владетельного князя Гуриела при подполковнике Згорельском. Между тем ездил домой и после возвращаясь из одного встретился с князем Иосифом Накашидзевым и вместе явились к капитану Воинову, следующему с командою и ранеными в Марань, коими отобрано было от него Эристова оружие, но по соединении с капитаном князем Орбелианом, паки возвращено ему оное. Когда при Цхенис-цкали напали на них бунтовщики, то Воинов послал его к ним уговорить, чтобы они не стреляли, братья его Максим и Сико Эристовы, хотя прекратили перестрелку, но взяли его с собой насильно; а приближаясь к Чехатауру, где был Г. Згорельский с отрядом, паки отпустили, однакож он не был допущен тогда в лагерь за пробитием зари. На другой день поехал он паки к г. Воинову, но его не догнал; наконец съехавшись с князьями Симоном Эристовым и Иосифом Накашидзевым прибыли в отряд к Г. Згорельскому.—При разбитии Чехатаурского поста он не был; ибо находился в Лехауре у Гуриела. Народа не возмущал, но старался еще успокоить оной.

Во свидетельство показали:

Князь Иосиф Накашидзе

При возвращении отряда из Озургета в Чехатауры отправлены были с ранеными и командою в Марань капитан Воинов и Орбелианов, с которыми он и находился, но версты за три или далее, напали на них бунтовщики, в числе коих были Максим и Ломин Эристовы вооруженные, последнего уговорил он Накашидзе ехать к Воинову, который в то же время приказал снять с него оружие и передать караульным. Между тем, как бунтовщики продолжали стрелять, я кричал им, что если не

перестанут, то будет убит Ломин Эристов; но бунтовщики требовали его возвращения. Капитан Войнов приказал отвечать, что освободится он и другие пленные тогда, когда соединится с ними капитан, князь Орбелианов. Наконец узнал я, что Ломин Эристов был уже отпущен, и я видел его паки между бунтовщиками с оружием, но Войнов говорил, что он сам послал его уговорить бунтовщиков, чтобы не стреляли. На другой день князь Ломин Эристов был в Маране у г. Згорельского.

Князь Гиго Эристов

Когда Г. Згорельский находился в Чиатурах, то и Ломин Эристов был там же; но когда отряд воротился из Озургет в Чехатауры, в то время находился ли при оном Ломин, он не знает. Когда же князь Сико Эристов с бунтовщиками шел для разорения Чехатаура, тогда владетельный князь Гуриел послал к ним Ломина для удержания их от того и после того он паки возвратился к Гуриелу.

То же подтвердили и прочие свидетели.

Капитан Войнов объясняет, что он князя Ломина Эристова, приехавшего к нему с князем Накашидзевым, не считая его изменником, не приказывал обезоруживать и арестовать и не посылал уговаривать бунтовщиков, чтобы не стреляли.

2-й дворянин Леваника Кадагидзе, подозреваемый в убийстве посланных с бумагами казаков, показал:

Находился он в крепости Нагамаре смотрителем дома владетельного князя Гуриала, и о убийстве казаков не знал, но кроме только что по приказанию Гуриела привез женщину для лечения одного из таковых раненого, оставшегося в Нагомаре и по выпользовании отвез оного в Озургет к отряду Г. Згорельского. С князем Сико Эристовым во все время возмущения не видался и никогда не уверял бунтовщиков, что в Шамокмеди русских истребили и что шли для того же в Чехатауры.

Свидетели: князя Ваханг Эристов и Лазарь Накашидзе и дворянин Бичико Жакели и Бичия Шаликашвили показали: что Кадагидзе точно не был убийцею казаков близ Нагомары и находясь там, всегда являлся к Гуриелу, когда был требован. По возвращении же Г. Згорельского из Шамокмеди послан был за лекарем для раненого казака и по выпользовании доставил оного в лагерь и не видался с Сико Эристовым.

Напротив того в улику Кодагадзева спрошенные майором Минченковым 8 числа июня гурийские дворяне и крестьяне всего 14 человек удостоверяют: что сам Кадагадзе при встрече с князем Сико Эристовым сознавался, что он одного казака убил, а другого ранил и сверх того объявлял бунтовщикам, что сам владетель Гуриел приказал им истребить Чехотаурской пост.

3-й дворянин Симоника Осетиани показал:

Что во время бунта при князе Кайхосро Гуриели он не был, но после взятия крепости Шамокумеди русскими, по требованию Бокоултхуцеса Георгия Максимашвили, находившегося при Кайхосре, ездил к сему последнему скрытно на Ачарские горы для получения денег 700 курушей за проданного ему татарина и там пробыл 3 дни, не получив ничего. Оттоле приехал в Кобулет и узнал, что за отлучку сию винит его владетельный князь Гуриел, и не прежде простит в том, как получит от него из Кобулета пленных. После сего украл он Осетиан в Кобулетах одну женщину и одну 10-летнюю девушку и доставя оных к Гуриелу, получил прощение, но в апреле месяце сего года взят из дому и отправлен в Чехатауры.

Свидетели дворяне: Алекса Мамукашвили, Хоссия Осетиан и Датика Чукишвили подтвердили показание Симоники Осетиана.

4-й дворянин Зураб, сын Кайхосра Сехнияшвили.

Признается, что он при Давыде, Сико и Максиме Эристовых находился во время бунта и после в Турции, так как собственной их человек; но наконец бежал от них и пришел в Гурию, где и взят князем Мамуком Гугнавой и отведен в Чехатауры.

Скрепил титулярный советник (подпись)

ЦАГ, ф. № 8, д. 916, 1821 г., лл. 66—68.

Показание гурийского дворянина Симоника Осетиани

Во время бунта при князе Кайхосро Гуриели не был—когда русские взяли Шемокмеды крепость спустя неделю потребовал меня Бокаултхуцес Георгий Максимашвили, который находился при Кайхосро для получения денег 700 курушов за проданного мною татарина, но Кайхосро—которого поймал прошлого года, я поехал скрытно, хотел чтобы никто не знал, так как думал скоро воротиться и кому не дал знать и знал что Кайхосро убил полковника Пузаревского и возмущал народ—я поехал к Кайхосро на Ачарские горы просил свои деньги, но он не отдал. Прожил там три дня и воротился в свой дом, как приехал в Кобулет к своим родственникам, узнал, что Гуриел сердится на меня, зачем я не спросился, я жил три недели в Кобулете, после узнал, что есть ли из Кобулета возьму пленных, Гуриел меня простит, зачем и послал своего дядю к Гуриелу—узнав, что точно так, украл там одну женщину и десятилетнюю девушку, приехал в свой дом, на другой день явился к Гуриелу и он меня простил. После находился в своем доме в апреле месяце потребовали меня к Гуриелу я немедленно явился князь Мамука Гугнава¹ схватил меня и посадил подкараул в Чохатауре, что по справедливости показал могу утвердить присягою и свидетельствуюсь дворянин Давид Чукашвили Хосия Осетиана Александр Мамукашвили.

Гуриел пишет что так как главнокомандующему не угодно было и он не хочет вмешиваться в такие дела.

Показание Алекса Мамукашвили

Симоника Асатиан когда в Гурии сделался бунт по требованию Бокаултхуцеса поехал к Кайхосро Гуриелу, а после находился при Гуриеле, тогда я сам при нем не был однакож слышал от других и точно он продал Кайхосро татарина за 700 куруш, когда Кайхосро побежал в Ачарию, тогда Асатиан по-

¹ Гугунава (Н. М.).

ехал в Кобулет к родственникам где был около одного месяца так как за неспрашивание Гуриел на него сердился и он прислал просить прощения что без просу поехал.

Действительно Гуриел сказал от Асатиани присланному человеку есть ли двух пленных привезет то он простит—Асатиан немедленно украл одну женщину и одну 10-летнюю девушку и явился к Гуриелу после он жил в своем доме и о том Гуриел знает что знал по справедливости показал и присягою утвердил Алексей Мамукашвили.

Тоже самое показывают:—дворянин гурийский Хосия Асатиан, гурийский дворянин Датико Чукашвили.

Ф. 8, д. 916,

1821 г. лл. 75—76.

Показание Иосифа Накашидзева

Долгом поставляю доложить комиссии что был я в отряде при подполковнике Згорельском—когда воротился оный отряд из Озургета в Чохатаур на другой день поутру был отправлен с отрядом 44 Егерского полка штабс-капитан князь Орбелиянов для доставления в Миран раненых, где начали стрелять на них бунтовщики, куда на помощь был отправлен того же полка капитан Войнов с командою с кем и я был отправлен от подпол. Егерского. Отъехав на три версты от Чохатаура там встретили и стали стрелять по нас, тогда приказал Войнов и сделали два пушечные выстрела и мы путешествовали окруженные со всех сторон бунтовщиками и в этой самой перестрелке приказал Войнов отправить своего человека, потом меня послал известить подполковника Згорельского и требовать помощи—немного подалее встретился со мною дворянин Зураб Сехниашвили с ним было человек пять вооруженных и приближались к войскам, я просил у него чтобы никто не убил меня, он отвечал мне что я не могу, а спроси у Максима и Ломина Еристовых—я спросил где они, что здесь, я взяв его за руку пошли мы к оным Эристам приехав туда хотел взяться за руку Максима но он не захотел, стал спрашивать издали зачем он изменил русским и Гуриелу, между этим разговором увидел, что Ломин шел вооруженный из лесу о том же стал спрашивать и Ломина, зачем он изменил он ответил что ни стрелял никогда, есть ли так сказал я ему поезжай со мной он ответил что

боится, но я уверил его и взял его за руку сказав брату его Максиму что после этого с Ломином ничего худого не будет так как встретил меня и едит со мной к русским и привел его к капитану Войнову с которого он снял оружие и дал караульным и сам взял за руку Ломина при преследовании солдат шли. Я закричал бунтовщикам есть ли они выстрелят так здесь Ломина убьют, тогда они и перестали стрелять и мы поехали соединятся с Орбельяновым но бунтовщики стали кричать есть ли Ломина не отпустите с кинжалами нападём на вас и всех истребим. Более всех там кричал Зураб Сехнияшвили, кап. Войнов приказал мне ответить им что когда соединимся с князем Орбельяни всех пленников отпустим только перестанте стрелять; потом подъехали близко к войскам дворянин Зураб Сехнияшвили с ружьем и Давид Жакеули¹ без ружья, с тем что нас говорил послали разбойники Кайхосро Батонишвили и Еристовы велели сказать есть ли не отпустите Ломина и других пленных которые у вас находятся через мост не пропустим должны были наши войска поправить чтобы отправится сказал Зурабу Сехнияшвили чтобы он был аманатом или поруком но он не захотел, сказал Давиду Жакели он повторил мне, (я обещался ему сколько бы не стало за тебя заплачу и выкуплю) потом сделали мостик и переправился так как Войнов обещал отпустить пленников—нас пропустили без перестрелки отдаляли Войнов оружие Ломину я не видал, я был с войсками и там узнал что Войнов отпустил Ломина, потом поблизости остановились где появились бунтовщики начали стрелять и стали требовать чтобы отпустили пленников, а то не отстанут, я увидел между бунтовщиками Ломина с оружием, спрашивал у Войнова сам побежал или вы отпустили Войнов сказал мне, что я сам отправил его советоваться с бунтовщиками чтоб по нас не стреляли и он скоро приедет—действительно тогда и перестали стрелять, на другой день в Маране увидел что Ломин приехавши был к Згорельскому и после приехал он в Сожавахе где я с князем Синомом Еристовым обедал и оттуда приехали мы к Згорельскому вместе, приказал и Згорельский Ломину что без дела не езжай, далее ничего не знаю что знал и помнил действительно показал и присягою утвердил.

Прапорщик Иосиф Накашидзе.

ЦАГ, ф. 8, д. 916, 1821 г. лл. 98—99.

¹ Джакели (Н. М.).

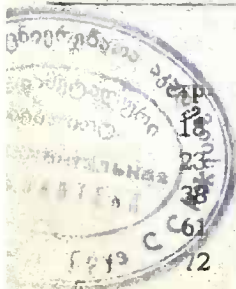
Литература об Имеретинском восстании 1819—1820 гг.

(Указывается только та литература, в которой отводится место освещению Имеретинского восстания)

- И. А. Джавахишвили. Социальное и политическое движение в Грузии в XIX столетии. 1906 г.
- Ф. Е. Махарадзе. Грузия в XIX столетии. 1933 г.
- Г. В. Хачапуридзе. Крестьянское движение в Грузии в XIX столетии. 1933 г.
- Ш. К. Чхетиа. Система русского политического управления в Грузии. Известия ИЯИМК. 1940 г., вып. 8-й.
История народов ССР под редакц. М. Нечкиной, т. II-й. 1940 г.
- И. А. Джавахишвили. Грузия. Статья в энциклопедическом словаре Гранат, том 17-й.
Грузинская ССР. Статья в Б. С. Э., том 19-й.
- Н. Дубровин. История войн и владычества русских на Кавказе, том 6-й. 1888 г.
- В. Потто. Утверждение русского владычества на Кавказе, том 3-й, часть II-я. 1904 г.
„ Кавказская война. 1885 г., том II-й, вып. 1-й.
- Иваненко. Гражданское управление на Кавказе. 1901 г.
- П. Зубов. Подвиги русских воинов в странах Кавказских, часть III-я. 1834 г.
Записки генерала Ермолова во время управления Грузией, часть II-ая.
- И. Дубедкий. Записки. Журн. „Русская старина“, 1895 г., кн IV.
Грузинский перевод в журн. „Моамбе“, 1896 г., кн. 9-ая.
- Н. Дадiani. История Грузии. Сборник „Описание рукописей О-ва распространения грамотности среди грузинского населения“, том I-й, вып. 1—4-й.
- М. Богданович. История царствования императора Александра I-го, том VI.
- М. Полиевктов. „Архивное дело о восстании в Имеретии, Гурии и Мингрелии в 1819—1820 гг.“. Сборник „Саисторио Моамбе“. 1924 г. кн. II.
- П. Цхвилоели. Церковное восстание в Имеретии и Гурии. Газ. „Иверия“, 1893 г., №№ 118, 119, 120 и 121.
- А. Пирцхалаишвили. Имеретия и Гурия в период 1804—1840 гг. Издан. АН Груз. ССР. 1942 г.
- Акты Кав. Археографической комиссии, т. VI, ч. I.

ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБОК

строка	Напечатано	Должно быть
6 св.	помещенные	не помещенные
3 св.	7,8 т.	8,7 т.
1 св.	Коди—9 фунтов	Коди—90 фунтов
20 св.	сел. Мухапруа	сел. Мухагруа
12 св.	западной Грузии	восточной Грузии

Цена 6 руб.

Издательство Академии Наук Грузинской ССР
ул. Дзержинского, 8.